

В сентябре 1973 года Кришнамурти неожиданно начал вести дневник. В продолжение почти шести недель он ежедневно делал заметки в записной книжке. Первый месяц этого периода он находился в Броквуд-Парке (Хемпшир), а остальное время – в Риме. Он возобновил записи в дневнике через полтора года в Калифорнии.

Почти каждая запись начинается с описания какой-либо картины природы, близко ему знакомой, однако лишь в трёх случаях эти описания отражают то место, где он фактически находился. Так, на первой странице первой записи он даёт описание рощи в Броквудском парке, но ко второй странице, как мы видим, воображение переносит его уже в Швейцарию. Лишь в 1975 году, находясь в Калифорнии, он вновь описывает природу, которая реально его окружает. В остальных случаях он по памяти воспроизводит места, где он жил, с той ясностью, которая показывает, как живо сохранились в его памяти картины природы благодаря необычайной остроте наблюдения. Этот дневник показывает также, сколь сильно в его учении отражается его близость к природе.

Часто записи ведутся Кришнамурти как бы от третьего лица, и иногда он говорит нам о себе нечто такое, чего не говорил прежде.

Родился он в деревушке Маданалле в южной Индии. В 1909 году стал учеником Анни Безант, которая видела в Кришнамурти «нового мессию». Три года спустя Безант увезла мальчика в Англию, где он получил образование. В 1929 году Кришнамурти порвал с Теософским обществом и стал пропагандировать собственное религиозно-мистическое учение.

Он основал несколько школ, опубликовал множество книг и статей, дал около тысячи интервью, в которых раскрывал суть своего подхода к жизни.[1]

Последнее публичное выступление Джидду Кришнамурти состоялось в Мадрасе (Индия), в январе 1986 года, за месяц до смерти.

Явление Кришнамурти уникально по своей сути, отлично от всех Учителей, основателей учений, сект и даже религий.

Кришнамурти – человек, который из любви к миру и истине отказался от роли живого Бога, мирового Учителя, роли, к которой он был предназначен с детства. Сделал он это, так как осознал, что истина, если она открыта не самостоятельно, а навязана авторитетом другого, пусть даже в высшей степени замечательного существа, не ведет ни к чему, кроме иллюзий, конфликта и страдания.

Джидду Кришнамурти родился в ортодоксальной брахманской семье, в Маданалле, в 1895 году.

Мальша заметил Ч. Ледбитер?, один из лидеров Теософского общества. Он был поражен красотой Джидду, его склонностям к ярким экстатическим переживаниям, видениям. Ледбитер решил, что Джидду – тот самый человек, которого теософы искали: новый Учитель Мира, живой Майтрейя, предыдущим воплощением которого был Иисус Христос

Отец его, Нараяни Кришнамурти, охотно отдал сына на воспитание, но вскоре понял, что теософы отвратят его от ортодоксального индуизма и потребовал сына назад. Ледбитер,

обвиненный в применении незаконных педагогических приемов, был вынужден уехать из Индии. Однако, теософы выиграли судебный процесс, и попечительницей мальчика стала глава общества Анни Безант

Представленный Анни Безант двум высшим Учителям – Кут-Хуми? и Мориа? – четырнадцатилетний Кришнамурти был безоговорочно признан Великим Существом, в котором должен проявиться будущий Будда – Боддхисатва Майтрейя, пришествие которого было предсказано теософами. Учителя рекомендовали внешнее воспитание и обучение в европейском духе, но запретили всякое вмешательство в духовную сферу.

В декабре 1906 года Кришнамурти был принят в эзотерическую секцию общества, а в январе 1906г. – учеником к Мастеру Кут Хуми.

В 1911г. А.Безант, которая сразу и навсегда глубоко полюбила Кришнамурти и уверовала в него, основала от имени Теософского общества Орден Звезды Востока с отделениями по всему миру. Этот Орден должен был стать основой будущего миропорядка под руководством Кришнамурти (в Голландии, Индии, США, Австралии).

До 1929г. Орден непрерывно расширялся и насчитывал десятки тысяч членов.

В 1912г. теософы неофициально признали Кришнамурти главой Ордена. Некоторые теософы, во главе со Штейнером, образовали самостоятельную общину (антропософскую), не согласившись с таким решением. К этой общине примкнули наши соотечественники: М.Волошин, А.Белый, М.Чехов.

Сам Кришнамурти до 1921г. находился в Англии, где получил домашнее воспитание. Попытки поступить в Оксфорд или Кембридж были безуспешны. Кришнамурти ведет светскую жизнь в Лондоне, Париже. Знакомится с писателями, художниками, музыкантами, пользуется большим успехом у интеллигенции и снобов. На вопрос о том, трудно ли быть инкарнацией божества, он отвечал, что его сейчас больше всего волнует, кто выиграет Уимблдонский турнир.

В конце 1921 года Кришнамурти ненадолго приезжает в Индию, а затем, после Конгресса Теософического общества в Австралии, направляется в Калифорнию, где в Оджай, недалеко от Санта-Барбары, поселяется в небольшом имении, которое потом купит для него А.Безант, и где ему суждено будет умереть через много лет. Здесь начинается для него интенсивное духовное пробуждение, связанное с полной трансформацией сознания и мучительными перестройками физического организма, которое полностью изменит весь ход его жизни и будет продолжаться до конца его дней. В это время, и особенно после поездки в Италию, в 1924г., он, как никогда прежде, отвечает своей роли Мирового Учителя и Мессии, дает наставления своим последователям, излучает радость и сочувствие, поражает окружающих глубокими духовными прозрениями, собирается принять санньясу, убежден в своей способности сделать всех счастливыми. Теософы с радостью констатируют слияние сознания человека с сознанием Майтрейи. В апреле 1927г. А.Безант делает заявление для Ассошиэйтед Пресс: «Учитель Мира здесь». В начале 1929г. она пишет Кришнамурти, что хотела бы оставить пост главы Теософского общества, сидеть у его ног и слушать, что он говорит – но он ей этого не позволяет. Ведущие теософы в своем энтузиазме не замечают, что уже три года Мессия говорит странные вещи, никак не укладывающиеся в теософическую доктрину.

Наконец, 3 августа 1929г., в присутствии трех тысяч собравшихся послушать его членов Общества, Кришнамурти объявляет о своем решении распустить Орден Звезды?. Он говорит о безусловной вредности авторитета и подчинении ему, о том, что к истине нет дорог, и нелепо думать, что какая-либо организация способна вести или может заставить людей идти заданным путем. И тем, кто действительно хочет что-то понять и может сотрудничать, не нужна никакая организация и никакой авторитет, особенно авторитет Учителя Мира. Будда и Христос не претендовали на божественность, ее навязывали им своим поклонением ученики. Он видит задачу в том, чтобы освободить человека от страхов, от обусловленности, от ограниченности, а не в том, чтобы строить ему новые клетки из религий, сект, теорий или философий. Чтобы понимать мир, нужно быть свободным.

Теософское общество получило страшный удар и поспешило откреститься от Кришнамурти. Для Анни Безант это было крушением планов всей ее жизни, но ее вера в Кришнамурти и любовь к нему не поколебались, она до самой своей смерти, в 1933г., считала, что он лучше знает, что надо, и делала все, чтобы он мог продолжить свою деятельность. Вскоре все фонды Ордена были ликвидированы, а обширные владения и поместья возвращены первоначальному владельцам.

Не все теософы смогли это принять, однако разрыв был не резким. Теплые отношения с Анни Безант сохранились до конца ее жизни. Теософские залы всегда были открыты для Кришнамурти, теософские общества печатали его труды.

Кришнамурти надолго поселяется в Калифорнии. До 1939г. он еще несколько раз приезжает в Индию, где, несмотря на противодействие теософов, особенно после смерти А.Безант, выступает перед достаточно большой аудиторией. Но похоже, что Индия еще не готова услышать его. Шум вокруг его имени утихает, мир и пресса забывают о нем. С начала войны и до 1947г. он живет в Калифорнии и ведет себя настолько скромно, что даже близко знакомые с ним люди не подозревают о той гигантской внутренней работе, которая идет в нем.

Вторая мировая война изменила мир. Изменила она и Индию. В 1947г., через два месяца после объявления независимости Индии, Кришнамурти приезжает на Родину. Просыпающаяся после многовекового застоя страна в жесточайшем кризисе. Восторги по поводу свободы длились недолго, для многих они сменились разочарованием и отчаянием. Миллионы людей были вынуждены под страхом смерти бросить свой дом и имущество и отправиться неведомо куда. Многие интеллигенты с ужасом наблюдали результаты своей многовековой благородной борьбы. Что происходит? Как это случилось?

Новая Индия уже готова услышать Кришнамурти. И он взрывается всем гигантским зарядом энергии любви, сострадания и истины, который накопился в нем за годы, проведенные во внешнем бездействии. Этот поток уже не иссякает до самой его смерти в 1986г.

В течение 40 лет он выступает перед многотысячными аудиториями в Индии, Швейцарии, Америке и других странах. К нему приходят со своими бедами и вопросами люди всех возрастов и сословий, и никто не встречает отказа.

Он не обещает и не дает утешения, но в окружающей его атмосфере света и любви самая

жестокая правда воспринимается как благо и способна произвести глубочайшие перемены в душах и умах людей.

Представить систему взглядов Кришнамурти невозможно, потому что слово «система» неприемлемо применительно к его философии. Читая Кришнамурти, люди испытывают то великое потрясение, которое дает неожиданно открытая истина. «Я ничему не учу Вас, я только держу фонарь, чтобы Вам было лучше видеть, а захотите ли Вы увидеть – Ваше дело».

Философия Кришнамурти не является учением, имеющим определенные догматы. Его представления о жизни и смерти, счастье и радости, пространстве и времени, о любви и т.д., которые обсуждаются в его беседах, не навязываются собеседнику, более того, они просто ставятся как предмет раздумий для каждого, и решение для каждого индивидуума свое. Доходите до всего сами, не верьте каким бы то ни было догмам, представлениям, шаблонам – эзотерическим, христианским, исламским и т.д.

Основное положение – главное, что, на мой взгляд, можно положить в основу взглядов Кришнамурти, – это представление о свободе. Свободе от внешних и внутренних воздействий и побуждений, ограничивающих взгляд человека на жизнь, суживающих его кругозор. Но как суметь, пройдя через воспитание в семье, полученное в институтах образование, обретя определенные шаблоны мышления общества, в котором живет человек, сохранить чистоту восприятия ребенка? Кришнамурти не дает однозначного ответа на этот вопрос. Как, впрочем, и на все вопросы жизни, которые, по его мнению, не имеют однозначного ответа. Ответы Кришнамурти почти всегда парадоксальны, они лавируют на лезвии бритвы и необыкновенно точны, открывая глаза человека на вечное и непреходящее. Вот, например, понятие о жизни, как о чем-то изменчивом, динамическом потоке, с целью увидеть и оценить бессмертие и метапространство, не ограниченное временными параметрами.

Он говорит об опыте, который вызывает окостенение нашего восприятия, образует определенные стереотипы поведения в уже известных ситуациях. Он указывает, что это необходимо осознавать, чтобы не ограничивать возможности восприятия каждого явления, воспринимать его как в первый раз. Необыкновенно ярко данное Кришнамурти определение истинно религиозного ума, как взрыва осознания, восстания против всех пут и систем.

Кришнамурти занялся активной просветительной деятельностью в период 50–60гг., когда послевоенный кризис привел к распаду мировой системы, возник могучий поток национально-освободительных революций в разных странах. Он видел способ разрешения мировых конфликтов не в политике или религии, а в индивидуальной революции, в процессе самопознания индивидуума.

«Если не произойдет преобразования индивидуума, который является продуктом общества, не знаю, как мы выйдем из этого хаоса». «Начинать надо с понимания рабства ума».

«Что бы понимать страдание и беспорядок, которые существуют в нас, а поэтому и в мире, мы должны сначала найти ясность в себе, а эта ясность приходит через правильное мышление. Правильное мышление – это не результат просто развития интеллекта. Правильное мышление приходит с самопознанием. Без понимания себя, то что Вы думаете, не истинно».

Эта фундаментальная тема развивается Кришнамурти последовательно, шаг за шагом, Этот Учитель делает ставку на отдельного человека, на развитие его сознания. «Надежда на человека, не на организованные религиозные системы. Организованные религии с их посредниками, священными книгами, догмами, иерархиями и ритуалами предлагают только фальшивое решение основной проблемы. Вера в высшую ценность всякой данной системы ценностей ведет не к освобождению, а к еще большим старым несчастьям». И еще «верование неизбежно разделяет». Все организованные верования основаны на разделении, хотя и могут проповедовать братство. Человек, который успешно решил свои отношения с этим миром – это человек, у которого нет верований, «Только через творческое понимание себя может быть творческий, счастливый мир, в котором верований не существуют». Мир без религиозных идей был бы счастливым миром по Кришнамурти, потому, что это мир без могущественных сил, принуждающих к определенным действиям человека, без почитаемых догм, во имя которых оправдываются наихудшие преступления и величайшие глупости. Но что же предлагает нам Кришнамурти? Это не система верований, не религиозные догмы, не набор готовых правил и установок, не призывы к духовному подъему и не вдохновленная болтовня о существовании в трансцендентальных мирах.

Он не предлагает самодисциплины и молитвы, он не сторонник йоги.

Он во всех своих лекциях говорит о развитии осознанности, о том, что жизнь – это трансцендентальная спонтанность, творческая Реальность». Только осознание такой реальности, открытость человека динамическому потоку опытов, без выбора, ведет к полному пониманию и полной любви. Это осознание без выбора в каждый момент, во всех жизненных обстоятельствах- есть единственная эффективная медитация.

* * *

Проводя беседу с большой аудиторией, Кришнамурти как правило подолгу говорил один. Однако, это никогда не было ни выступлением, ни лекцией, где выступающий делится со слушателями своими знаниями, инструктирует, советует, выдвигает свои мнения или убеждает. Кришнамурти смотрел на беседу как на совместное изучение сложных проблем жизни. При совместном исследовании и тот, кто говорит, и тот, кто слушает продвигаются по пути выяснения очередной проблемы вместе, предельно внимательно, с осторожностью, крайне осторожно, шаг за шагом – и всё время вместе. И хотя почти всё время аудитория слушала молча, Кришнамурти ни на миг не прекращал такое совместное изучение проблемы. Слова ведущего беседу могут лишь освещать ситуацию, но увидеть и понять слушающий может только сам; и Кришнамурти делал всё, чтобы понимание это возникало в сам момент обсуждения проблемы, предоставляя слушателю, в частности, достаточно времени для глубокого восприятия услышанного – Кришнамурти говорил очень спокойно, медленно, без спешки, выдерживая достаточно длинные паузы, – и не только после каждой своей фразы, но часто и внутри самой фразы. Паузы эти занимали значительную часть – почти половину! – всего времени беседы, но именно эти паузы и позволяли вниманию слушающего продвигаться вместе с ведущим беседу, не отставая от него, не проскакивая мимо смысла.

Всё это хорошо видно на видеопросмотрах бесед Кришнамурти – но читателю текста, к сожалению, этого не видно. Чтение текста беседы Кришнамурти «обычным образом», просто подряд фраза за фразой, без столь важных пауз, что так обильно пронизывали живую речь Кришнамурти, лишает читателя того совместного исследования, ради которого Кришнамурти и

проводил свои беседы.

С появлением видеотехники все беседы Кришнамурти, где бы они ни проводились, записывались на видеоплётку; существует более пятисот записей бесед последних пятнадцати лет жизни Кришнамурти. Впечатление от видеопросмотра беседы Кришнамурти намного глубже, чем от одного лишь текста беседы; важно не только то, что он говорит, но и как он это говорит, и весь его облик, чистый, совершенно не озабоченный собой, и само молчание Кришнамурти во время пауз. И только после просмотров этих видеобесед становится ясно, как правильно читать Кришнамурти – не только тексты его бесед, но и всё, написанное им самим: записные книжки, дневники, книги.

Кришнамурти Джидду

ДНЕВНИК КРИШНАМУРТИ

БРОКВУД-ПАРК, ХЕМПШИР (АНГЛИЯ)

14 сентября 1973

На днях, возвращаясь с хорошей прогулки среди лугов и деревьев, мы прошли через рощу[1 [нажми](#)] возле большого белого дома. Войдя в рощу, он сразу же ощутил великое чувство покоя и тишины. Не было заметно никакого движения. Казалось святотатством идти через рощу, ступать ногами по её земле, разговаривать и даже дышать. Гигантские секвойи стояли абсолютно тихо; американские индейцы называют их немymi деревьями, и сейчас они действительно были немы. Даже сорока не гонялась за кроликами. Вы стояли неподвижно, едва осмеливаясь дышать. Вы чувствовали себя непрощённым гостем, потому что болтали и смеялись и потому что, входя в рощу, не знали, какой вас ждёт там сюрприз и какое потрясение предстоит вам испытать — потрясение нежданного благословения. Сердце билось медленнее, замирая перед этим чудом. Тут был центр всей местности. И теперь всякий раз, когда вы приходили сюда, здесь пребывала та же красота, та же тишина, эта странная тишина. Приходите, когда пожелаете, и она будет там, полная, щедрая и не имеющая имени.

Никакая форма сознательной медитации не является подлинной медитацией; она и не может ею быть. Намеренная попытка медитировать — не медитация. Это должно случиться; это не может быть вызвано. Медитация — не игра ума, желания или удовольствия. Всякая попытка медитировать сама по себе отрицает медитацию. Только лишь осознавать, что вы думаете и делаете, и ничего больше. Видение, слушание есть действие, не зависящее от награды и наказания. Умение действовать заключено в умении видеть, слушать. Любая форма медитации с неизбежностью ведёт к обману, иллюзии, ибо желание ослепляет. Это был восхитительный вечер, и земля была залита мягким весенним светом.

15 сентября 1973

Хорошо быть одному. Быть далеко от мира и в то же время ходить по его улицам — значит

быть одному. Быть одному, шагая по тропе вдоль стремительно несущегося, шумного горного потока, полного вешних вод и талого снега, — это значит осознавать то одинокое дерево единственное в своей красоте. Одиночество человека на улице — это боль жизни; он никогда не бывает один, далёким, ничем не затронутым и незащищённым. Заполненность знанием рождает нескончаемое страдание. Потребность в самовыражении, с его разочарованиями и болью, — вот что такое человек, который идёт по улице; он никогда не бывает один. Печаль есть проявление этого одиночества.

Горный поток был полон, его воды поднялись от талых снегов и дождей ранней весны. Слышался грохот больших валунов, перекачиваемых стремительным движением воды. Высокая сосна, которой было лет пятьдесят или больше, с треском рухнула в воду; дорогу размыло. Поток был мутный, грязно-серого цвета. А выше простирались луга, сплошь усыпанные полевыми цветами. Воздух был чист, и была чарующая красота. На высоких холмах ещё лежал снег, и ледники, как и высокие горные вершины, тоже были покрыты недавними снегами; они будут оставаться белыми в течение всего долгого лета.

Было чудесное утро, и можно было идти без конца, не ощущая крутизны холмов. Чистый и здоровый воздух был напоён ароматом. Не было никого, кто бы спускался или поднимался по тропе. Ты был наедине с этими тёмными соснами и стремительно текущими водами. Небо было изумительно голубого цвета, какой бывает только в горах. Его можно было видеть сквозь листву и между прямых стволов сосен. Никого не было рядом, с кем надо было бы разговаривать, не было никакой болтовни ума. Мимо пролетела черно-белая сорока и скрылась в лесу. Тропа увела в сторону от шумного потока, и настала абсолютная тишина. Это не была тишина, которая наступает после прекращения шума; это не была та тишина, которая приходит с закатом солнца, и не тишина умолкнувшего ума. Это не была тишина музеев или церквей, а нечто абсолютно не относящееся ко времени и пространству. Это не была тишина, которую создаёт для себя ум. Солнце было жарким, и в тени было приятно.

Он лишь недавно осознал, что в течение этих длительных прогулок по людным улицам или уединённым тропам у него не бывало ни единой мысли. Так было с ним всегда, ещё когда он был мальчиком; тогда тоже не возникало в уме ни одной мысли. Он наблюдал, внимательно слушал, и больше ничего. Мысли с её ассоциациями не возникало. Не было создания образов. Однажды он вдруг осознал, как странно это было; он часто даже пытался думать, но ни одной мысли не приходило. Во время этих прогулок, с людьми или без них, какое бы то ни было движение мысли отсутствовало. Это означает быть одному.

Над снежными вершинами сгущались облака, тяжёлые и тёмные; возможно, позднее пойдёт дождь, но сейчас тени были очень резкие от ослепительно яркого солнца. В воздухе ощущался всё тот же приятный аромат; после дождей он станет другим. Предстоял долгий спуск по тропе к дому.

16 сентября 1973

В эти ранние утренние часы улицы небольшого селения были пусты, но за ними простиралась местность, на которой росло много деревьев, зеленели луга и слышался шёпот лёгкого ветерка. Единственная главная улица была освещена, а всё остальное оставалось погружённым в темноту. Солнце должно было взойти часа через три. Было прозрачное звёздное утро. Снежные вершины и ледники оставались ещё погружёнными во мрак, и почти все люди спали. Узкие горные дороги имели так много поворотов, что невозможно было быстро

двигаться; машина была новая, её обкатывали — прекрасная машина, мощная, самая лучшая модель. В утреннем воздухе мотор работал с предельной эффективностью. На автотрассе машина смотрелась как творение красоты, легко преодолевая подъёмы, беря каждый поворот, устойчивая, как скала. Начинался рассвет, уже стали видны очертания деревьев, длинная цепь холмов; виноградники; утро обещало быть прекрасным; среди холмов была приятная прохлада. Солнце взошло; на листьях и на траве серебрилась роса.

Он всегда любил механизмы; он разбирает мотор автомашины, и мотор он начинал работать как новый. Когда вы ведёте машину, медитация возникает естественно, сама собой. Вы осознаёте сельскую местность, дома, фермеров, поле, марку проходящей машины и синее небо сквозь листву. Вы даже не замечаете, что продолжается медитация, медитация, начало которой теряется в глубине веков и которая будет длиться бесконечно. Фактором медитации не являются ни время, ни слово, являющееся медитирующим. В медитации нет медитирующего. Если же есть, то это не медитация. Медитирующий — это слово, мысль и время, тот субъект, который может изменяться, приходить и уходить. Это не цветок, который цветёт и умирает. Время — это движение. Вы сидите на берегу реки, наблюдая ее воды, течение и проплывающие предметы. Когда же вы в воде — наблюдающего нет. Красота не заключается просто в выражении, она — в уходе от слова и выражения, от холста и книги.

Как спокойны эти холмы, луга и деревья: все вокруг залито светом наступившего утра. Два человека громко спорят, усиленно жестикулируя, с покрасневшими лицами. Дорога бежит вдоль длинной аллеи, обсаженной деревьями, и нежность этого утра блекнет.

Впереди простиралось море, и воздух был напоён запахом эвкалипта. Это был невысокий человек, худощавый и с сильной мускулатурой. Он пришёл издалека, и кожа его была тёмной от солнца. После нескольких слов приветствия он бросился критиковать. Как легко критиковать, когда не знаешь каковы реальные факты. Он сказал: «Вы, может быть свободны и живёте действительно так, как об этом говорите, но физически вы пленник, усердно перевозносимый вашими друзьями. Вы не знаете, что происходит вокруг вас. Люди воспринимают вас как авторитет, хотя вы сами не стремитесь быть авторитетом».

— Я не уверен, что вы правы в этом вопросе. Руководство школой или каким бы то ни было другим делом предполагает определённую ответственность, но оно может существовать и существует без того, чтобы вмешивать в это авторитет. Авторитет губит сотрудничество, делает невозможным совместное обсуждение вопросов. И так происходит со всяким делом, за которое мы принимаемся. Это реальный факт. И если вы обратите внимание, — никто не стоит между мною и другим человеком.

"То, что вы говорите, крайне важно. Всё, что вы пишете и говорите, должно было бы издаваться и распространяться небольшой группой серьёзных и преданных людей. Мир рушится, но это проходит мимо вас".

— Боюсь, вы опять не вполне осознаёте то, что происходит. Некогда небольшая группа приняла на себя ответственность за распространение того, что говорилось. И теперь небольшая группа несёт такую же ответственность. Снова, если позволено будет указать, вы не в курсе того, что происходит.

Он высказывал различные критические замечания, но они опирались на предположения и случайные мнения. Без того чтобы оправдываться, ему было разъяснено, что именно в действительности имело место. Но...

Как странны люди.

Холмы отдалялись, а шум повседневной жизни царил вокруг — приезд и отъезд, горе и радость. В единственном дереве на бугре была вся красота земли. Глубоко внизу, в долине струился ручей, а рядом с ним пролегла колея железной дороги. Надо оставить мир, чтобы

17 сентября 1973

В тот вечер на пути через лес было ощущение опасности. Солнце как раз садилось, и пальмовые деревья казались одинокими на золотом фоне западной части неба. На дереве баньяна обезьяны устраивались на ночь. По этой тропе почти никто не ходил, и лишь изредка можно было встретить человека. Было много оленей, пугливых и скрывавшихся в густых зарослях. Угроза опасности всё еще продолжалась, гнетущая и пронизывающая насквозь: она была совсем близко, и ты оглядывался через плечо. Тут не было опасных животных; они отсюда ушли, так как поблизости выросстал город. Радостно было выйти из леса и возвращаться по освещённым улицам. Но на следующий вечер обезьяны, как и олени, снова были здесь, и солнце так же скрылось за верхушками самых высоких деревьев; а ощущения опасности уже не было. Напротив, эти деревья, кусты и маленькие растения радушно тебя встречали. Ты оказывался среди друзей в полной безопасности, как желанный гость. Лес благосклонно тебя принял, и каждый вечер было приятно гулять в нем.

Леса бывают разные. В них может быть опасно, и не только из-за змей, но и из-за тигров, если известно, что они там обитают. Как-то раз после полудня шёл лесом, и вдруг возникла необычная тишина: птицы смолкли, обезьяны замерли, и всё, казалось, затаило дыхание. Ты стоял тихо. И так же внезапно всё снова ожило; обезьяны снова играли и дразнили друг друга, птицы возобновили свою вечернюю болтовню, и стало ясно, что опасность миновала.

В лесах и рощах, где человек убивает зайцев, фазанов и белок, атмосфера совершенно иная. Вы попадаете в мир, где побывал человек, с ружьём и с присущей ему жестокостью. Тогда леса утрачивают свою мягкость, приветливость; в них исчезает какая-то красота, смолкает счастливый шёпот.

У тебя только одна голова; береги её, ибо это нечто удивительное. Ни машины, ни электронные компьютеры не могут с нею сравниться. Она так грандиозна, сложна, так потрясающе способна, искусна и плодовита. Она — хранилище опыта, знания, памяти. Всякая мысль исходит из неё. Совершенно невероятно, что она в себе соединила: зло, смятение, страдания, войны, развращённость, иллюзии, идеалы, горе и нищету, великолепные соборы, восхитительные мечети и священные храмы. Просто фантастично, что она уже сделала и что она может сделать. Одного только она явно не может: полностью изменить своё поведение в отношении к другой голове, к другому человеку. Ни наказание, ни награда, как видим, не могут изменить её поведения; не может изменить его, очевидно, и знание. «Я» и «ты» продолжают существовать. Она никогда ясно не сознаёт, что «я» — это «ты», что наблюдающий есть наблюдаемое. Её любовь — это её вырождение; её наслаждение — это её мука; боги её идеалов — это её губители. Её свобода — это её собственная тюрьма; она обучена жить в этой тюрьме, делая её только более удобной, более приятной. У тебя только одна голова, заботься о ней, не разрушай ее.

Так легко отравить[3 [нажми](#)] её.

У него всегда удивительным образом отсутствовала дистанция между ним и деревьями, реками и горами. Это свойство не было в нём искусственно развито: вы не можете развивать подобные вещи. Между ним и другим человеком никогда не было стены. Как ни относились к нему, что ему ни говорили — это, по-видимому, никогда не ранило его, как никогда не коснулась и лесь. Так или иначе, он был этим совершенно не затронут. Он не был

отстранившимся, отчуждённым, но был подобен водам реки. У него было так мало мыслей, а когда оставался один — мыслей не было вовсе. Его мозг был активен, когда он говорил или писал, в другое же время был спокоен и активен без движения. Движение есть время, а активность временем не является.

Эта удивительная активность, без направления, по-видимому продолжается и во сне, и в бодрствовании. Он часто пробуждается с этой активностью медитации; нечто похожее продолжается большую часть времени. Он никогда не отвергал её и не призывал. Как-то ночью он проснулся полностью пробуждённым. Он сознавал, что в его голову, в самый её центр входило нечто, подобное огненному шару, некий свет. Он как бы со стороны наблюдал это в продолжение значительного времени, словно это происходило с кем-то другим. Это не было иллюзией, чем-то таким, что вызывает ум в своём воображении. Начинался рассвет, и сквозь неплотно сдвинутые занавески он мог видеть деревья.

18 сентября 1973

Это всё ещё одна из самых прекрасных долин. Она со всех сторон окружена холмами, покрыта апельсиновыми рощами. Много лет назад среди деревьев и фруктовых садов было лишь несколько домов, но теперь их стало много больше; дороги теперь шире, движение транспорта возросло, прибавилось шума, особенно в западной части долины. Но холмы и высокие пики всё те же, они не тронуты человеком. В горы ведёт множество тропинок, и можно бесконечно взбираться по ним. Там встречаются медведи, гремучие змеи, олени, а однажды встретилась рысь. Рысь оказалась впереди, она спускалась по узкой тропе, мурлыкая, тёрлась о скалы и стволы невысоких деревьев. Из глубокого ущелья дул слабый ветер, поэтому к рыси можно было подойти совсем близко. Она поистине наслаждалась собой, радуясь своему миру. Её короткий хвост торчал кверху, заострённые уши выпрямились вперёд, её желтовато-коричневая шерсть была блестящей и гладкой. Рысь совершенно не подозревала, что кто-то следовал за нею на расстоянии около двадцати футов. Мы спускались по тропе друг за другом почти целую милю, и ни один из нас не издал ни малейшего звука. Это было по-настоящему красивое животное, лёгкое, как тень, и грациозное. Перед нами бежал ручей, и, не желая испугать зверя при подходе к ручью, человек прошептал доброе приветствие. Рысь, даже не оглянувшись, — это было бы пустой тратой времени, — с быстротой молнии исчезла из виду. Всё же мы были друзьями довольно значительное время.

Долина полна благоухания цветов апельсиновых деревьев, почти одурманивающего, особенно ранним утром и в вечерние часы. Этот аромат наполнял комнату, долину и каждый уголок этой местности, и благословение бога цветов веяло над этой долиной. Летом здесь бывало очень жарко, и это придавало долине какие-то особые черты. Когда ты приезжал сюда много лет назад, здесь была изумительная атмосфера; в меньшей степени она всё ещё здесь. Люди портят её, как портят они почему-то большинство вещей. Всё будет, как и бывало. Цветок может увянуть и погибнуть, но он вернётся снова в своей прежней прелести.

Задавались ли вы когда-либо вопросом, почему люди сбиваются с истинного пути, становятся испорченными, недостойными в своём поведении — агрессивными, жестокими и коварными? Неправильно обвинять окружение, культуру или родителей. Мы хотим возложить ответственность за это вырождение на других или на какое-то событие. Находить объяснения и причины — это лёгкий выход. Древние индусы называли это кармой — вы пожинаете то, что посеяли. Психологи заявляют, что проблема зависит от родителей. То, что высказывают так

называемые религиозные люди, основано на их догме или веровании. Но вопрос всё ещё остаётся.

В то же время существуют другие люди, родившиеся великодушными, добрыми, ответственными. Их не изменяют окружение и любое внешнее давление. Они остаются такими же, несмотря ни на что. Почему?

Объяснение, какое бы оно ни было, имеет мало значения. Всякие объяснения — это бегство, уклонение от реальности того, что есть, — единственного, что имеет значение. То, что есть, может быть полностью преобразовано с помощью той энергии, которая растрачивается на объяснения и поиск причин. Любовь — вне времени, вне анализа, сожалений и взаимных упрёков. Любовь пребывает, когда нет жажды денег, положения и хитрого обмана "я".

19 сентября 1973

Наступил сезон дождей. Море было почти чёрным под тёмными тяжёлыми тучами, и ветер неистовствовал, раскачивая деревья. Дождь то льёт, не переставая, несколько дней подряд, то на день-два прекращается, чтобы начаться снова. Лягушки квакали в каждом пруду, и в воздухе был приятный запах дождя. Земля снова стала свежей и за несколько дней покрылась изумительной зеленью. Всё растёт почти на глазах; засветит солнце, и всё на земле оживает. Ранним утром раздаётся пение птиц, кругом резвятся маленькие белки. Всюду цветы полевые и садовые, жасмин, розы и ноготки.

Однажды по дороге, ведущей к морю, под пальмами и омытыми проливным дождём деревьями, всё разглядывая по пути, шла группа детей. Они пели. Они, казалось, были так счастливы, невинны и совершенно не знали окружающего их мира. Одна девочка из этой группы меня узнала, подошла с улыбкой, и мы шли некоторое время, держась за руки. Никто из нас не произнёс ни слова, а когда мы подошли к её дому, она поклонилась и скрылась за дверью. Миру и семье ещё предстоит погубить её, и она также будет иметь детей, плакать о них, и мир с его ложью и коварством их погубит. Но в тот вечер она была счастлива, и ей не терпелось своим счастьем поделиться, держа кого-то за руку.

Когда прошли дожди, возвращаясь однажды вечером по той же дороге, освещённой золотым светом заходящего солнца, он встретил юношу, несущего огонь в глиняном горшке. На юноше не было ничего кроме чистой набедренной повязки, и за ним два человека несли мёртвое тело. Это были брамины, только что искупавшиеся, чистые, державшиеся очень прямо. Юноша, несший огонь, вероятно, был сыном покойного. Все они шли довольно быстро. Тело должны были кремировать на уединённой песчаной отмели. Всё это было так просто, так не похоже на парадный катафалк, утопающий в цветах, за которым следует длинная вереница блестящих автомашин, или на скорбную похоронную процессию, печально шествующую за гробом, — всё это так мрачно. Или вы видите мёртвое тело, скромно обёрнутое, которое везут, укрепив на велосипеде, чтобы предать огню у священной реки.

Смерть присутствует всюду, но мы никогда, по-видимому, не живём с ней. Для нас это нечто мрачное, устрашающее, чего надо избегать, о чём не следует говорить, что следует держать в отдалении, за крепко запертой дверью. Но она всегда здесь. Красота любви — это смерть, человек же не знает ни любви, ни смерти. Смерть — это страдание, а любовь — наслаждение, и они никогда не могут встретиться; их необходимо держать отдельно, и это разделение есть боль и страдание. С начала времён существуют это разделение и этот нескончаемый конфликт. Смерть всегда будет существовать для тех, кто не понимает, что

наблюдающий есть наблюдаемое, что переживающий есть переживаемое. Это подобно широкой реке, которая несёт человека со всеми его суетными благами, с его тщеславием, страданиями и знанием.

До тех пор пока он не оставит всё, что накопил, в реке и не поплывёт к берегу, смерть будет всегда стоять у его порога, ожидая и подкарауливая. Когда он оставляет реку, берега нет, берег — это слово, это наблюдающий. Он отбросил всё — и реку, и берег. Ибо река — это время, а берега — мысли, связанные со временем: река есть движение времени, и мысль принадлежит этому движению. Когда наблюдающий отбрасывает всё, чем он является, тогда наблюдающего больше нет. Это не смерть. Это вневременное. Вы не можете этого знать, так как то, что известно, — от времени; вы не можете пережить (испытать)[4 [нажми](#)] это, так как узнавание составлено из времени. Свобода от известного есть свобода от времени. Бессмертие — это не слово, не книга, не созданный вами образ. Душа, «я», атман — дитя мысли, которая есть время. Когда время отсутствует, нет и смерти. Тогда есть любовь.

Западная часть небосклона утратила свой золотистый цвет, и над горизонтом появился новый месяц, юный, робкий, нежный. Казалось, что по дороге проходит всё: свадьба, смерть, смех детей и чьё-то рыдание. Рядом с месяцем сияла единственная звезда.

20 сентября 1973

В это утро река была особенно прекрасна; солнце только поднималось над деревьями и над деревней, спрятавшейся за ними. Воздух был неподвижен, и на реке не было даже самой слабой ряби. Днём станет совсем жарко, но сейчас было довольно прохладно, и одинокая обезьяна сидела на солнышке. Она всегда сидела здесь одна, большая и грузная. Днём она исчезала, а рано утром взбиралась на верхушку тамариндового дерева; когда становилось жарко, казалось, что дерево поглощало её. Золотисто-зелёные мухоловки сидели на парапете вместе с голубями: грифы были всё ещё на верхних ветках другого тамаринда. Была безмерная тишина, и ты сидел на скамье, потерянный для этого мира.

Мы возвращались из аэропорта по тенистой дороге, обсаженной деревьями, на которых хрипло кричали зелёные и красные попугаи. На дороге мы увидели что-то, показавшееся нам большим тюком. По мере того как машина приближалась, тюк становился человеком, почти голым, лежащим поперёк дороги. Машина остановилась, и мы вышли. Его тело было большим, а голова очень маленькой; взгляд его был устремлён сквозь листву в удивительно синее небо. Мы тоже взглянули вверх, чтобы увидеть, на что он так пристально глядел: небо было действительно синее, а листва — действительно зелёная. Он был уродлив и, как говорили, был одним из деревенских дураков. Он и не подумал пошевелиться, и машина должна была очень осторожно его объехать. Верблюды с поклажей и громко разговаривающие дети шли мимо, не обращая на него ни малейшего внимания. Пробежала собака, сделав широкий круг. Попугаи были заняты своим гамом. Сухие поля, сельские жители, деревья, жёлтые цветы были поглощены своей собственной жизнью.

Эта часть мира была слаборазвитой, и не существовало ни людей, ни организации, которые заботились бы о таких людях. Тут были открытые сточные канавы, грязь и скученность массы людей, а священная река продолжала свой путь. Печаль жизни была повсюду, и высоко в синем небе парили тяжелокрылые грифы, они часами кружили, подстерегая, высматривая. У кого здоровый ум и кто безумен? Что такое здоровый ум и безумие? Политики — в здоровом ли они уме? А священники — не безумны ли они? Те, кто предан идее, идеологии, — в здоровом ли они уме?

Они нами управляют, формируют нас, всюду оказывают на нас нажим, — так находимся ли и мы в здравом уме?

Что значит быть в здравом уме? Быть цельным, нефрагментированным в действии, в жизни, во всякого рода отношениях — вот самая суть здравого ума. Быть в здравом уме — значит быть цельным, разумным, праведным. Быть безумным, неврастеником, психопатом, неуравновешенным, шизофреником — какое бы наименование вы этому ни дали — означает быть фрагментированным, раздробленным в действии и в движении взаимоотношений, которое есть существование. Сеять вражду и рознь (разделение), что является занятием политиков, представляющих вас, — значит культивировать и упрочивать безумие, независимо от того, исходит ли это от диктаторов или от тех, кто, обладая властью, действует во имя мира или какой-то идеологии. И священник: взгляните на мир священнослужителей. Священник стоит между вами и тем, что он и вы считаете истиной, спасителем, богом, раем, адом. Он — толкователь, полномочный представитель; у него ключи от рая; он обусловил человека посредством веры, догмата и ритуала; он настоящий пропагандист. Он обусловил вас, потому что вы хотите утешения, безопасности и испытываете страх перед завтрашним днём. Художники, интеллектуалы, учёные, которыми так восхищаются и которых так непомерно превозносят, — в здравом ли они уме? Или они живут в двух различных мирах: мире идей и воображения, с его навязчивыми формами выражения, полностью отделенным от их повседневной жизни, с её печалью и удовольствием?

Окружающий вас мир фрагментирован, так же как и вы сами, и это выражается в конфликте, смятении и страдании: вы есть мир, и мир — это вы. Быть в здравом уме — значит жить жизнью действия без конфликта. Действие и идея находятся в противоречии. Видение — это действие, а не сначала идея, а потом действие в соответствии с заключением. Это порождает конфликт. Анализирующий сам является анализируемым. Когда анализирующий отделяет себя как нечто отличное от анализируемого, он порождает конфликт, а конфликт — это сфера неуравновешенности. Наблюдающий есть наблюдаемое, и в этом здоровый ум, цельность, а с праведным — любовь.

21 сентября 1973

Хорошо, когда просыпаешься без единой мысли с ее проблемами. Ум тогда отдохнувший; он создал порядок внутри самого себя, и поэтому сон так важен. Либо ум создаёт порядок в своих отношениях и деятельности в часы бодрствования, что даёт ему полный отдых во время сна, либо во время сна он будет пытаться приводить в порядок свои дела для собственного удовлетворения. В течение дня снова будет беспорядок, вызываемый многими факторами, а в часы сна ум будет стараться выпутаться из этой неразберихи. Ум, мозг, лишь тогда может функционировать эффективно, непредубеждённо, когда есть порядок. Конфликт в любой форме — это беспорядок. Посмотрите, как действует такой ум каждый день в течение всей жизни: его действие — это попытка навести порядок во время сна и беспорядок в часы бодрствования. Это конфликт жизни изо дня в день. Мозг может функционировать только в безопасности, а не в противоречии и смятении. Поэтому он пытается получить такие условия при помощи какой-то невротической формулы, но от этого конфликт лишь усиливается. Порядок является преобразованием всей этой путаницы. Когда наблюдающий есть наблюдаемое, существует полный порядок.

На маленькой тенистой и тихой дорожке, идущей возле дома, маленькая девочка горько,

надрывно плакала, как могут плакать только дети. Ей, может быть, было пять или шесть лет, а ростом она была ещё меньше. Она сидела на земле, слезы текли по её щекам. Он сел рядом с ней и спросил, что случилось, но она не могла говорить, задыхаясь от рыданий. Может быть, её побили, или сломалась её любимая игрушка, или ей грубо отказали в том, чего ей очень хотелось. Мать вышла из дома, встряхнула девочку и унесла. Она едва взглянула на него, потому что они не были знакомы. Через несколько дней, когда он шёл по той же дорожке, девочка вышла из дома, сияя улыбкой, и вместе с ним прошла немного по дорожке. Мать, видимо, разрешила ей подойти к незнакомому человеку. Он часто гулял по этой тенистой дорожке, и девочка с братом и сестрой обычно выходили и приветствовали его. Забудут ли они когда-нибудь свои обиды и свои печали или постепенно создадут для себя способы бегства и сопротивления? Хранить эти обиды, кажется, в природе людей, и это искажает их действия. Может ли человеческий ум никогда не ведать боли и ран? Не иметь душевных ран — значит быть беспорочным, невинным. Если вы не храните обиды, вы, естественно, не причините боли другому. Возможно ли это? Культура, в которой мы живём, глубоко ранит ум и сердце. Шум и загрязнение, агрессия и соперничество, насилие и воспитание, образование — все эти и ещё другие факторы способствуют усилению страдания. И всё же нам приходится жить в этом мире жестокости и сопротивления: мы — это мир, а мир — это мы. Что же именно в человеке может быть уязвлено? Мысленный образ, представление, которое каждый создал о себе самом, — вот что ранимо. Как ни странно, эти представления повсюду в мире одни и те же, лишь с некоторыми видоизменениями. Сущность представления, которое имеете вы, — та же, что и у человека за тысячу миль от вас. Так что вы и есть тот мужчина или та женщина. Ваши обиды и раны — это обиды и раны тысяч: вы есть другой.

Возможно ли никогда не испытывать обиды? Там, где есть душевная рана, нет любви. Там, где есть обида, любовь — не более чем наслаждение (удовольствие). Лишь когда вы открываете для себя красоту того, чтобы никогда не обижаться, все прошлые обиды и раны исчезают. В полноте настоящего прошлое перестаёт быть бременем.

Он никогда не обижался, хотя многое пришлось ему испытать: лесть и оскорбления, угрозы и опеку. Это не означает, что он был невосприимчивым, несознающим: у него не было представления о самом себе, не было умозаключений, не было идеологии. Мысленный образ означает сопротивление, и когда его нет, уязвимость есть, но нет обиды, уязвлённости. Не следует искать уязвимости, высокой чувствительности, так как то, чего вы добьётесь и что обретёте, будет другой формой того же представления, того же образа. Поймите это целостное движение, не просто на уровне слов, постарайтесь проникнуть в самую его суть. Важно осознать целостную структуру этого без каких бы то ни было оговорок. Видение истины этого есть конец создающего образ. Пруд был переполнен, и тысячи мерцаний отражались в его водах. Стало темно, и небеса открылись.

22 сентября 1973

В соседнем доме пела женщина: у неё был чудесный голос, и те немногие, кто слышал её пение, были им зачарованы. Солнце садилось среди манговых деревьев и пальм, щедро позолоченных и зелёных. Женщина исполняла религиозные песнопения, и её голос становился всё более глубоким и нежным. Слушание — это искусство. Когда вы слушаете классическую западную музыку или пение этой женщины, сидящей на полу, вы либо впадаете в романтическое настроение, либо в вашей памяти всплывают картины прошлого, либо ваша мысль, создавая

ассоциации, быстро изменяет ваше настроение, либо возникают предчувствия будущего. Или вы слушаете без всякого движения мысли. Вы слушаете из глубокой тишины, из полного безмолвия.

Слушание собственной мысли, или чёрного дрозда на ветке, или того, что говорится, без реакции мысли раскрывает смысл, совершенно отличный от того, который приносит движение мысли. Это есть искусство слушания, слушания с полным вниманием: нет центра, который слушает.

Безмолвие гор имеет глубину, которой нет в долинах. У всего есть своё особое безмолвие; безмолвие среди облаков и среди деревьев совершенно разное; безмолвие между двумя мыслями — вне времени; безмолвие удовольствия и страха ощущается вполне реально. Искусственное безмолвие, которое может создавать мысль, — это смерть; безмолвие между шумами есть отсутствие шума, но это не безмолвие, так же как отсутствие войны не есть мир. Мрачное безмолвие собора, храма исходит от древности и красоты, которая в основном создана человеком; существует безмолвие прошлого и будущего, безмолвие музея и кладбища. Но всё это не является безмолвием.

Этот человек сидел неподвижно на берегу прекрасной реки; он находился здесь уже более часа. Он приходил сюда каждое утро; искупавшись, он некоторое время повторял нараспев тексты на санскрите и сразу же погружался в свои мысли; солнце его, видимо, не беспокоило, по крайней мере, утреннее солнце. Однажды он пришёл и начал говорить о медитации. Он не принадлежал к какой-либо школе медитации, считал их бесполезными, не имеющими существенного значения. Он был одинок, не женат и давно отошёл от мирской жизни. Он мог контролировать свои желания, управлял мышлением и вёл одинокую жизнь. В нём не было ожесточения, самодовольства или равнодушия; уж годы прошли, как он забыл обо всём этом. Медитация и реальность были его жизнью. Пока он говорил и подбирал подходящие слова, солнце садилось, и на нас сошло глубокое безмолвие. Он перестал говорить. Через некоторое время, когда звёзды засияли совсем близко от земли, он сказал: "Вот то безмолвие, которого я всюду искал, в книгах, у учителей и в самом себе. Я многое нашёл, но не это. Оно пришло непрощеным, незванным. Не растратил ли я свою жизнь на вещи, не имеющие значения? Вы не представляете себе, через какие испытания я прошёл: посты, самоотречение и всяческая практика. Я давно понял их тщетность, но никогда я этого безмолвия не постигал. Что мне следует делать, чтобы в нём остаться, удержать его в своём сердце? Я думаю, вы бы сказали, что ничего не надо делать, так как его невозможно вызвать. Но следует ли мне странствовать по стране, продолжая эту практику, этот контроль? Сидя здесь, я ощущаю это святое безмолвие; сквозь него я гляжу на звёзды, на деревья, на эту реку. Хотя я всё это вижу и чувствую, в действительности меня здесь нет. Как вы на днях сказали, наблюдающий есть наблюдаемое. Теперь я понимаю, что это значит. Это благословение, которого я искал, не может быть обретено в поиске. Мне время идти".

Река стала тёмной, и воды её близ берегов отражали звёзды. Шум дня постепенно затихал, и стали слышны мягкие шорохи ночи. Вы наблюдали звёзды и тёмную землю, и мир был далеко. Красота, которая есть любовь, казалось, нисходила на землю и на всё, что было на ней.

23 сентября 1973

Он стоял один на низком берегу реки; река была не очень широка, и он мог видеть людей на противоположном берегу. Если их разговор становился громким, то он мог почти всё слышать. В сезон дождей река достигала моря. И благодаря обильным дождям, не прекращавшимся уже несколько дней, она смогла прорваться через пески к ожидавшему её

мору. После сильных дождей она снова стала чистой, и в ней можно было спокойно плавать. Река была достаточно широка, чтобы вместить длинный узкий остров, с зелёным кустарником, несколькими невысокими деревьями и небольшой пальмой. Когда вода была не слишком глубока, в ней бродил скот и переходил на остров, чтобы там пастись. Река была приветливой и дружелюбной, и это особенно ощущалось в то утро.

Он стоял один, вблизи не было никого, — одинокий, ни к чему не привязанный и далёкий от всего. Ему было лет четырнадцать или несколько меньше. Совсем недавно нашли его и его брата, и значение, придаваемое этому событию, и вся эта шумиха и внезапная значимость, придаваемая ему, ещё витали над ним.[5 [нажми](#)] Он был центром внимания и поклонения, и в ближайшие годы ему предстояло стать главой организаций и обладателем больших владений. Всё это и отказ от всего этого были ещё впереди. То, как он стоял здесь в одиночестве, потерянный и странно отчуждённый, было его первым и отчётливым воспоминанием о тех днях и событиях. Он не помнил своего детства, занятий в школе и наказаний. Тот самый учитель, который почти каждый день бил его палкой, много лет спустя рассказал ему об этом. Он плакал, и его выгоняли на веранду, а когда школу надо было закрывать, выходил учитель и говорил ему, чтобы он шёл домой, иначе ему придётся остаться на веранде одному.

Его наказывали палкой, говорил этот человек, потому что он ничего не мог заучить или запомнить из того, что читал или что ему говорили. Позднее этот учитель не мог поверить, что тот мальчик — это человек, беседу которого он слушал. Он был чрезвычайно изумлён и излишне почтителен. Все эти годы прошли, не оставив шрамов, воспоминаний в его уме; узы дружбы, любви, даже те годы, когда люди жестоко с ним обращались, — так или иначе, ни одно из этих событий, дружественное или жестокое отношение не оставило в нём никаких следов. Однажды один писатель спросил, не может ли он вспомнить все эти весьма странные события, как он и его брат были найдены, и некоторые другие случаи; когда же он ответил, что не может их вспомнить и может лишь повторить то, что рассказали ему другие, этот человек с явной насмешкой заявил, что он лишь притворяется, что забыл, и использует это как отговорку. Он никогда сознательно не старался устранить из памяти какие-либо события, приятные или неприятные. Они приходили и уходили, не оставляя следа.

Сознание — это его содержание: содержание составляет сознание. Эти двое неразделимы. Не существует вас и другого, а лишь то содержание, которое составляет сознание как «я» и «не-я». Содержание различается в зависимости от культуры, расовой принадлежности склада, техники и приобретенных способностей. Они разделяются на художника, учёного, и так далее. Характерные особенности являются отражением обусловленности, а обусловленность — это то, что присуще человеку. Эта обусловленность есть содержание, сознание. Это вновь разделяется его на сознаваемое и скрытое. Скрытое становится важным, потому что мы никогда не смотрим на это как на целое. Эта фрагментация имеет место, когда наблюдающий не является наблюдаемым, когда переживающий воспринимается как нечто отличное от переживаемого. Скрытое подобно открытому, сознаваемому; наблюдение, слушание открытого — есть видение скрытого. Видение — это не анализ. В анализе существуют анализирующий и анализируемое, существует фрагментация, которая ведет к бездействию, парализует. В видении же наблюдающего нет, и поэтому действие является непосредственным (немедленным), нет интервала, который всегда существует между идеей и действием. Идея, умозаключение есть наблюдающий, — видящий отделен от того, что он видит. Отождествление является действием мысли, а мысль — это фрагментация.

Остров, река и море по-прежнему здесь, как и пальмы, и строения. Солнце вышло из массы облаков, плывущих сомкнутыми рядами и парящих в небесах. Рыбаки в одних только набедренных повязках забрасывали сети, чтобы поймать какую-то жалкую, мелкую рыбу.

Бедность, не являющаяся добровольной, — это вырождение. Поздно вечером приятно находиться среди манговых деревьев и благоухающих цветов. Как прекрасна земля.

24 сентября 1973

Новое сознание и совершенно новая мораль необходимы, чтобы радикально изменить современную культуру и социальную структуру. Это вполне очевидно, тем не менее и левые, и правые, и революционеры, видимо, не принимают этого во внимание. Любая догма, любая формулировка, любая идеология представляют собой часть старого сознания; они — выдумки мысли, деятельность которой есть фрагментация — левые, правые, центр. Эта деятельность неизбежно ведёт к пролитию крови правых или левых, ведёт к тоталитаризму. Это как раз то, что происходит сейчас вокруг нас. Человек видит необходимость социальной, экономической и моральной перемены, но его реакция исходит из старого сознания, где мысль играет главную роль. Неразбериха, смятение и беды, в которых оказались люди, находятся в сфере старого сознания, и без коренного его изменения всякая человеческая деятельность — политическая, экономическая или религиозная — будет приносить нам лишь уничтожение друг друга и всей земли. Это очевидно для здравого ума.

Человек должен быть светом для самого себя; этот свет является законом. Другого закона не существует. Все другие законы созданы мыслью и поэтому они фрагментарны и противоречивы. Быть светом для себя — значит не следовать свету другого, каким бы разумным, логичным, исторически обоснованным и убедительным он ни казался. Вы не можете быть светом для себя, если пребываете в мрачной тени авторитета, догмы, умозаключения. Нравственность не складывается мыслью, она — не результат давления окружения, не порождение вчерашнего дня и традиции. Нравственность — дитя любви, а любовь — не желание и не наслаждение. Сексуальное или чувственное наслаждение — это не любовь.

Высоко в горах едва ли могли жить какие-то птицы, разве лишь вороны; там были олени и изредка встречался медведь. Всюду виднелись гигантские секвойи, безмолвные, резко выделявшиеся на фоне остальных деревьев. Это была чудесная страна, полная тишины и мира, ибо здесь охота была запрещена. Каждое животное, каждое дерево и цветок охранялись. Сидя под одним из этих огромных деревьев, сознаёшь историю человека и красоту земли. Толстая рыжая белка проследовала мимо с необычайным изяществом, остановилась в нескольких футах, присматриваясь и интересуясь, что вы здесь делаете. Земля была сухая, хотя невдалеке протекал ручей. Ни один листок не шелохнулся, и красота безмолвия пребывала среди деревьев. Медленно двигаясь по узкой тропе, из-за поворота появилась медведица с четырьмя медвежатами, величиной с больших кошек. Они умчались карабкаться по деревьям, а мать в упор смотрела на человека, без движения, без звука. Около пятидесяти футов разделяло нас; она была огромная, бурая, готовая броситься. Человек тотчас же повернулся к ней спиной и ушёл. Оба понимали, что не было ни страха, ни намерения причинить вред, но всё же человек был рад, очутившись под защитой деревьев, белок и крикливых соек.

Быть свободным означает быть светом для самого себя; тогда свобода — не абстракция, не плод воображения, рождённый мыслью. Подлинная свобода — это свобода от зависимости, привязанности, от жадности переживания. Свобода от самой структуры мысли означает быть светом самому себе. Всякое действие совершается в этом свете, и потому оно никогда не содержит противоречия. Противоречие существует только тогда, когда этот закон, этот свет, отделён от действия, когда действующий существует отдельно от действия. Идеал, принцип, есть бесплодное движение мысли и не может сосуществовать с этим светом; одно отрицает другое.

Этот свет, этот закон, существует отдельно от вас; там, где есть наблюдающий, этого света, этой любви, нет. Структура наблюдающего сложена мыслью, которая никогда не бывает новой, никогда не бывает свободной. Не существует никакого «как», никакой системы, никакой практики. Существует только видение, которое есть действие. Вы должны видеть, но не глазами другого. Этот свет, этот закон, — не ваш и не чей-то ещё. Есть просто свет. Это — любовь.

25 сентября 1973

Он глядел из окна на гряды зелёных холмов и на тёмный лес в лучах утреннего солнца. Было чудесное утро. За лесом плыли, высоко вздымаясь, величественные облака, белые, с меняющимися очертаниями. Неудивительно, что древние считали облака и горы обителью богов. Всюду вокруг были эти огромные массы облаков на ослепительно ярком голубом небе. У него не было ни единой мысли, и он лишь глядел на красоту мира. Должно быть, он простоял у окна довольно долго, и нечто произошло нежданно, без приглашения. Вы не можете призывать или желать подобное неосознанно или сознательно. Всё как бы отдалилось, уступая место тому, что не имеет имени. Вам не найти этого ни в каком храме, ни в мечети или церкви, ни на какой печатной странице. Вам этого не найти нигде, а то, что вы найдёте, не будет этим.

В обширном здании близ Золотого Рога (Стамбул) вместе со многими другими он сидел около нищего в лохмотьях, который произносил, склонив голову, какую-то молитву. Какой-то человек запел по-арабски. У него был великолепный голос; он заполнил всё пространство огромного зала и, казалось, сотрясал его стены. Он производил удивительное действие на всех присутствующих; люди, как зачарованные, с великим почтением внимали словам и звучанию незнакомого голоса. Этот человек был среди них чужой; они глядели на него, а потом о нём забыли. Мощное звучание, наполнившее огромный зал, вскоре смолкло, и наступила тишина. Люди совершали свой обряд и один за другим уходили. Остались только он и нищий; затем нищий также ушёл. Огромный купол был безмолвен, здание опустело, шум жизни отдалился.

Если вам когда-нибудь случится одному бродить высоко в горах, среди сосен и скал, оставив всё в долине далеко внизу, когда не слышно шелеста листвы и всякая мысль затихает, тогда к вам может прийти иное, отличное. Если попытаетесь его удержать, оно никогда не придёт вновь; то, что вы удерживаете, — лишь воспоминание о том, что умерло и ушло. То, что вы удерживаете, — не реальность; ваши сердце и ум слишком малы, они могут удерживать лишь то, что рождено мыслью, а это бесплодно. Уходите дальше от долины, как можно дальше, всё оставив там. Вы можете вернуться и всё подобрать, если захотите, но оно уже утратит смысл. Вы никогда не станете прежним снова.

После долгого, длившегося несколько часов подъёма выше границы деревьев, он оказался среди скал и безмолвия, какое бывает только в горах; здесь росло лишь несколько уродливых сосен. Ветра не было, и всё пребывало в абсолютной тишине. На обратном пути, спускаясь от одной скалы к другой, он вдруг услышал угрожающий звук и отскочил. В нескольких футах от него была гремучая змея, толстая и почти чёрная. Свернувшись в кольцо, грозно предупреждавшая, она была готова к броску. Треугольная голова с раздвоенным языком, который мелькал, мгновенно высовываясь и втягиваясь в пасть, колючие, тёмные, напряжённо следившие глаза — она была готова броситься, если бы он сделал к ней хоть малейшее движение. В продолжение получаса или даже ещё дольше она пристально глядела, устремив на человека немигающий взгляд: её глаза не имели век. Медленно разворачиваясь, держа голову и хвост направленными на него, она начала отползать, изогнувшись пополам, но когда он сделал движение, чтобы приблизиться, она мгновенно свернулась в кольцо, готовая к броску. Мы

продолжали эту игру ещё некоторое время; змея заметно устала, и он дал ей уползти своей дорогой. Она была по-настоящему устрашающая, толстая и смертоносная.

Вы должны бывать наедине с деревьями, лугами и ручьями. Вы никогда не бываете один, если с вами плоды вашей мысли, её образы и проблемы. Ум не должен быть заполнен и картинами природы, скалами и облаками земли. Он должен быть пустым, как новый сосуд. Тогда вы смогли бы увидеть что-то полностью, что-то, чего никогда не было. Вы не можете это видеть, если вы присутствуете; вы должны умереть, чтобы увидеть это. Вы можете считать, что представляете собой нечто важное в мире, но это не так. Вы можете обладать всем, что объединила мысль, но всё это старо, ветхо и начинает рассыпаться.

В долине было удивительно прохладно, и возле хижины белки ожидали своих орехов: их каждый день кормили в хижине на столе. Они были очень дружелюбны, но если вы не приходили к положенному времени, то они начинали ворчать, а синие сойки шумели, дожидаясь чуть поодаль.

27 сентября 1973

Это был полуразрушенный храм, с длинными коридорами без крыши, с воротами, статуями без голов и пустынными двориками. Он стал убежищем для птиц и обезьян, попугаев и голубей. Некоторые из этих массивных статуй ещё не утратили красоты, они всё ещё хранили величие. Здесь было удивительно чисто, и можно было, сидя на земле, наблюдать обезьян и щебечущих птиц. Когда-то, в давние времена, это, вероятно, был процветающий храм, с тысячами прихожан, с гирляндами, курением благовоний и богослужением. Здесь ещё чувствовалась атмосфера их надежд, страхов и их благоговейный трепет. Святая обитель погибла давно. Теперь, когда становилось жарко, обезьяны исчезли, но у попугаев и голубей были гнёзда в углублениях и трещинах высоких стен. Этот старый полуразрушенный храм был расположен слишком далеко от деревни, так что её жители не могли приходить и разрушать его ещё больше. Если бы они пришли, они осквернили бы его пустоту.

Религия стала суеверием и поклонением образу, верованием и ритуалом. Она утратила красоту истины; курение фимиама заняло место реальности. Место непосредственного восприятия заняло изображение, созданное рукой или умом. Единственной заботой религии является полное преобразование человека. А весь цирк, происходящий вокруг этого, не имеет никакого смысла. Вот почему истину невозможно найти в храме, церкви или мечети, какими бы прекрасными они ни были. Красота истины и красота камня — совершенно разные вещи. Первая открывает дверь в неизмеримое, а вторая делает человека узником; первая ведёт к свободе, вторая делает рабом мысли. Романтизм и сентиментальность отрицают истинную сущность религии, не является религия и игрушкой интеллекта. Знание необходимо в сфере деятельности, чтобы она была эффективной и соответствующей цели, но знание не является средством преобразования человека; знание есть структура мысли, а мысль — это тупое повторение известного, пусть даже видоизменённое и расширенное. Нельзя прийти к свободе с помощью мысли, известного.

Длинная змея лежала очень спокойно вдоль сухой борозды рисовых полей, необычайно зелёных и сверкающих в лучах утреннего солнца. Она, возможно, отдыхала или поджидала появления неосторожной лягушки. Лягушки тогда вывозились в Европу, где их считали деликатесом. Змея была длинная, желтоватая и очень спокойная; она была почти одного цвета с сухой землёй, и её было трудно разглядеть, но свет дня отражался в её тёмных глазах. Единственное, что двигалось, — это её чёрный язык, который то высовывался, то втягивался

внутри. Она не могла заметить наблюдателя, который стоял чуть позади её головы. Смерть была повсюду в то утро. Она была слышна в деревне в громких рыданиях, когда увозили обёрнутое в ткань тело; коршун с быстротой молнии кидался на птицу; убивали какое-то животное и был слышен его предсмертный крик. Так продолжалось день за днём: смерть всегда повсюду, как и печаль.

Красота истины и её утончённость не присутствуют в веровании и догме; они никогда не находятся там, где человек может их найти, потому что к этой красоте нет пути; это не какой-то фиксированный пункт, спасительная гавань. Эта красота имеет свою собственную нежность, любовь которой не может быть измерена, её невозможно удерживать, переживать. Она не имеет рыночной стоимости для того чтобы использовать и отложить. Она здесь, когда ум и сердце пусты от того, что создано мыслью. От неё далеки и монах, и бедный, и богатый; её не могут коснуться ни умный, ни талантливый. Тот, кто говорит, что он знает, никогда и не приближался к ней. Будьте далеки от мира и всё же живите ею.

В то утро попугаи хрипло кричали и летали вокруг тамариндового дерева; они рано начали свою неутомимую деятельность, прилетая и улета. Зелёные, с сильными, изогнутыми красными клювами, они весело проносились с быстротой молний. Они никогда не летали прямо, а всегда зигзагами, испуская пронзительные крики во время полета. Время от времени они садились на парапет веранды, тогда можно было наблюдать за ними, но не долго, так как они снова устремлялись в свой беспорядочный и шумный полёт. Казалось, что их единственный враг — человек. Он сажает их в клетку.

28 сентября 1973

Большая чёрная собака только что задушила козу; её жестоко наказали и посадили на цепь; теперь она жалобно скулила и лаяла. Дом был обнесён высоким забором, но каким-то образом коза забрела во двор; собака погналась за ней и задушила её. Владелец дома урегулировал конфликт, принесся извинения и уплатив деньги. Это был большой дом, его окружали деревья, но газон никогда не был полностью зелёным, как бы обильно его ни поливали. Солнце нещадно палило, и все цветы и кусты приходилось поливать дважды в день; почва была скудная, и дневной зной иссушал зелень. Но деревья хорошо разрослись, давали приятную тень, и можно было сидеть под ними ранним утром, пока солнце ещё было за деревьями.

Это было хорошее место, если вам хотелось спокойно посидеть и погрузиться в медитацию, но под этими деревьями нельзя было бы грезить наяву и предаваться приятным иллюзиям. В тени этих деревьев была слишком большая суровость, слишком большая требовательность, поскольку всё место было как бы предназначено именно для такого рода спокойного созерцания. Вы могли позволить себе приятные фантазии, но вскоре вы бы обнаружили, что место не располагает к построению мысленных образов.

Он сидел, прикрыв голову, и плакал; только что умерла его жена. Он не хотел, чтобы дети видели его слезы; они тоже плакали, не вполне понимая, что произошло. Мать многих детей сначала нехорошо себя почувствовала, а потом тяжело заболела; отец не отходил от неё, а однажды после каких-то церемоний мать вынесли. Дом как-то странно опустел, лишённый того благоухания, которое придавала ему мать; и никогда больше дом не станет таким, как прежде, потому что теперь в нём поселилась печаль. Отец знал это; дети утратили кого-то навсегда, но они пока ещё не осознавали, что означает печаль.

Она всегда здесь; вы не можете просто о ней забыть или скрыть её в какой-то форме развлечения, религиозного или иного. Вы можете бежать от неё, но она будет там, чтобы

встретить вас снова. Можете самозабвенно чему-нибудь поклоняться, углубиться в молитву или с головой уйти в какое-то удобное верование, но она непрощено явится вновь. Печаль вырастает, рождая горечь, цинизм или невротическое поведение. Вы можете стать агрессивным, способным на насилие и опасным в своём поведении, но печаль всегда будет рядом с вами. Вы можете обладать властью, высоким положением, иметь много денег, но она всегда будет в вашем сердце, ожидая и готовясь. Что бы вы ни делали, вы не можете убежать от неё. Любовь, которая у вас есть, в печали приходит к концу; печаль — это время, печаль — это мысль.

Срубили дерево, и вы проливаете слезу; ради вашей склонности убили животное; земля разрушается ради вашего удовольствия; вас так воспитывают, чтобы убивать, уничтожать, человек против человека. Новая технология и машины избавляют человека от тяжёлого труда, но никакая созданная мыслью вещь не может прекратить вашей печали. Любовь — это не наслаждение.

Она пришла, доведённая до отчаяния своей печалью; она говорила, изливая своё горе, обо всём, что ей пришлось пережить, — смерть, несерьёзность её детей, их политическая деятельность, их разводы, их разочарование, крушение надежд, горечь и абсолютная пустота и бессмысленность всей жизни. Она была немолода; в молодости она просто веселилась, некоторое время интересовалась политикой, более серьёзно — экономикой, а в общем жила примерно так, как живут почти все люди. Её муж недавно умер, и все печали, казалось, обрушились на неё. Пока мы разговаривали, она стала спокойнее.

— Всякое движение мысли усиливает печаль. Мысль, с её воспоминаниями, образами удовольствия и боли, с её одиночеством и слезами, жалостью к себе и раскаянием, — это почва для печали. Слушайте то, что говорится. Просто слушайте — не отголоски прошлого, не то, как превозмочь свою печаль или как убежать от её мук, — а слушайте вашим сердцем, всем вашим существом то, что сейчас говорится. Ваши зависимости и привязанности подготовили почву для вашей печали. Ваше пренебрежение изучением себя и красотой, которую это изучение приносит, питает вашу печаль; вся ваша эгоцентрическая деятельность ведёт вас к этой печали. Просто слушайте то, что говорится, оставайтесь с печалью, не уходите от неё. Всякое движение мысли усиливает печаль. Мысль — это не любовь. В любви нет печали.

29 сентября 1973

Дожди почти прекратились, и на горизонте клубились, меняя очертания, белые и золотистые облака; они высоко парили в голубом и зелёном небе. Все листья на кустах были чисто вымыты и ранним утром сверкали на солнце. Было прекрасное утро, земля ликовала, и казалось, что в воздухе пребывало благословение. Из этой высоко расположенной комнаты были видны синее море, вливающаяся в него река, пальмы и манговые деревья. Дух захватывало перед этим чудом земли и громадами облаков. Было рано, спокойно, и шум дня ещё не начался; транспорта на мосту почти не было, только длинная вереница гружённых сеном повозок, запряжённых волами. Пройдут годы, и здесь появятся автобусы, а вместе с ними — загрязнение воздуха и шум. Было чудесное утро, всё пело и радовалось.

Два брата ехали в машине в близлежащую деревню повидать отца, которого они не видели около пятнадцати лет или больше. Им пришлось небольшое расстояние пройти пешком по дороге, которая содержалась в весьма плохом состоянии. Они подошли к искусственному водоёму, в котором накапливалась вода; со всех сторон он имел каменные ступени, по которым можно было спускаться за чистой водой. На одном конце водоёма стоял небольшой храм с высокой квадратной башней, суживающейся кверху; вокруг неё были высечены барельефы.

На веранде храма, выходящей к большому пруду, было несколько человек, погружённых в медитацию, совершенно неподвижных, как каменные изваяния на барельефах башни. За водоёмом, позади немногих других домов, находился дом, в котором жил их отец. Когда братья приблизились к дому, отец вышел, и они приветствовали его, полностью распротёршись на земле и касаясь его стоп. Они были робки и ждали, чтобы он заговорил, как велел обычай. Прежде чем что-нибудь сказать, он вошёл в дом вымыть ноги, к которым прикоснулись сыновья. Он был очень ортодоксальным брамином, никто не мог прикоснуться к нему кроме браминов, а два его сына были осквернены, общаясь с людьми, не принадлежавшими к их сословию, и ели пищу, приготовленную не-браминами.

Поэтому он вымыл ноги и сел на землю, не слишком близко к своим осквернённым сыновьям. Они разговаривали в продолжение некоторого времени, а когда приблизился час трапезы, он велел им уйти, потому что не мог есть с ними; они больше не были браминами. Он, видимо, любил их, они ведь были его сыновьями, и он не видел их так много лет. Если бы их мать была жива, она, возможно, накормила бы их, но сама, конечно, не стала бы есть со своими сыновьями. Они, бесспорно, были очень привязаны к своим детям, но ортодоксальность и традиция исключали какой бы то ни было физической контакт с ними. Традиция очень сильна, она сильнее, чем любовь.

Традиция войны сильнее, чем любовь; традиция убивать для пищи и убивать так называемого врага препятствует человеческой нежности и привязанности; традиция многочасового труда порождает действительную жестокость; традиция брака скоро превращается в рабскую зависимость; традиции богатых и бедных удерживают их обособленность; каждая профессия имеет свою особенную традицию, свою элиту, что порождает зависть и вражду. Традиционные церемонии и ритуалы в местах поклонения по всему свету отделили человека от человека, а слова и жесты не имеют вовсе никакого значения. Тысяча вчерашних дней, как бы они ни были ценны и прекрасны, препятствуют любви.

Вы переходите по шаткому мосту на другую сторону узкого, мутного ручья, который течёт в большую широкую реку, и попадаете в маленькую деревню, построенную из глины и высушенных на солнце кирпичей. Тут множество детей, пронзительно кричащих и играющих; те, кто постарше, заняты на полях или на рыбной ловле или работают в расположенном поблизости городе. В небольшой темной комнате окном служило отверстие в стене, — мухи не летят в эту темноту. В комнате было прохладно. В этом тесном пространстве работал ткач на большом ткацком станке; он не умел читать, но был по-своему воспитан, вежлив и полностью поглощён произведениями своего труда. Он ткал восхитительную ткань из золота и серебра с прекрасными узорами. В любого цвета ткань из шерсти или шёлка, которую он изготавливал, он мог вплетать традиционные узоры, самые тонкие и прекрасные. Он был рождён для этой традиции — небольшого роста, кроткий, он с радостью показывал свой изумительный талант. Вы наблюдали, как он создавал из шелковых нитей тончайшую ткань и в вашем сердце были изумление и любовь. Это был кусок ткани изумительной красоты, рождённый традицией.

30 сентября 1973

Длинная желтоватая змея переползала дорогу под деревом баньяна. Он совершил долгую прогулку и возвращался назад, когда увидел змею. Он шёл за ней совсем близко, по обочине дороги; змея заглядывала в каждую ямку и совсем его не замечала, хотя он чуть ли не наступал на нее. Она была довольно толстая; в середине ее тела было большое утолщение. Крестьяне, возвращавшиеся домой, прекратили разговаривать и глядели; один из них сказал ему, что это

кобра и что ему лучше быть осторожнее. Кобра скрылась в норе, а он пошёл дальше. Намереваясь встретить кобру снова на том же месте, он вернулся туда на следующий день. Змеи там не было, но крестьяне поставили там неглубокий горшок молока, положили несколько ноготков, большой камень, посыпанный золой, и некоторые другие цветы. Это место стало священным, и каждый день тут будут свежие цветы; все жители кругом знали, что это место стало священным. Он вернулся на это место через несколько месяцев; тут было свежее молоко, свежие цветы, и камень был заново украшен. А баньян стал немного старше.

Храм возвышался над синим Средиземным морем; он был в руинах остались только мраморные колонны. Во время войны он был разрушен, но по-прежнему был священным храмом. Однажды вечером, когда мрамор был освещен золотыми лучами солнца, ты почувствовал атмосферу святости; ты был один, не было вокруг туристов с их нескончаемой болтовнёй. Колонны сияли чистым золотом, а море далеко внизу было ярко-синим. Там находилась статуя богини, охраняемая и содержащаяся под замком, её можно было видеть лишь в определённые часы, и она теряла красоту святости. Синее море пребывало неизменным.

Это был милый коттедж в сельской местности с газоном, за которым хорошо ухаживали, подстригали и пропальывали сорняки многие годы. Всё вокруг выглядело хорошо ухоженным, процветающим, радостным. За домом был небольшой огород; это было чудесное место с тихим ручьём, почти беззвучно струившимся поблизости. Дверь открыли и припёрли её статуей Будды, которую ногой подпихнули к двери. Хозяин совершенно не сознавал, что он делал; для него это был просто удобный предмет для удерживания двери. Интересно, обращался бы он так же со статуей, которую он глубоко чтит, будучи христианином? Вы отвергаете священные вещи другого, но бережно относитесь к своим; верования другого — это суеверия, но ваше собственное — разумно и истинно. Что же священно?

Он сказал, что нашёл это на взморье; это был отшлифованный морем кусок дерева в форме человеческой головы, кусок твёрдого дерева, которому эту форму придали морские волны, омывая его долгие годы. Он принёс его домой и поставил над камином; время от времени он взглядывал на этот предмет и восторгался тем, что сделал. Однажды он положил около этой деревянной головы цветы, а потом это стало случаться каждый день; ему было не по себе, если около неё не было свежих цветов, и постепенно этот кусок отшлифованного дерева приобрёл очень важное значение в его жизни. Он никому кроме себя не позволял дотрагиваться до этой вещи; другие люди могли осквернить её; сам же, прежде чем её коснуться, мыл руки. Эта деревянная голова стала для него святой, священной, и он единственный был её высочайшим служителем, её представителем; она говорила ему такие вещи, которых сам он никогда не знал. Его жизнь заполнилась этим, и он был, по его словам, несказанно счастлив.

Что есть священное? Не вещи, созданные умом, руками или морем. Символ никогда не является реальностью; слово «трава» — это не трава, которая растёт на лугу; слово «бог» не является богом. Слово никогда не содержит в себе целого, каким бы искусным ни было описание. Слово «священный» не имеет никакого значения само по себе; оно приобретает священность только в своем отношении к чему-то, что иллюзорно или реально. Реальное — это не слова, идущие от ума; реальность, истина, есть нечто такое, к чему мысль не может прикоснуться. Там, где есть воспринимающий, нет истины. Мыслящий и его мысль должны прийти к концу, чтобы истина была. Тогда то, что есть, является священным — тот древний мрамор в золоте солнечных лучей, та змея и тот крестьянин. Где нет любви, там нет ничего священного. Любовь целостна, и в ней нет никакого дробления, никакой фрагментации.

Сознание есть его содержание; содержание есть сознание. Всякое действие фрагментарно, когда содержание сознания раздроблено. Такая деятельность порождает конфликт, страдание и смятение; тогда неминуема печаль.

С высоты полёта можно было видеть зелёные поля, каждое отличалось от других формой, размером и цветом. Поток стремился к морю, а далеко за ним были горы, покрытые снегами. Всюду по земле были рассыпаны большие, всё разраставшиеся города, деревни; на холмах стояли замки, церкви и дома, а за ними тянулись огромные пустыни — бурые, золотые и белые. Потом снова синее море и пространства суши, покрытые густыми лесами. Земля была обильна и прекрасна.

Он был там, надеясь встретить тигра, и встретил. Крестьяне приходили сказать хозяину дома (где он гостил), что предыдущей ночью тигр загрыз молодую корову и непременно вернётся в ближайшую ночь к своей жертве. Хотели бы они его увидеть? На дереве будет сооружена площадка, и оттуда можно будет видеть крупного хищника, а кроме того они привяжут к дереву козу, чтобы быть уверенными, что тигр придёт. Он сказал, что не хотел бы видеть козу, растерзанную ради его удовольствия. Этим вопрос был исчерпан. Но вечером, когда солнце скрылось за бугристым холмом, его хозяин выразил желание поехать покататься, надеясь, что может представиться случай увидеть тигра, растерзавшего корову.

Они проехали по лесу несколько миль; стало совсем темно, и с включёнными фарами они повернули назад. На обратном пути они потеряли всякую надежду увидеть тигра. Но тут как раз, делая крутой поворот, они оказались перед тигром, сидящим на задних лапах посреди дороги, огромным, полосатым, с глазами, сверкавшими в свете фар. Машина остановилась, и тигр, зарывав, пошел им навстречу.

Его рычание сотрясало машину; он был удивительно огромен, и его длинный хвост с чёрным кончиком медленно двигался из стороны в сторону. Зверь был раздражён. Окно машины было открыто, и когда тигр, рыча, проходил мимо, он протянул руку, чтобы погладить этот громадный сгусток энергии леса, но хозяин быстро рванул назад его руку, объяснив позднее, что хищник мог оторвать её. Это было великолепное животное, полное величия и мощи.

Там, внизу, на земле существовали тираны, лишаящие человека свободы; идеологи, формирующие ум человека; священники с их вековыми традициями и верой, превращающие человека в раба; политики с их бесконечными обещаниями, приносящие растление и рознь. Там, внизу, человек захвачен в сети бесконечного конфликта, печали и ярких огней удовольствия. Это всё так ужасающе бессмысленно — страдание, труд и сентенции философов. Смерть, несчастья и тяжкий труд, человек против человека.

Это сложное многообразие, все эти различные изменения в формах удовольствия и страдания представляют собой содержание человеческого сознания, которое сформировано и обусловлено взрастившей его культурой с её религиозным и экономическим давлением. В пределах такого сознания свобода невозможна; то, что принято считать свободой, в действительности является тюрьмой, ставшей до некоторой степени приемлемой для жизни благодаря техническому прогрессу. В этой тюрьме происходят войны, которые наука и прибыль делают всё более разрушительными. Свобода — не в смене тюрем, и не в какой-либо смене гуру, с их абсурдным авторитетом.

Авторитет не приносит разумного порядка. Напротив, он порождает беспорядок, и это та почва, на которой вырастает авторитет. Свобода не существует во фрагментах. Нефрагментированный, целостный ум пребывает в свободе. Он не знает, что он свободен; то, что известно, — в сфере времени, — прошлого, через настоящее переходящего в будущее. Всякое движение есть время, а время не является фактором свободы. Свобода выбора отрицает свободу, выбор существует лишь там, где смятение, неразбериха. Ясность восприятия, проникновения в

суть — это свобода от страдания выбора. Абсолютный порядок — это свет свободы. Этот порядок — не дитя мысли, ибо вся деятельность мысли — это культивирование фрагментации. Любовь — не фрагмент мысли, наслаждения. Осознание этого — разумность. Любовь и разумность неразделимы, и из этого проистекает действие, которое не вызывает страдания. Порядок — основа такого действия.

3 октября 1973

Ранним утром в аэропорту было ещё довольно холодно; солнце едва начинало всходить. Все были тепло закутаны, а бедные носильщики дрожали от холода; в аэропорту стоял обычный шум, рёв взлетающих реактивных самолётов, громкая болтовня, слова прощания и взлёт. Самолёт был переполнен туристами, бизнесменами и другими пассажирами, направлявшимися в священный город, грязный и кишевший людьми. Вскоре обширная гряда Гималаев стала розоветь в лучах утреннего солнца; мы летели на юго-восток, и на протяжении сотен миль эти огромные горные пики, прекрасные и величественные, казалось, висели в воздухе. Пассажир, сидевший рядом, был погружён в чтение газеты; женщина по другую сторону прохода погрузилась в молитву, перебирая чётки; туристы громко разговаривали и фотографировали друг друга и далёкие горы; каждый был занят своими делами и не замечал ни это чудо земли с извивающейся священной рекой, ни таинственную красоту огромных вершин, которые становились розовыми.

В конце прохода между рядами сидел мужчина, которому оказывалось особое уважение; он был не молод, с лицом учёного, с быстрыми движениями и чисто одет. Интересно, сознавал ли он когда-нибудь подлинное величие этих гор? Вскоре он встал и подошёл к пассажиру, занимавшему место рядом (с Кришнамурти), и спросил, не согласится ли тот поменяться с ним местами. Он сел, представился и спросил, не мог ли бы он со мной побеседовать. По-английски он говорил запинаясь, тщательно выбирая слова, как человек, не достаточно хорошо владеющий этим языком; у него был чистый мягкий голос и приятные манеры. Сначала он сказал, что для него большая удача лететь со мной в одном самолёте и что он рад нашей беседе. "Конечно, я знал о вас с юности, а на днях слушал вашу последнюю беседу. медитация и наблюдающий. Я учёный, пандит, практикующий свою собственную систему медитации и дисциплины". Горы отступали дальше к востоку, и под нами широко и приветливо извивалась река.

"Вы сказали, что наблюдающий есть наблюдаемое, медитирующий есть медитация, и что медитация имеет место только тогда, когда нет наблюдающего. Мне хотелось бы в этом разобраться. Для меня медитация до сих пор была контролем мысли, фиксацией ума на абсолюте".

— Тот, кто контролирует, есть контролируемое, не так ли? Мыслящий — это его мысли; без слов, образов, мыслей разве существует мыслящий? Переживающий есть то, что он переживает; без переживания нет переживающего. Контролирующий мысль создан мыслью; он является одним из фрагментов мысли, назовите его как вам угодно; внешний фактор, каким бы возвышенным он ни был, — это по-прежнему продукт мысли; деятельность мысли всегда внешняя и ведёт к фрагментации.

"Можно ли прожить жизнь без контроля? В нём суть дисциплины".

— Когда то, что контролирующийся является контролируемым, осознается как безусловный факт, как истина, приходит совершенно иной вид энергии, который преобразует то, что есть. Контролирующий никогда не может изменить то, что есть; он может это контролировать, подавлять, видоизменять или убегать от этого прочь, но он никогда не может выйти за пределы

и возвыситься над тем, что есть. Жизнь может и должна быть прожита без контроля. Контролируемая жизнь никогда не бывает разумной; она порождает нескончаемый конфликт, страдание и смятение.

"Это совершенно новая концепция".

— Если мне можно указать, это — не абстракция, не формулировка. Это только то, что есть. Печаль — не абстракция; из нее можно вывести умозаключение, создать концепцию, словесное построение, но это не будет тем, что есть, т. е. печалью. Идеологии не имеют реальности; существует только то, что есть. Оно никогда не может быть преобразовано, если наблюдающий отделяет себя от наблюдаемого.

"Является ли это вашим непосредственным опытом?"

— Было бы совершенно бесполезно и глупо сводить это просто к словесным структурам мысли; говорить о подобных вещах было бы лицемерием.

"Мне хотелось получить от вас разъяснение, что такое медитация, но теперь у нас нет времени, так как мы начинаем приземляться".

По прибытии нас встречали гирляндами, и зимнее небо было ярко-голубым.

4 октября 1973

Мальчиком он, бывало, сидел один под большим деревом вблизи пруда, в котором росли лотосы; они были розовые, от них шёл сильный аромат. Сидя в тени этого огромного дерева, он наблюдал за тонкими зелёными змейками и хамелеонами, лягушками и водяными змеями. Его брат с другими детьми обычно приходил, чтобы позвать его домой.[7 [нажми](#)] Это было приятное место — под деревом, с рекой и прудом. Казалось, было так много пространства, но это дерево создавало в нём своё собственное пространство. Всё нуждается в пространстве. Все эти птицы на телеграфных проводах, сидящие в тихий вечер с такими равными промежутками, создают пространство для неба.

Два брата вместе с другими сидели в комнате с картинами; вначале звучало пение на санскрите, а затем наступало полное молчание; это была вечерняя медитация. Младший брат обычно засыпал, переворачиваясь, и просыпался лишь тогда, когда другие поднимались, чтобы уйти. Комната было не слишком большая, и на её стенах были картины, изображающие то, что священно. В узких границах храма или церкви человек задаёт форму безбрежному движению пространства. Так происходит всюду; в мечети оно удерживается в изящном начертании слов. Любовь нуждается в громадном пространстве.

К этому пруду приползали змеи, и изредка приходили люди; каменные ступени вели вниз к воде, где росли лотосы. Пространство, которое создаёт мысль, измеримо и поэтому ограничено; культуры и религии — продукт мысли. Но ум наполнен мыслью и составлен из мысли; его сознание есть структура мысли, имеющая в себе мало пространства. А это пространство есть движение времени, отсюда — туда, от его центра — в направлении к внешним границам сознания, узкого или расширяющегося. Пространство, создаваемое центром для самого себя, — это его собственная тюрьма. Его отношения исходят из этого узкого пространства, но для того, чтобы жить, требуется пространство; пространство ума отрицает жизнь. Жизнь в узких границах центра — это борьба, страдание и печаль, но не жизнь. Пространство, расстояние между вами и деревом — это слово, знание, которое есть время. Время — это наблюдающий, который создаёт расстояние между собой и деревьями, между собой и тем, что есть. Без наблюдающего расстояние исчезает. Отождествление с деревьями, с другим человеком или с формулировкой есть действие мысли в её стремлении к защищённости, к безопасности. Существует расстояние

от одной точки до другой, и чтобы преодолеть это расстояние, необходимо время; расстояние существует только там, где имеется направление, обращённое внутрь или вовне. Наблюдающий создаёт разделение, расстояние между собой и тем, что есть; от этого возрастают конфликт и печаль. Преобразование того, что есть, имеет место лишь тогда, когда нет разделения, нет времени между видящим и видимым. У любви нет расстояния.

Брат умер, и не было движения от скорби ни в каком направлении. Это не-движение есть прекращение времени. Река начиналась среди холмов и тенистой зелени и с рёвом вливалась в море и в беспредельность горизонта. Человек живёт в каких-то коробках с множеством отделений, они занимают много места, но в них нет пространства; они насильственны, жестоки, агрессивны и злобны; они обособлены и разрушают друг друга. Река — это земля, и земля — это река; и они не могут существовать друг без друга.

Нет конца словам, но общение бывает словесное и не-словесное. Слушание слов — это одно, а слушание без слов — совсем другое; первое — несущественно, поверхностно, ведёт к бездействию; а второе — нефрагментированное действие, цветение добра. Слова могут дать прекрасные стены, но не пространство. Воспоминание, воображение — это страдание наслаждения, а любовь — не наслаждение.

Длинная тонкая зелёная змея была там в это утро; она была изящная и почти сливалась с зелёными листьями; она обычно лежала неподвижно, затаившись, ожидая и следя. Показалась большая голова хамелеона; он вытянулся на ветке и часто менял свою окраску.

6 октября 1973

Единственное дерево стоит на зелёном лугу, занимающем целый акр; оно старое и весьма уважаемо всеми другими деревьями на холме. В своём уединении оно возвышается над шумным потоком, холмами и над коттеджем за деревянным мостом. Ты любишь его, когда проходишь мимо, а на обратном пути разглядываешь его более обстоятельно, неторопливо; ствол его очень большой, глубоко вросший в землю, крепок, не поддаётся разрушению; длинные ветви, тёмные и изгибающиеся, дают хорошую тень. Вечером дерево погружено в себя, недоступно, но в дневные часы оно открытое и приветливое. Всё оно целое, не тронутое топором или пилой. В солнечный день ты сидел под ним, ты ощущал его почтенный возраст, и поскольку ты был наедине с ним, ты осознавал глубину и красоту жизни.

Старый крестьянин устало прошёл мимо тебя, когда ты сидел на мосту, глядя на закат солнца; он был почти слеп и шёл прихрамывая, с узлом в одной руке и с палкой в другой. Это был один из тех вечеров, когда краски заката горели на каждом камне, на деревьях и ветвях; трава и поля, казалось, светились своим собственным внутренним светом. Солнце село за круглым холмом, и среди этой феерии красок зажглась вечерняя звезда. Крестьянин остановился перед тобой, поглядел на эти поразительные краски и на тебя. Вы посмотрели друг на друга, и не сказав ни слова, он с трудом двинулся дальше. В этом общении было тёплое чувство приязни, нежность и уважение, не какое-то глупое уважение, а то, которое испытывают друг к другу религиозные люди. В тот момент все время, и мысль остановились. Вы и он были истинно религиозны, не испорчены верованием, образом, словом бедность. Вы часто встречались на той дороге среди каменистых холмов и всякий раз, когда вы глядели друг на друга, ощущалась радость полного прозрения.

Он шёл с женой из храма через дорогу. Оба были молчаливы, глубоко взволнованы песнопениями и богослужением. Вам случилось идти позади них, и вы уловили их чувство благоговения, силу их решимости вести религиозную жизнь. Но эта решимость скоро исчезнет,

когда они снова ощутят ответственность перед своими детьми, которые помчатся к ним навстречу. Он имел какую-то профессию, был, видимо, способным человеком, так как у него был большой дом. Тяжесть существования снова захватит его, и хотя он часто будет ходить в храм, борьба будет продолжаться.

Слово — не вещь; образ, символ — не реальность. Реальность, истина, — не слово. Попытка выразить её в словах полностью её стирает, и её место занимает иллюзия. Интеллект может отвергать всю структуру идеологии, верования, и все внешние атрибуты и власть, идущие с ними, но рассудок способен оправдать любое верование, любую идеологию. Рассудок — это порядок мысли, а мысль — это ответ внешнего. Являясь внешним, мысль создаёт внутреннее. Никто никогда не может жить только внешним, и внутреннее становится необходимым. Это разделение — та основа, на которой происходит борьба «я» и «не-я». Внешнее — это бог религий и идеологий; внутреннее пытается соответствовать этим образам, и это порождает конфликт.

Не существует ни внешнего, ни внутреннего, есть только целое. Переживаемый есть переживаемое. Фрагментация — это безумие. Целостность — не просто слово; она существует, когда разделение на внешнее и внутреннее абсолютно исчезает. Мыслящий есть мысль.

Когда вы идёте один, без единой мысли, просто наблюдая без наблюдающего, вы вдруг осознаёте священное, то, что мысль никогда не сможет постичь. Вы останавливаетесь, смотрите на деревья, на птиц и на прохожего; это не иллюзия, не то, чем ум сам себя обманывает. Это — в ваших глазах, во всём вашем существе. Цвет бабочки — это бабочка.

Краски заката блекли, и прежде чем небо совсем потемнело, показался робкий молодой месяц и скрылся за холмом.

7 октября 1973

Это был один из тех горных дождей, которые длятся три или четыре дня, принося с собой похолодание. Земля пропиталась водой, стала вязкой, и все горные тропинки были скользкими; маленькие ручейки сбегали по крутым склонам, и работа на террасных полях приостановилась. Деревья и чайные плантации поникли от сырости; уже более недели не показывалось солнце, и стало совсем прохладно. Горы с гигантскими остроконечными вершинами, покрытые снегами, были расположены к северу. Флаги возле храмов стали тяжёлыми от дождя; колыхающиеся от слабого ветра, они утратили свою прелесть, свои весёлые краски. Гремел гром, сверкали молнии, и грохот перекачивался из долины в долину; густой туман скрывал яркие вспышки света.

На следующее утро небо было прозрачно-голубое, ласковое, и величественные горные пики, безмолвные и неподвластные времени, сияли в первых лучах утреннего солнца. Между деревней и высокими горами лежала глубокая долина; она была полна тёмного синего тумана. Прямо впереди возвышался в ясном небе второй по высоте пик Гималаев. Казалось, что до пика можно почти дотронуться, но до него было много миль; расстояние забывалось, потому что он был здесь, во всём своём величии, во всей чистоте и неизмеримости. К концу утра пик исчез, скрытый темнеющими облаками, поднимающимися из долины. Только ранним утром он показывался и исчезал через несколько часов. Неудивительно, что древние видели своих богов в этих горах, в громе и облаках. Божественность их жизни была в благословении, скрытом в этих недоступных снегах.

Его ученики пришли, чтобы пригласить вас посетить их гуру; вы вежливо отказывались, но они приходили снова и снова, надеясь, что вы измените свои решение или примете

приглашение, устав от их настойчивости. Было решено, что их гуру придёт с несколькими, по своему выбору, учениками.

Это была шумная маленькая улица; дети играли на ней в крикет; у них была одна бита и несколько разрозненных кубиков. С криками и смехом они весело играли, останавливаясь лишь чтобы пропустить машину, когда водители притормаживали, чтобы не помешать их игре. Они так играли день за днём, а в то утро особенно много кричали, когда пришёл гуру, держа в руках небольшую отшлифованную трость.

Некоторые из нас сидели на тонком тюфяке на полу, и когда он вошёл в комнату, мы встали, предложив ему тюфяк. Он сел, скрестив ноги, и положил свою трость перед собой. Этот тонкий тюфяк, казалось, придавал ему авторитета. Он обрёл истину, пережил её и потому он, который узнал, открывал дверь для нас. То, что он говорил, было законом для него и для других; вы были просто ищущим, тогда как он уже нашёл. Вы могли заблудиться в своём поиске, и он мог бы помочь вам продвигаться по пути, но вы должны ему повиноваться. Вы спокойно ответили, что всякое искание и нахождение не имеют значения, если ум не свободен от своей обусловленности; эта свобода есть первый и последний шаг, а подчинение любому авторитету в вопросах, касающихся ума, означает, что вы пойманы в иллюзии, означает действие, порождающее печаль. Он глядел на вас с жалостью, озабоченностью и с тенью раздражения, как если бы вы были немного не в своем уме. Потом он сказал: "Самый великий и решающий опыт был дан мне, и ни один ищущий не может отвергать это".

— Если реальность или истина переживается как опыт, то это всего лишь проекция вашего ума. То, что переживается, — не истина, но создание вашего собственного ума.

Его ученики беспокойно заерзали. Последователи губят своих учителей и самих себя. Он поднялся и вышел, сопровождаемый учениками. Дети все ещё играли на улице, кто-то был выбит из игры, вызвав дикие аплодисменты и возгласы одобрения.

Не существует пути к истине, исторического или религиозного. Истина не может быть пережита или найдена с помощью диалектики; она не может быть обретена в меняющихся взглядах и верованиях. Вы натолкнётесь на неё, когда ум будет свободен от всего того, что он собрал. Этот величественный горный пик — тоже чудо жизни.

8 октября 1973

Обезьяны были всюду в это тихое утро: на веранде, на крыше и на манговом дереве — целая стая обезьян; это была разновидность бурых краснолицых обезьян. Малыши гонялись друг за другом среди деревьев, не слишком далеко от матерей, а большой самец сидел один, не спуская глаз со всей стаи; их было, наверное, около двадцати. Обезьяны действовали достаточно разрушительно, но поскольку солнце поднялось выше, они постепенно скрылись в более густом лесу, подальше от человеческого жилья; вожак удалился первым, и за ним тихо последовали остальные. Теперь возвратились попугаи и вороны с обычной трескотнёй, возвещавшей об их прибытии. Была одна ворона, которая обычно начинала каркать хриплым пронзительным голосом всегда в одно и то же время, и это карканье продолжалось без остановки, пока ворону не прогоняли. Она устраивала этот концерт изо дня в день; её карканье проникало вглубь комнаты и казалось, что все другие шумы прекращались. Эти вороны не допускают ожесточённых ссор в своей среде, они быстры, осторожны и хорошо выживают. Обезьяны, кажется, их не любят. День предстоял славный.

Это был худой, жилистый человек, с красивой головой, и по глазам его было видно, что он любил смеяться. Мы сидели на скамье, обращённой к реке, в тени тамариндового дерева,

населённого многочисленными попугаями и парой маленьких сов сипух, которые грелись в лучах утреннего солнца.

Он сказал: "Я провёл много лет в медитации, контролируя свои мысли, постясь и ограничиваясь одной трапезой в день. Я работал в сфере социальной помощи, но уже давно отказался от неё, когда увидел, что такого рода деятельность не решает серьёзных человеческих проблем. Многие ещё продолжают работать в этой области, но эта деятельность уже не для меня. Мне важно понять всё значение и всю глубину медитации. Каждая школа медитации придерживается какой-то формы контроля; я практиковал различные системы, но этому, кажется, нет конца".

— Контроль означает разделение на контролирующего и предмет контроля; это разделение, как и всякое разделение, вносит конфликт и искажение в действие и поведение. Эта фрагментация есть работа мысли, один фрагмент пытается контролировать другие части, назовите этот фрагмент контролирующим или как вам угодно. Это разделение является искусственным и вредным. В действительности контролирующий есть контролируемое. Мысль по самой своей сути фрагментарна, и это является причиной смятения и печали. Мысль разделила мир на национальности, идеологии и религиозные секты, большие и малые. Мысль — это ответ памяти, опыта и знания, накопленных в мозге; она может функционировать эффективно, здраво лишь тогда, когда существуют безопасность, порядок. Чтобы выжить физически, мысль должна защищать себя от всякой опасности; необходимость внешнего выживания легко понять, но психологическое выживание, выживание образа, составленного мыслью, — это совсем другое дело. Мысль разделила существование на внешнее и внутреннее, и от этого разделения происходят конфликт и контроль. Для выживания внутреннего — веры, идеологии, богов, национальностей — становятся необходимыми умозаключения, а это ведёт к бесчисленным войнам, насилию и печали. Желание внутреннего выживания, с множеством его образов, — это болезнь, дисгармония. Мысль есть дисгармония. Все её образы, идеологии, её истины сами по себе противоречивы и разрушительны. Если не говорить о технических достижениях, мысль — как внутренне, так и внешне — принесла хаос и удовольствия, которые быстро оборачиваются страданиями. Замечать всё это в вашей повседневной жизни, слышать и видеть движение мысли означает ту трансформацию (то изменение), которую приносит медитация. Это изменение заключается не в том, что «я» становится высшим «я», но в изменении содержания сознания; сознание — это его содержание. Сознание мира — это ваше сознание; вы — это мир, а мир — вы. Медитация есть полное изменение мысли и её деятельности. Гармония — не плод мысли; она приходит с восприятием целого.

Утренний ветер стих, и не шевелился ни один листочек; река стала совершенно спокойной и через широкую водную гладь доносились все шумы с противоположного берега. Даже попугаи затихли.

9 октября 1973

Вы ехали по узкоколейной дороге поездом, который останавливался почти на каждой станции, где продавцы горячего кофе и чая, одеял и фруктов, сладостей и игрушек громко кричали, предлагая свои товары. Заснуть было почти невозможно, а утром все пассажиры перебрались на судно, которое должно было перевезти их по этой неглубокой части моря на остров. Там уже ждал вас поезд, чтобы довезти в столицу, проезжая мимо деревень. Это была приветливая и счастливая земля. У моря было жарко и сыро, но на холмах, где раскинулись

плантации чая, было прохладно, и в воздухе ощущался аромат тех давних дней, когда еще не было перенаселённости и жизнь была проста. В городе, как во всех городах, были шум, грязь, убогость нищеты и пошлость денег; в гавани стояли суда со всего мира.

Дом был в уединённом месте, и в него нескончаемым потоком шли люди, чтобы приветствовать его гирляндами цветов и фруктами. Один человек как-то спросил, не хотел бы он посмотреть на недавно родившегося слонёнка, и мы, разумеется, пошли посмотреть на него. Ему было около двух недель, и нам сказали, что его мать, огромная слониха, очень возбуждена и очень ревностно оберегает малыша. Из города мы ехали в машине мимо нищеты и грязи до реки с коричневой водой, на берегу её была деревня, которую окружали высокие и густые деревья. Там находилась огромная темнокожая слониха со слонёнком. Он провёл там несколько часов, пока слониха не привыкла к нему; потом он был ей представлен, и слониха разрешила ему погладить её длинный хобот и угостить её фруктами и сахарным тростником. Подвижный кончик хобота просил ещё, и яблоки и бананы были отправлены в её большой рот. Новорожденный слонёнок, помахивая своим крошечным хоботом, стоял между ног матери. Слонёнок был совершенной её копией. Наконец, мать позволила дотронуться до её малыша. Его кожа была не слишком жёсткой, а хобот непрерывно двигался, он был самой подвижной частью его маленького тела. Слониха всё время была настороже, и служителю время от времени приходилось её успокаивать. Слонёнок был очень игривый.

Женщина, вошедшая в небольшую комнату, была в глубоком горе. Её сын был убит на войне. "Я его очень любила, и он был моим единственным ребёнком; он был хорошо воспитан, и в нём чувствовалось много добра и большой талант. Его убили — почему так должно было случиться именно с ним и со мной? Мы так любили и так были привязаны друг к другу. То, что произошло, слишком жестоко". Она рыдала, и, казалось, не было конца её слезам. Она взяла его руку и вскоре достаточно успокоилась, чтобы слушать.

Мы тратим так много средств на обучение своих детей; мы так заботимся о них; мы сильно к ним привязываемся; они заполняют нашу одинокую жизнь; в них мы видим осуществление собственных надежд, продолжение собственной жизни. Для чего нам нужно образование? Чтобы стать машинами? Чтобы проводить свои дни в тяжёлом труде и умереть от несчастного случая или мучительной болезни? Это та жизнь, которую принесла нам наша культура, наша религия. Всюду в мире жёны или матери льют слезы; война или болезнь лишила их сына или мужа. Является ли любовь привязанностью? Является ли она слезами и мукой утраты, одиночеством и печалью, жалостью к себе и болью расставания? Если бы вы любили вашего сына, вы бы заботились, чтобы ни один сын не был убит на войне. Были тысячи войн, а матери и жёны никогда полностью не отвергали пути, ведущие к войне. Вы будете, страдая, лить слезы и сами того не желая поддерживать системы, которые порождают войну. Любовь не знает насилия.

Мужчина объяснил, почему он разошёлся с женой. "Мы были очень молоды, когда поженились, и через несколько лет жизнь разладилась во всех отношениях, сексуально, ментально, и мы оказались совершенно разными людьми. Вначале мы любили друг друга, но постепенно наша любовь перешла в ненависть; развод стал необходим, и юристы так считают".

Любовь — это наслаждение, настойчивое желание? Это физическое ощущение? А влечение и его удовлетворение — любовь ли это? Является ли любовь продуктом мысли? Или же это нечто случайное, вызываемое обстоятельствами? Является ли любовь чувством товарищества, доброты и дружбы? Если хоть что-нибудь из всего этого выходит на первое место, то это не любовь. Любовь является такой же окончательной и решающей, как и смерть.

Тропа, ведущая к вершинам гор, проходит через леса, луга и открытые пространства. Там, где начинается подъём, стоит скамейка, и на ней сидит старая супружеская пара, глядя вниз на

залитую солнцем долину. Они приходят сюда очень часто. Сидят без слов, тихо созерцая красоту земли. Они ждут смерти. А тропа идёт дальше, вглубь снегов.

10 октября 1973

Дожди прошли, и огромные валуны блестели под утренним солнцем. В сухих руслах рек появилась вода, и земля снова радовалась; почва стала более красной, и каждый куст, каждая травинка стали зеленее, и на деревьях, которые корнями уходили глубоко в землю, появились свежие листочки. Скот становился тучнее, а крестьяне — менее тощими. Эти холмы так же старые, как земля, и огромные валуны, казалось, нашли здесь своё надёжное, прочное место. Один из холмов, расположенный к востоку, имеет форму большой площадки, на которой был построен квадратный храм. Деревенским детям надо было ходить за несколько миль, чтобы учиться читать и писать. Маленькая девочка с сияющим лицом совершенно самостоятельно шла в школу в ближайшую деревню; в одной руке у неё была книга, в другой какая-то еда. Она остановилась, когда мы подошли, робкая и любопытная; если бы она постояла подольше, то опоздала бы в школу. Рисовые поля были поразительно зелёными. Это утро было долгое, тихое.

Две вороны повздорили в воздухе, каркая и набрасываясь друг на друга; в воздухе не было достаточной опоры, так что они, схватившись друг с другом, опустились на землю. На земле полетели перья, и битва начала принимать серьёзный оборот. Вдруг около дюжины других ворон налетели на них и прекратили драку. После продолжительного карканья и перебранки все они исчезли в листве деревьев.

Склонность к насилию наблюдается всюду, среди людей высоко образованных и крайне примитивных, среди интеллектуалов и сентиментальных людей. Ни образование, ни организованные религии не способны укротить человека; они, напротив, сами ответственные за войны, пытки, концентрационные лагеря и за истребление животных на суше и на море. Чем больше человек продвигается вперед, тем более жестоким он, по-видимому, становится. Политика превратилась в гангстеризм, одна группировка против другой; национализм привёл к войне; происходят экономические войны; всюду проявляются ненависть и насилие. Ни опыт, ни знание, кажется, не учат человека, и насилие во всех его формах продолжается. Каково место знания в преобразовании человека и его общества?

Энергия, затраченная на накапливание знания, не изменила человека, она не прекратила насилие. Энергия затраченная на тысячи объяснений, почему человек так агрессивен, груб, бесчувствен не положила конца его жестокости. Энергия, затраченная на анализ причин его бессмысленного разрушения, его наслаждения насилием, садизма, бандитизма — отнюдь не сделала человека внимательным к другому и добрым. Несмотря на все слова и книги, угрозы и наказания человек по-прежнему продолжает свое насилие.

Насилие заключается не только в убийстве, в бомбе, в революционной перемене через кровопролитие; это нечто гораздо более глубокое и тонкое. Следование (подчинение) и подражание — признаки насилия; навязывание авторитета и подчинение ему — признак насилия; честолубие и соревнование — это выражение агрессивности и жестокости, а сравнение порождает зависть с присущими ей враждебностью и ненавистью. Где существует конфликт, внутренний или внешний, там есть почва для насилия. Разделение во всех его формах приносит конфликт и страдание.

Вы знаете всё это; вы читали об актах насилия, сталкивались с ним в самих себе и вокруг, вы слышали о нем, однако же насилие не прекратилось. Почему? Объяснения и причины подобного поведения не имеют реального значения. Если вы потворствуете им, то попусту

тратите энергию, которая вам необходима, чтобы выйти за пределы насилия. Вам нужна вся ваша энергия, чтобы встретить и превзойти ту энергию, которая расточается в насилии. Контролирование насилия — это другая форма насилия, так как контролирующий есть контролируемое. При полном внимании, суммирующем всю энергию, насилие во всех его формах прекращается. Внимание — это не слово, не мысленная абстракция, а дело повседневной жизни. Действие — это не идеология, но если действие вытекает из идеологии, то оно ведёт к насилию.

После дождей река разливается всюду, омывая каждый валун, каждый город и деревню, и как бы это её ни загрязняло, она самоочищается и течёт в долины, ущелья и луга.

12 октября 1973

Снова один известный гуру пришёл встретиться с ним. Мы сидели в красиво огороженном саду; зелёный газон был в хорошем состоянии, на нём росли розы, душистый горошек, ярко-жёлтые ноготки и другие цветы восточного севера. Ограда и деревья защищали от шума немногих проезжавших автомашин; воздух был полон аромата множества цветов. Вечером из потайного убежища под деревом обычно выходила семья шакалов; они вырыли большую нору, где мать прятала троих щенков. Они выглядели здоровыми, и вскоре после захода солнца мать выходила с ними, держась ближе к деревьям. За домом складывались кухонные отходы, и в более поздние часы шакалы отправлялись туда. Здесь жила также семья мангустов. Каждый вечер мать с розовым носом и длинным толстым хвостом выходила из своей норы; за ней шли друг за другом два малыша, стараясь держаться поближе к ограде. Они тоже уходили за дом к кухне, где иногда оставляли для них корм. Благодаря им в саду не было змей. Их пути, кажется, никогда не пересекались с путями шакалов, но если они встречались, то как будто не замечали друг друга.

Гуру за несколько дней сообщил о своём желании сделать визит. Он прибыл, а несколько позже вереницей последовали его ученики. Они, как обычно, прикасались к его стопам в знак глубокого уважения. Они хотели прикоснуться также к стопам другого человека, но он этого не позволил; он сказал им, что это унижительно, однако традиция и надежда на небесное блаженство были в них слишком сильны. Гуру не захотел войти в дом, так как он дал обет никогда не входить в дома женатых людей. В то утро небо было ярко-голубым, а тени были длинными.

"Вы отрицаете, что вы — гуру, но вы — гуру всех гуру. Я следил за вами с вашей юности, и то, что вы говорите, — истина, которую лишь немногие смогут понять. А для множества остальных мы необходимы, иначе они сбились бы с правильного пути; наш авторитет спасает неразумных. Мы — толкователи. Нам был дан наш опыт: мы знаем. Традиция — это защита, она служит оплотом: лишь очень немногие могут держаться в одиночестве и видеть обнажённую реальность. Вы относитесь к тем, кто имеет на себе благословение, но нам приходится идти с толпой, петь её песни, чтить святые имена, окроплять святой водой, что не означает, что мы совершенные лицемеры. Люди нуждаются в помощи и мы здесь для того, чтобы её оказывать. В чём заключается, если мне будет позволено спросить, переживание этой абсолютной реальности?"

Ученики всё ещё продолжали подходить и уходили, не проявив интереса к беседе, равнодушные к тому, что их окружало, к красоте цветка и дерева. Некоторые из них сидели на траве и слушали, надеясь, что они не будут слишком потревожены. У человека есть недовольство культурой, в которой он воспитан.

— Реальность — не то, что может быть переживаемо. К ней нет пути, и не существует слов, которые могли бы обозначать её; она — не то, что можно искать и находить. Нахождение после поиска — это искажение ума. Само слово «истина» не есть истина; описание не является тем, что оно описывает.

"Древние поведали о своих переживаниях, о своём блаженстве в медитации, о своем сверхсознании, о своей священной реальности. Да будет позволено спросить: должен ли человек оставаться в стороне от всего этого, в стороне от их высокого примера?"

— Любой авторитет в медитации сам по себе есть её отрицание. Всяческому знанию, представлениям, примерам в медитации нет места. Полное исключение медитирующего, переживающего, мыслящего — вот самая суть медитации. Эта свобода есть повседневное действие медитации. Наблюдающий — это прошлое, его основой является время, его мысли, образы, тени связаны временем. Знание — это время, и свобода от известного есть расцвет медитации. Не существует никакой системы и, стало быть, не может быть никакого указания в отношении истинности или красоты медитации. Следовать другому, его примеру, его слову — значит изгонять истину. Только в зеркале отношения вы видите лицо того, что есть. Видящий есть видимое. Без порядка, который приносит добродетель, медитация и бесконечные притязания других не имеют ни малейшего значения, они абсолютно неуместны. Истина не имеет традиции, она не может быть воспринята от другого. На солнце аромат душистого горошка был очень сильным.

13 октября 1973

Мы плавно летели на высоте тридцати семи тысяч футов, и самолёт был полон. Мы пролетели над морем и приближались к суше; далеко под нами были море и земля; пассажиры, кажется, не переставали разговаривать, пить или перелистывать страницы журналов; потом демонстрировался фильм. Это была шумная группа людей, которых надо было развлекать и кормить; они спали, храпели, держались за руки. Земля, вскоре скрывающаяся под массой облаков от горизонта до горизонта, пространство, высота и шум разговоров. Между землёй и самолётом — бесконечные белые облака, а над нами — нежно-голубое небо. Сидя в углу у окна, вы были бдительны, наблюдая за изменением формы облаков и белым сиянием над ними.

Обладает ли сознание какой-то глубиной или это всего лишь трепещущая поверхность? Мысль может вообразить свою глубину, может утверждать, что она имеет глубину, или считать, что она — всего лишь рябь на поверхности. Имеет ли мысль как таковая вообще какую-либо глубину? Сознание состоит из его содержания; содержание сознания — это его предел. Мысль есть деятельность внешнего, и в некоторых языках мысль означает внешнее. Значение, придаваемое скрытым слоям сознания, по-прежнему поверхностно, глубины оно не имеет. Мысль может придать себе центр, в виде эго, «я», но этот центр вообще не имеет никакой глубины; слова, как бы ловко и тонко они ни были подобраны, неглубоки. «Я» — это выдумка мысли в виде слова и отождествления; «я», ищущее глубину в действии, в существовании, вообще не имеет никакого значения; все его попытки создать глубину в отношениях кончаются тем, что оно множит свои собственные образы, тени которых считает глубокими. Деятельность мысли не имеет глубины; её удовольствия, её страхи, её печаль находятся на поверхности. Само слово «поверхность» показывает, что под нею что-то есть, большой объем воды или очень мелкий. Неглубокий или глубокий ум — это слова мысли, а мысль сама по себе поверхностна. За мыслью, создавая объём, стоят опыт, знание, память — те вещи, которые ушли, чтобы вновь быть вызванными и оказывать или не оказывать воздействие. Там, далеко под нами, на земле

катила свои воды широкая река, делая большие изгибы среди рассыпанных вокруг ферм, а по петляющим дорогам ползали муравьи. Горы были покрыты снегом, а долины были зелёными, с глубокими тенями. Солнце было прямо перед нами и садилось в море, когда самолёт приземлялся среди дыма и шума растущего города.

Есть ли глубина в жизни, в существовании вообще? Все ли отношения поверхностны? Может ли мысль когда-либо это выяснить? Мысль — это единственный инструмент, который человек развил и отточил, и когда она отвергнута в качестве средства для понимания глубины жизни, ум ищет другие средства. Поверхностная жизнь скоро становится утомительной, скучной, лишённой значения, и это порождает постоянную погоню за удовольствием, страхи, конфликт и насилие. Видеть фрагменты, которые создала мысль, и их деятельность как целое — это конец мысли. Восприятие целого возможно только тогда, когда наблюдающий, который представляет собой один из фрагментов мысли, не действует. Тогда действие есть отношение, [9 [нажми](#)] и оно никогда не ведёт к конфликту и печали.

Лишь безмолвие имеет глубину, как и любовь. Безмолвие, как и любовь, не является движением мысли. Только тогда слова, глубокие или поверхностные, утрачивают своё значение. Любовь и безмолвие неизмеримы. Что измеримо — это мысль и время; мысль есть время. Измерение необходимо, но когда мысль привносит его в действие и отношение, возникают зло и беспорядок. Порядок неизмерим, измерить можно только беспорядок. На море и в доме царила тишина, и холмы, усыпанные весенними полевыми цветами, были безмолвны.

РИМ

17 октября 1973

Стояло жаркое, сухое лето со случайными ливнями; газоны порыжели, но высокие деревья с густой листвой выглядели счастливыми, и цветы продолжали цвести. Такого лета в стране не было уже много лет, и фермеры были довольны. В городах было очень плохо — загрязнённый воздух, жара, обилие людей на улицах; каштаны начали уже приобретать коричневую окраску, и парки были полны людей с детьми, бегавшими всюду с громкими криками. За городом было чудесно; там всегда царила тишина, и небольшая узкая речка с лебедями и дикими утками была полна очарования. Романтизм и сентиментальность были надёжно заперты в городах, а здесь, в сельской местности, среди деревьев, лугов и ручьёв, пребывали красота и очарование. Дорога, протянувшаяся через леса и испещрённая тенями, и каждый листок хранят эту красоту, каждый увядающий листок и былинка травы.

Красота — не слово, не эмоциональная реакция; она не настолько податлива, чтобы мысль её искажала и придавала ей форму. Когда существует красота, всякое движение и действие в любом отношении целостно, разумно и свято. Когда этой красоты, этой любви нет, мир становится безумным.

С небольшого экрана проповедник, пользуясь изысканными жестами и словами, говорил, что он знал своего спасителя, единственного спасителя, который жил на земле, и что если бы он не жил, мир был бы лишён всякой надежды. Агрессивный взмах его руки отметал прочь всякое сомнение, всякое стремление что-то выяснить, ибо он знает, а вы должны отстаивать то, что он знает, так как его знание — это ваше знание, ваше убеждение. Рассчитанные движения его рук и убеждающее слово вселяли уверенность и воодушевляли аудиторию, которая внимала ему, молодые и старые, с открытым ртом, зачарованная и преклоняющаяся перед мысленным

образом, существующим в собственном уме. Только что началась война, но это не тревожило ни проповедника, ни его многочисленную аудиторию, ибо войны должны происходить, и к тому же они составляют часть их культуры.

На этом экране несколько позднее показывали, над чем работают учёные, их замечательные изобретения, их выдающиеся открытия в освоении космоса, мир завтрашнего дня, новые сложные машины; показывали, как формируются клетки, эксперименты, проводимые над животными, червями и мухами. Подробно и занимательно рассказывалось об изучении поведения животных. Благодаря этому изучению профессора могли лучше понять поведение человека. Рассматривались остатки древней культуры; раскопки, сосуды, бережно хранимые мозаики и руины древних стен; этот удивительный мир прошлого, его храмы, его величие. Много, много томов написано о сокровищах, о живописи, о жестокостях и величии прошлого, его царях и его рабах.

Немного позднее была показана реально происходящая война, которая бушевала в пустыне и среди зелёных холмов, огромные танки и летящие на небольшой высоте реактивные самолёты, грохот и намеренное массовое убийство; и политики, говорящие о мире, но в каждой стране поддерживающие войну. Были показаны плачущие женщины и тяжелораненые, дети, размахивающие флагами, и священники, нараспев произносящие благословения.

Слезы человечества не смыли человеческое желание убивать. Ни одна религия не остановила войну; все они, напротив, вдохновляли её, благословляли оружие войны, сеяли рознь между людьми. Правительства обособлены и оберегают свою обособленность. Учёные зависят от правительств. Проповедник запутался в своих словах и образах.

Вы будете лить слезы, но будете воспитывать своих детей, чтобы убивать и быть убитыми. Вы принимаете это как образ жизни; вы привязаны к вашей собственной безопасности; она ваш бог и ваша горе. Ваша забота о собственных детях так старательна и щедра, но потом вы с таким энтузиазмом желаете, чтобы они были убиты. На экране показали детёнышей морских котиков, с огромными глазами; их убивали.

Функция культуры заключается в том, чтобы полностью преобразить человека.

По реке плавали оранжевые утки, они плескались, гонялись друг за другом, а на воде были тени деревьев.

18 октября 1973

На санскрите есть длинная молитва о мире. Она была написана много, много столетий тому назад кем-то, кому мир был абсолютно необходим, и возможно на этом основывалась его повседневная жизнь. Молитва была написана, когда ещё не вкрался яд национализма, когда не было ещё этой аморальной власти денег и той довлеющей поглощённости человека мирскими делами, которую принесла индустриализация. Это молитва о непреходящем мире: Да будет мир среди богов, в небесах и среди звёзд; да будет мир на земле среди людей и четвероногих животных; да не причиним мы вреда друг другу; да будем великодушными друг с другом; да обретём мы разум, который станет направлять нас в нашей жизни и действии; да будет мир в нашей молитве, на наших устах и в наших сердцах.

В этом мире нет упоминания о личности; это пришло значительно позднее. В нем есть только мы — наш мир, наш разум, наше знание, наше просветление. Звучание санскритских песнопений, казалось, обладало удивительным воздействием. Когда в храме сливалось в единый звук пятьдесят голосов, казалось, что дрожали стены.

Тропинка шла через зелёное, сверкающее поле, через залитый солнцем лес и дальше. Вряд

ли кто-либо приходит в эти леса, полные света и теней. В них очень мирно, спокойно и уединённо. Тут много белок, и иногда встретится олень, робкий, настороженный, и умчится прочь; белки наблюдают за тобой из ветвей и иногда поворчат на тебя. В этих лесах ощущается аромат лета и запах сырой земли. Есть огромные деревья, старые и сильно замшелые; они приветливо тебя встречают, и ты ощущаешь теплоту этой приветливости. Каждый раз, когда ты там сидишь и глядишь сквозь ветви и листву на чудесное голубое небо, этот покой и приветливость ожидают тебя. Ты шёл с другими через этот лес, но в нём были отчуждённость и молчание; люди болтали, равнодушные и не сознающие царственного величия и великолепия этих деревьев; у этих людей не возникало взаимоотношений с деревьями, как и, по всей вероятности, не было отношений друг с другом. Взаимоотношения между деревьями и тобой возникали мгновенно и во всей полноте; они и ты были друзьями, и потому ты был другом каждого дерева, каждого куста и цветка на земле. Ты приходил не за тем, чтобы уничтожать, и между ними и тобой был мир.

Мир — это не промежуток времени между окончанием и началом конфликта, страдания и печали. Не существует правительства, которое может принести мир; его мир — это разложение и упадок; его организованное управление народом ведёт к вырождению, поскольку оно не проявляет заботы обо всех людях земли. Тирании никогда не могут удерживать мир, ибо они уничтожают свободу. мир и свобода шагают вместе. Убивать другого ради мира — идиотизм идеологий. Вы не можете купить мир; он не является изобретением интеллекта; он не может быть обретен с помощью молитвы или путём сделки. Мир не пребывает ни в каком священном здании, ни в какой книге, ни в каком человеке. Никто и ничто не может вас вести к миру, ни гуру, ни священник, ни символ.

В медитации мир есть. Сама медитация — это движение мира. Мир — не конечный результат, который может быть найден; он не создаётся мыслью или словом. Действие медитации — это разумность. Медитация не является ни чем из того, чему вы научились и что пережили. Избавление от всего, чему вы научились и что пережили — это медитация. Медитация — это свобода от переживающего. Когда нет мира в отношениях, его нет и в медитации; это тогда лишь уход в иллюзию и причудливые грёзы. Мир не может быть продемонстрирован или описан. Вы не можете о нём судить. Вы осознаете, если он настанет, в процессе вашей повседневной жизни, в порядке, добродетельности вашей жизни.

Утро было туманным, и плыли тяжёлые облака; собирался дождь. Только через несколько дней можно будет снова увидеть голубое небо. Но как только ты входил в лес, там был всё тот же мир и та же приветливость. Там стояла полная тишина, и ощущался тот же непостижимый мир. Белки попрятались, смолкли кузнечики на лугах, а за холмами и долинами волновалось море.

19 октября 1973

Лес спал; тропа была тёмная и извилистая. Не было никакого движения; долгие сумерки заканчивались, и безмолвие ночи опускалось на землю. Маленький журчащий ручей, такой звонкий в течение дня, смолкал в тишине наступающей ночи. Сквозь просвет в листве показались звёзды, яркие и очень близкие. Темнота ночи так же необходима, как и свет дня. Приветливые деревья были погружены в себя и отделились; они все были рядом, но стали отчуждёнными, недостижимыми; они спали, не тревожимые ничем. В этой спокойной темноте происходили рост и цветение, всё набиралось сил, чтобы встретить трепещущий жизнью день; ночь и день насущно необходимы; оба они дают жизнь, энергию всему живому. Только человек

расточает её.

Сон очень важен, сон без чрезмерного обилия сновидений и беспокойного метания. Во время сна многое происходит как в физическом организме, так и в мозгу (ум — это мозг); оба они представляют собой единое движение. Для этой целостной структуры сон абсолютно необходим. Во время сна возникает порядок, происходит регулировка, настройка и более глубокое восприятие; чем спокойнее мозг, тем глубже постижение. Чтобы гармонично функционировать, без какого-либо трения, мозг нуждается в безопасности и порядке. Ночь это обеспечивает, и в течение спокойного сна имеют место движения, состояния, которых мысль никогда не может достичь. Сновидения нарушают покой; они искажают целостное восприятие. Во время сна ум восстанавливает себя, обновляется.

Но вы можете сказать, что сновидения необходимы; что при их отсутствии человеку грозит безумие; что они помогают, раскрывая нечто. Бывают поверхностные сновидения, не имеющие большого значения; бывают сновидения знаменательные, и бывает также сон без сновидений. Сновидения являются выражением в различных формах и символах нашей повседневной жизни. Если в повседневной жизни отношений нет гармонии, нет порядка, то сновидения являются продолжением этого беспорядка. В течение сна мозг пытается создать порядок из этого запутанного противоречия. В постоянной борьбе между порядком и беспорядком мозг снашивается. Но чтобы он вообще мог функционировать, ему необходимы безопасность и порядок, и тут становятся необходимыми верования, идеологии и другие невротические представления. Превращение ночи в день — одна из таких невротических привычек; глупости, которые продолжают происходить в современном мире после наступления темноты, — это бегство от дневной рутины и скуки.

Полное осознание беспорядка в отношениях, как в частных так и в общественных, в личных и в отдаленных, осознание того, что есть, без какого-либо выбора в часы бодрствования из беспорядка создаёт порядок. Тогда мозг не нуждается в том, чтобы искать порядок в течение сна. Сновидения тогда — только поверхностные, без значения. Порядок во всём сознании, а не только на его сознательном уровне, существует тогда, когда разделение между наблюдающим и наблюдаемым полностью прекратилось. То, что есть, оказывается преодоленным, когда наблюдающий, являющийся прошлым, являющийся временем, перестаёт существовать. Активное настоящее, то, что есть, в отличие от наблюдающего, не находится в плену времени.

Только когда ум, мозг и организм в течение сна находятся в этом полном порядке, существует осознание того состояния, которое вне слов, того движения, которое вне времени. Это не какой-то причудливый сон, абстрактный уход от жизни. Это подлинный итог медитации. Иначе говоря, мозг активен, независимо от того, бодрствует он или спит, а постоянный конфликт между порядком и беспорядком изнашивает мозг.

Порядок есть высочайшая форма добродетели, восприимчивости, разумности. Когда существует эта великая красота порядка, гармонии, мозг не является бесконечно действующим; определённые его части должны нести бремя памяти, но это очень малая часть; остальная часть мозга свободна от шума опыта. Эта свобода есть порядок, гармония безмолвия. Эта свобода и шум памяти движутся вместе; разум есть действие этого движения. Медитация — это свобода от известного, но всё же действует она в сфере известного. Не существует «я» как действующего. В состоянии сна или бодрствования эта медитация продолжается.

Тропа постепенно вывела из леса, и от горизонта до горизонта всё небо было полно звёзд. В полях не было ни малейшего движения.

Это дерево — старейшее из всего живого на земле. Оно огромно по своим размерам, по своей высоте и широченному стволу. Это дерево возвышается над всеми другими секвойями, тоже очень старыми; другие деревья были затронуты огнём, но на этом нет никаких его отметин. Оно одиноко выстояло и пережило все кошмары истории, все войны, бушевавшие в мире, все бедствия и человеческую скорбь, огонь и молнии, все ураганы времени и осталось незатронутым, величественным, сохранив достоинство. Тут происходили пожары, но кора деревьев секвойи оказалась способной не поддаваться им и выживать. Шумные туристы сюда пока ещё не добрались, и ты мог оставаться наедине с этим безмолвным гигантом; огромный и вечный, он был устремлён к небесам, когда ты сидел под ним. Сама его древность придавала ему достоинство безмолвия и отчуждённость глубокой старости.

Дерево было так же безмолвно, как твой ум, так же спокойно, как твоё сердце, и оно жило без груза времени. Ты ощущал сострадание, не тронутое временем, и невинность, никогда не знавшую обиды и печали. Ты сидел, а время проходило мимо тебя, проходило, чтобы никогда не возвратиться. Тут пребывало бессмертие, потому что никогда не было смерти. Ничего не существовало кроме этого огромного дерева, облаков и земли. Ты приходил к этому дереву и садился рядом с ним, и каждый день в течение многих дней это было благословением, которое ты осознавал только когда уходил. Ты не мог к нему возвратиться, желая получить ещё больше; большего не существовало, большее было в долине, далеко внизу. Поскольку это не было святыней, созданной человеком, там пребывала непостижимая святость, которая никогда тебя не покинет, ибо она не твоя.

Ранним утром, когда солнце ещё не коснулось верхушек деревьев, тут были олени и медведь; мы глядели друг на друга широко открытыми глазами, с удивлением; земля была нам общей, и страха не было. Скоро появились голубые сойки и рыжие белки; одна белка — совсем ручная и дружелюбно настроенная. В кармане у тебя были орехи, и она брала их прямо с руки; когда белка уже достаточно съела, с веток соскочили две сойки, и их перебранка смолкла. И день начался.

Чувственность в мире удовольствий приобрела очень большое значение.

Склонность (пристрастие), [10 [нажми](#)] диктует, и скоро привычка к удовольствию овладевает человеком; и хотя это может причинить вред всему организму, удовольствие доминирует. Удовольствие, доставляемое чувствами, хитрой и тонкой мыслью, словами и образами, созданными умом и руками, — это культура образования, удовольствие от насилия и удовольствие от секса. Человек формируется по модели удовольствия, и всё существование, будь оно религиозным или иным, представляет собой погоню за ним. Дикое преувеличение роли удовольствия является результатом морального и интеллектуального подчинения. Когда ум не является свободным и осознающим, чувственность становится разлагающим фактором, и это то, что происходит в современном мире. Удовольствие, доставляемое деньгами и сексом, преобладает. Когда человек становится существом живущим из вторых рук, тогда его свобода — это выражение его чувственности. Тогда любовь — это удовольствие и желание.

Организованные развлечения, религиозные или коммерческие, ведут к социальной и личной аморальности; вы перестаёте быть ответственным. Целостно реагировать на любой вызов — значит быть ответственным, полностью ответственным. [11 [нажми](#)] Но это невозможно, когда самая сущность мышления фрагментарна, а погоня за удовольствием, во всех его явных и тонких формах, является основным проявлением (движением) существования. Удовольствие — это не радость; радость и удовольствие — совершенно разные вещи; радость приходит незваной, удовольствие — культивируется, воспитывается; радость является, когда нет «я», удовольствие связывает временем; где одно, там нет другого. Удовольствие, страх и насилие идут вместе; они — неразлучные спутники. Учение путём наблюдения является действием, это

действие есть видение.

Вечером, когда приближалась темнота, сойки и белки уснули. Вечерняя звезда только что зажглась, а шумы дня и памяти затихли. Эти гигантские секвойи стояли недвижно. Они пребудут вне времени. Умирает лишь человек и печаль от этого.

21 октября 1973

Ночь была безлунной, и Южный Крест был отчётливо виден над пальмами. Солнце должно было взойти ещё нескоро, и в этой спокойной темноте все звёзды ярко сияли, казались очень близкими. Они излучали всепроникающий голубой свет, а река как будто их порождала. Южный Крест стоял обособленно, около него не было других звёзд. Не чувствовалось ни малейшего ветра, и земля, казалось, остановилась неподвижно, устав от деятельности человека. После сильных ливней следовало ждать чудесного утра, и на горизонте не было ни облачка. Орион уже не был виден, и на небе зажглась утренняя звезда. В роще, в ближнем пруду квакали лягушки; они смолкали на некоторое время, потом просыпались и начинали снова. В воздухе ощущался сильный аромат жасмина, и издалека доносилось пение. В этот час на земле царило полное безмолвие с его нежной красотой. Медитация — движение этого безмолвия.

В саду за оградой начался шум дня. Купали маленького ребёнка; затем всё его тело тщательно смазывали маслами; особое масло для головы, другое для тела; каждое имело свой аромат, и оба масла были слегка подогреты. Ребёнку это нравилось; он тихонько что-то сам себе лепетал, и его полное маленькое тельце блестело от масла. Затем его обсушили особой ароматной пудрой. Ребёнок ни разу не заплакал, казалось, он был окружён такой любовью и заботой. Его вытерли и нежно запеленали в чистую белую ткань, накормили и уложили в постель, где он немедленно заснул. Он, наверное, вырастет, получит образование, его обучат работе, он примет традиции, новые или старые верования, у него появятся дети, и он будет жить, неся бремя печали, за смехом скрывая страдание.

Мать пришла однажды и спросила: "Что такое любовь? Забота, доверие, ответственность, или удовольствие, получаемое друг от друга мужчиной и женщиной? Или это боль привязанности и одиночества?"

Вы воспитываете своё дитя с такой заботой, с такой неутомимой энергией, отдавая свою жизнь и время. Вы чувствуете, быть может, не сознавая этого, ответственность. Вы любите его. Но вот начинает проявляться суживающее действие образования, наградой и наказанием побуждая приспособиться и войти в эту социальную структуру. Образование — общепризнанное средство обуславливания ума. Для чего даётся нам образование — чтобы бесконечно работать и умереть? Вы отдали ребёнку нежную заботу, привязанность, но разве ваша ответственность прекращается, когда начинается образование? Разве любовь пошлёт его воевать, чтобы быть убитым, после всей отданной ему заботы и щедрости? Ваша ответственность никогда не прекращается, но это означает вмешательства. Свобода есть тотальная ответственность не только перед вашим ребёнком, но перед всеми детьми на земле. Является ли любовь привязанностью и её болью? Привязанность рождает боль, ревность, ненависть.

Привязанность происходит от нашей собственной поверхностности, неполноценности, одиночества. Привязанность даёт ощущение принадлежности, отождествления с чем-то, даёт чувство реальности, ощущения бытия. Когда это оказывается под угрозой, возникают страх, гнев, ревность. Любовь ли всё это? Боль и печаль — это любовь? Чувственное наслаждение — любовь? Большинство достаточно разумных людей знает всё это на уровне слов, да это и не слишком сложно. Но они не дают всему этому проявиться; эти факты они превращают в идеи, а

потом борются с этими абстрактными представлениями. Они предпочитают скорее жить с абстракциями, чем с реальностью, с тем, что есть.

В отрицании того, что не является любовью, есть любовь. Не бойтесь слова «отрицание». Отрицайте всё, что не является любовью, и тогда то, что есть, — это сострадание. То, что вы собой представляете, имеет чрезвычайно важное значение, потому что вы — это мир, а мир — это вы. Это и есть сострадание.

Постепенно приближалось утро; на востоке забрезжил слабый свет. Он разгорался, и Южный Крест начал бледнеть. Стали видны очертания деревьев, лягушки смолкли, утренняя звезда исчезла в более ярком свете, и новый день начался. Уже летали вороны, и слышались человеческие голоса, но благословение раннего утра всё ещё пребывало здесь.

22 октября 1973

С маленькой лодки, плывущей по тихому, медленному течению реки, обозревался весь горизонт, с севера на юг и с востока на запад; ни один дом, ни одно дерево не заслоняли его, и в небе не было ни облачка. Берега были пологие, по обе стороны далеко уходившие в сушу, и они удерживали широкую реку. На реке было ещё несколько небольших рыбачьих лодок, рыбаки собрались у одного края и вытаскивали свои сети; эти люди были необычайно терпеливы. Небо и земля соприкасались, создавая огромное пространство. В этом безмерном пространстве помещалась земля и все вещи, даже эта маленькая лодка, уносимая сильным течением. У излучины реки горизонт расширялся, насколько мог видеть глаз, неизмеримый и бескрайний.

Пространство становилось беспредельным. Такое пространство должно существовать для красоты и сострадания. Всё нуждается в пространстве, живое и мертвое, камень на холме и птица в полёте. Отсутствие пространства — это смерть. Рыбаки пели, и звук их песни плыл по реке. Звук нуждается в пространстве. Звучанию слова нужно пространство; слово, правильно произнесённое, создаёт своё собственное пространство. Река и стоящее вдали дерево могут продолжать существовать, только когда они имеют пространство; без пространства всё гибнет. Река исчезала на горизонте, и рыбаки шли к берегу. Приближалась глубокая темнота ночи, земля отдыхала от утомительного дня, и звёзды заблестели на воде. Необъятное пространство сузилось до небольшого дома, в котором много стен. Даже большие, роскошные дома, подобные дворцам, имеют стены, которые отгораживают это безмерное пространство, создавая своё собственное.

В картине должно присутствовать пространство, хотя она и заключена в раму; статуя может существовать только в пространстве; музыка создаёт необходимое для неё пространство; звук слова не только создаёт пространство: он нуждается в нем, чтобы быть услышанным. Мысль может вообразить пространство между двумя точками, расстояние и измерение; промежуток между двумя мыслями — это пространство, которое создает мысль. Постоянное течение времени, движение и интервал между двумя движениями мысли нуждаются в пространстве. Сознание пребывает внутри (в пределах) движения времени и мысли. Мысль и время могут быть измерены между двумя точками, между центром и периферией. Сознание, широкое или узкое, существует там, где имеется центр, «я» и "не-я".

Всё нуждается в пространстве. Если крыс поместить в тесном пространстве, они уничтожают друг друга; маленькие птички, сидящие вечером на телеграфных проводах, имеют необходимое пространство между друг другом. Люди, живущие в перенаселённых городах, становятся склонными к насилию. Там, где нет пространства, внешнего и внутреннего, неизбежны всякое зло и вырождение. Обуславливание ума посредством так называемого образования, религии, традиции, культуры оставляет слишком малое пространство для цветения

ума и сердца. Вера, соответствующий ей опыт, мнение, идеи, слово — это и есть «я», эго, центр, создающий это ограниченное пространство, внутри границ которого находится сознание. «Я» существует и действует внутри того малого пространства, которое оно создало для самого себя.

Все его проблемы и печали, надежды и отчаяние находятся внутри его собственных границ, и там нет пространства. Известное занимает все его сознание. Сознание — это известное. В его границах не существует решения всех тех проблем, которые создали люди. И всё же они не сдаются; они цепляются за известное или изобретают неизвестное, надеясь, что оно разрешит их проблемы. Пространство, которое «я» построило для себя, — это его печаль и боль удовольствия. Боги не дают вам пространства, ибо у них оно ваше. Огромное, неизмеримое пространство лежит за пределами того, что может измерить мысль (измерения мысли), а мысль — это известное. Медитация — это освобождение сознания от его содержания, от известного, от "я".

Вёсла медленно двигали лодку вверх по спящей реке, а огонёк из дома указывал направление. Это был долгий вечер, закат солнца сиял золотым, зелёным и оранжевым светом, и по воде пролегла золотая дорожка.

24 октября 1973

Тропа, каменистая и неровная, вела вниз, в долину, где тускло мерцали огни маленькой деревни; было темно. На фоне звёздного неба вырисовывались волнистые очертания холмов, всё было погружено в темноту, и где-то поблизости выл койот. Тропа утратила свои знакомые очертания, и лёгкий ветерок веял из долины. Быть одному в таком уединённом месте — значит внимать голосу полной тишины и её великой красоте. Какое-то животное зашуршало в кустах, испугавшись или желая привлечь к себе внимание. Теперь стало уже совсем темно, и мир долины погрузился в глубокое безмолвие. В ночном воздухе ощущалась сложная смесь запахов кустарника, росшего на этих сухих холмах, — сильный запах кустарника, которому знакомо жаркое солнце.

Дожди окончились много месяцев тому назад; теперь их не будет очень долго; тропа была сухая, пыльная и неровная. Великое безмолвие с его огромным пространством вошло в эту ночь, и всякое движение мысли затихало. Ум сам был этим неизмеримым пространством, и в этой глубокой тишине не было ничего, созданного мыслью. Быть абсолютно ничем — значит быть вне измерения. Тропа круто пошла под уклон, и маленький ручеёк журчал о многом, наслаждаясь своим собственным звучанием. Ручеёк несколько раз пересекал тропу, они точно играли друг с другом. Звёзды были совсем близко, и некоторые из них смотрели вниз с вершин холмов. Огни деревни мерцали всё ещё очень далеко, и звёзды стали исчезать за высокими холмами. Будь один, без слова и мысли, лишь наблюдая и слушая. Великое безмолвие показывало, что без этого жизнь утрачивает своё глубокое значение и красоту.

Быть светочем самому себе — значит отрицать всякое переживание.[12 [нажми](#)] Тот, кто переживает, переживающий, нуждается в переживании, чтобы существовать, и независимо от того, глубоко оно или поверхностно, потребность в нём всё более возрастает. Переживание — это знание, традиция; переживающий разделяет самого себя, чтобы проводить различие между приятным и болезненным, между успокаивающим и беспокоящим. Верующий имеет переживания, которые соответствуют его вере, соответствуют его обусловленности. Эти переживания исходят от известного, ведь узнавание необходимо, без него не существует переживания. Всякое переживание оставляет след, если не завершается во время его возникновения (в то время, когда оно поднимается). Каждый ответ на вызов — это переживание,

но когда ответ исходит от известного, вызов теряет свою новизну и жизненность; тогда имеют место конфликт, беспокойство и невротическая деятельность.

Сама природа вызова толкает к сомнению, к вопросу, к обеспокоенности, к пробуждению, к пониманию. Но когда этот вызов истолкован в терминах прошлого, — настоящее игнорируется. Убеждённость относительно переживания, является отрицанием исследования, выяснения. Разумность — это свобода выяснять, исследовать «я» и «не-я», внешнее и внутреннее. Вера, идеологии и авторитет препятствуют пронизательности (прозрению), которая приходит только со свободой. Желание любого рода переживания может быть только поверхностным или чувственным, успокаивающим или приятным, так как желание, каким бы сильным оно ни было, — это предшественник мысли, а мысль есть внешнее. Мысль может создавать внутреннее, но она по-прежнему внешнее. Мысль никогда не может открыть нового, потому что она стара, она никогда не бывает свободной. Свобода — вне мысли. Вся деятельность мысли — это не любовь.

Быть светом себе — значит быть светом для всех остальных. Быть светом себе означает иметь ум, свободный от вызова и ответа, поскольку ум тогда полностью пробуждён, целиком внимателен. У этого внимания нет центра, нет того, кто внимателен, и поэтому нет границ. До тех пор пока существует центр, «я», должны быть вызов и ответ, адекватный или неадекватный, доставляющий удовольствие или приносящий страдание. Этот центр никогда не может быть светом себе; его свет — это искусственный свет мысли, в нём много теней. Сострадание — это не тень мысли, оно — свет, не твой и не кого-либо другого.

Тропа постепенно спустилась в долину; ручей струился мимо деревни, чтобы влиться в море. Но холмы оставались неизменными. Перекликались друг с другом совы. И было пространство для безмолвия.

25 октября 1973

Сидя на камне в апельсиновой роще, он видел широкую долину, простиравшуюся до самых гор и исчезающую где-то в горах. Было раннее утро, и на земле лежали длинные тени, мягкие и нежные. Перепела перекликались резко и требовательно, а тоскующий голубь ворковал тихо и нежно, и эти звуки в то утро казались грустной песней. Пересмешник, стремительно бросаясь вниз, описывал в воздухе кривые, переворачиваясь, кувыркаясь, довольный своим миром. Большой тарантул, тёмный и мохнатый, медленно выполз из-под камня, остановился, понюхал утренний воздух и неторопливо проследовал своей дорогой. Апельсиновые деревья стояли ровными длинными рядами, акр за акром, с яркими плодами и свежими цветами — плоды и цветы были одновременно на одном и том же дереве. Запах этих цветов тихо струился, а на жарком солнце он станет более интенсивным и стойким. Небо было очень голубым и нежным, а все холмы и горы всё ещё спали.

Было чудесное утро, прохладное и свежее, с той удивительной красотой, которую человек не успел ещё погубить. Появились ящерицы, они искали тёплое местечко на солнце; они вытягивались, чтобы согреть свои брюшки, повернув в сторону свои длинные хвосты. Это было счастливое утро, и мягкий свет покрыл на землю и бесконечную красоту жизни. Медитация — суть этой красоты, выраженной или безмолвной. Выраженная, она обретает форму, субстанцию; безмолвная же не должна облекаться в слово, в форму или в цвет. Выражение или действие, вышедшие из безмолвия, обладают красотой и целостностью, а всякая борьба и конфликт исчезают. Ящерицы передвинулись в тень, а колибри и пчёлы летали среди цветов.

Без страсти нет созидания, нет творчества. Полный отказ приносит эту беспредельную

страсть. Отказ, исходящий из мотива, — это одно, но отказ без цели, без расчёта — это совсем другое. Тот, что имеет цель, имеет направленность, живёт недолго, становится злым и коммерческим, вульгарным, пошлым. Но отказ, не движимый какой-либо причиной, намерением или выгодой, не имеет ни начала, ни конца. Такой отказ есть освобождение ума от «я», от собственной личности.[13 [нажми](#)] Это «я» может потерять себя в какой-то деятельности, в какой-то утешающей вере или фантастических грёзах, но такая потеря есть лишь продление себя в другой форме, отождествление себя с другой идеологией и деятельностью. Отказ от «я» не является актом воли, так как воля — это «я». Всякое движение «я» — по горизонтали или вертикали, в любом направлении — продолжает оставаться в поле времени и печали. Мысль может посвятить себя чему-то здравому или безумному, разумному или нелепому, но поскольку мысль по самой своей структуре и природе фрагментарна, она скоро сводит весь свой энтузиазм, всё своё возбуждение к удовольствию и страху. В этой сфере отказ от «я» является иллюзорным и имеет весьма мало значения. Осознание всего этого является пробуждением в отношении деятельности «я»; в этом внимании нет центра, нет «я». Стремление выразить себя путём отождествления есть следствие смятения и бессмысленности существования.

Поиск смысла — это начало фрагментирования; мысль может придавать и придаёт жизни тысячу значений, каждый изобретает свои собственные значения, и это просто мнения, убеждения, которым нет конца. В самой жизни — всё значение, но когда жизнь — конфликт, борьба, поле битвы амбиций, соревнование и преклонение перед успехом, стремление к власти и положению, тогда она не имеет никакого значения. Что такое потребность в выражении? Присутствует ли творчество в созданной вещи? Является ли вещь, созданная руками или умом, — как бы она ни была прекрасна или полезна, — тем, к чему человек стремится? Нуждается ли эта страсть отказа от себя в выражении? Когда существует потребность, непреодолимое влечение, — является ли это страстью творчества? До тех пор, пока существует разделение между тем, кто творит, и предметом творчества, не будет ни красоты, ни любви. Вы можете создать самую великолепную вещь, в красках или камне, но если ваша повседневная жизнь находится в противоречии с этим высочайшим искусством полного отказа от себя, то вещь, которую вы создали, есть просто предмет восхищения и пошлость. Сам процесс жизни — это цвет, красота и их выражение. Ни в чём ином человек не нуждается.

Тени утратили свою протяжённость, и перепела затихли. Были только камень, деревья с цветами и фруктами, красивые холмы и обильная земля.

29 октября 1973

В долине было много апельсиновых садов, но за одним особенно тщательно ухаживали — ряд за рядом стояли молодые деревья, полные силы и сверкающие на солнце. Почва была хорошая, обильно политая, удобренная и обработанная. Это прекрасное утро было спокойным и тёплым, а небо было прозрачно-голубым. Всюду в кустах суетились перепела, слышались их резкие крики; ястреб перепелятник парил в воздухе, без движения, и вскоре он опустился на ветку ближайшего апельсинового дерева и заснул. Он был так близко, что его острые когти, изумительные пятнистые перья и острый клюв были хорошо видны; протянув руку, можно было до него дотронуться. Ранним утром он летал вдоль аллеи с мимозами, и маленькие птички своими криками подавали знаки тревоги. Под кустами две королевские змеи с тёмно-коричневыми кольцами по всей длине тела свились друг с другом, и когда мимо них проходили, они совершенно не сознавали человеческого присутствия. До этого они лежали на полке в сарае,

вытянувшись, и их блестящие тёмные глаза высматривали и подстерегали мышей. Их глаза пристально глядели, не мигая, так как у них нет век. Там змеи, вероятно, находились всю ночь, а теперь они оказались среди кустов. Это была их территория, и их часто можно было тут видеть; а когда поднимали одну из них, она обвивалась вокруг руки и чувствовался холод от прикосновения. Казалось, что все эти живые существа имеют свой особый порядок, свою особую дисциплину, свои игры и своё веселье.

Материализм, утверждающий, что ничего не существует кроме материи, широко распространён и является преобладающей и устойчивой формой деятельности, характерной для всех людей, и богатых, и бедных. В мире существует большая группа стран, исповедующих материализм; структура их общества основана на этой доктрине, со всеми вытекающими из неё последствиями. Другие группы стран также материалистичны, но они допускают некоторые идеалистические принципы, когда это удобно, и отказываются от них во имя рациональности и необходимости. В меняющейся окружающей обстановке, резко или постепенно, революционно или эволюционно, поведение человека меняется в соответствии с культурой, в которой он живёт. Существует извечный конфликт между теми, кто верит, что человек есть материя, и теми, кто придерживается приоритета духа. Это разделение принесло человеку много страданий, смятений и иллюзий.

Мысль материальна, и её деятельность, внешняя или внутренняя, — материалистична. Мысль измерима, и потому она есть время. Внутри этой сферы сознание является материей. Сознание — это его содержание; содержание есть сознание; оба они неотделимы друг от друга. Содержание представляет собой то многое, что соединила мысль: прошлое, модифицирующее настоящее, которое есть будущее, которое есть время.

Время — это движение внутри сферы, которая является сознанием, широким или узким. Мысль — это память, опыт и знание, и эта память, с её образами и её тенями, есть личность, «я» и «не-я», «мы» и «они». Сущностью разделения является личность ("я"), со всеми её атрибутами и качествами. Материализм лишь придаёт силу и культивирует личность. Личность может отождествлять и отождествляет себя с государством, с идеологией, с деятельностью «не-я», религиозной или мирской, но она по-прежнему остаётся личностью. Её верования сотворены ею самой, как и её удовольствия и страхи. Мысль по самой своей природе и структуре фрагментарна, и конфликт и война происходят между различными фрагментами, национальностями, расами и идеологиями. Материалистически мыслящее человечество погубит себя, если оно полностью не откажется от личности. Отказ от личности (от "я") всегда имеет первостепенное значение. И только в результате такой революции может быть создано новое общество.

Отказ от личности — это любовь, сострадание: сострадание ко всем — к голодающим, страдающим, бездомным, а также к материалисту и верующему. Любовь — не сентиментальность, не романтизм; это нечто такое же властное и окончательное, как смерть.

С моря медленно полз туман, окутывая западные холмы, перекатываясь по их гребням подобно огромным волнам; он спускался в долину и вскоре доберётся сюда; с приближением ночной темноты станет прохладнее. Звёзд не будет, и наступит полное безмолвие. Это — подлинное безмолвие, а не безмолвие, которое взрастила мысль, в котором нет пространства.

МАЛИБУ

1 апреля 1975

Даже в эти ранние утренние часы солнце было жарким и обжигающим. Ветра не было, и ни один листок не колебался. В древнем храме было прохладно и приятно, босые ноги ощущали твёрдые каменные плиты, их очертания и неровности. Многие тысячи людей, должно быть, прошли по ним за тысячу лет. Здесь было темно после ослепительно яркого света утреннего солнца, и в коридорах в то утро было мало людей, а в узком проходе было ещё темнее. Этот проход соединялся с широким коридором, ведущим внутрь храма. Здесь был сильный запах цветов и курения благовоний в течение многих столетий. Звучали песнопения сотни браминов, только что выкупавшихся и в свежестырированных, белых набедренных повязках.

Санскрит — мощный язык, звучный и обладающий глубиной. Древние стены дрожали, почти сотрясались от звучания сотни голосов. Звучание было потрясающе величественным, и святость этих мгновений невозможно выразить словами. Не слова пробуждали эту безграничность, а глубина звучания многих тысячелетий, удерживаемая внутри этих стен, и в бесконечном пространстве за их пределами. Не смысл самих слов, не чёткость их произношения, не темная красота храма, а качество звука сокрушало стены и ограниченность человеческого ума. Пение птицы, отдалённое звучание флейты, шелест листвы от слабого ветерка — все это разрушает стены, которые люди для себя создали.

В величественных соборах и прекрасных мечетях песнопения и чтение нараспев священных книг — это тот звук, который открывает сердце для слез и красоты. Без пространства нет красоты; без пространства у вас будут только стены и измерения; без пространства нет глубины; без пространства существует лишь бедность, внутренняя и внешняя. В вашем уме так мало пространства; он так набит словами, воспоминаниями, знаниями, опытом и проблемами. В нём едва ли остаётся какое-то пространство, разве лишь для вечной болтовни мысли. И так же переполнены ваши музеи и каждая книжная полка. Тогда вы заполняете места развлечений, религиозных или иных. Или вы возводите стены вокруг себя, узкое пространство зла и боли. При отсутствии пространства, внутреннего или внешнего, вы становитесь склонным к насилию и уродливым.

Всё нуждается в пространстве, чтобы жить, играть и петь. То, что священо, не может любить без пространства. Вы не имеете пространства, когда вы удерживаете, когда есть печаль, когда вы становитесь центром вселенной. Пространство, которое вы занимаете, — это то пространство, которое мысль выстроила вокруг вас и которое представляет собой страдание и смятение. Пространство, которое измеряет мысль, — это разделение между вами и мной, нами и ими. Это разделение несёт в себе нескончаемую боль. Одинокое дерево стоит на широком зелёном просторе.

2 апреля 1975

Это не была страна деревьев, лугов, ручьёв, цветов и веселья. Это была выжженная солнцем страна песка и голых холмов, без единого деревца или куста; страна запустения, сплошь выжженной земли, миля за милей; там не было ни птицы, ни даже нефти с нефтяными вышками и факелами горящей нефти. Сознание не способно было вместить этой опустошённости, где каждый холм был бесплодной тенью. В течение многих часов мы летели над этой огромной пустотой и, наконец, показали покрытые снегом горные пики, лес и ручьи, деревни и широко раскинувшиеся города.

Вы можете обладать большими знаниями и быть совершенно бедным. И чем вы беднее, тем сильнее в вас потребность в знаниях. Вы расширяете своё сознание великим множеством знаний, накапливая опыт и воспоминания, и всё же можете оставаться крайне бедным. Искусное

применение знания может принести вам богатство, дать высокое положение и власть, но бедность может по-прежнему остаться. Эта бедность рождает бесчувственность; вы играете, в то время как дом объят пламенем. Она лишь усиливает интеллект или ослабляет эмоции, делая их сентиментальными.

Эта бедность и есть то, что ведёт к неуравновешенности, внешней и внутренней. Не существует знания внутреннего, есть только знание внешнего. Знание внешнего дает нам ошибочное представление, что должно существовать знание внутреннего. Самопознание оказывается кратким и поверхностным; ум скоро обнаруживает себя по ту сторону, как переплывающий реку. Вы поднимаете большой шум, устремляясь через реку, и принимая по ошибке шум за познание себя, лишь увеличиваете этим собственную бедность. Это расширение сознания есть проявление (деятельность) бедности. Ни религии, ни культура, ни знание никоим образом не могут обогатить эту бедность.

Искусство разумности состоит в том, чтобы поставить знание на подходящее ему место. Без знания невозможно жить в этой технической и почти механической цивилизации, но оно не преобразует человека и его общество. Знание — не превосходство разумности; разумность может пользоваться и пользуется знанием, преобразуя таким образом человека и его общество.

Разумность — это не просто культивирование интеллекта и его чистоты. Она проистекает из понимания целого сознания человека, вас, а не части, не отдельного вашего сегмента. В изучении и понимании движения вашего собственного ума и сердца — начало разумности. Вы есть содержание вашего сознания; познавая себя, вы познаёте вселенную. Это познание — за пределом слова, ведь слово — не вещь. В ежеминутной свободе от известного — суть разумности. Это та разумность, которая действует во вселенной, если вы не вмещиваетесь. Вы губите этот святой порядок незнанием себя. Это незнание не устраняется с помощью того изучения, которое другие проделали в отношении вас или самих себя. Вы сами должны изучать содержание

собственного сознания. Прделанное другими исследование себя или вас представляет собой описание, но не описываемое. Слово — не вещь.

Только в отношениях можете вы познавать себя, не абстрактно и, конечно, не изолированно. Даже пребывая в монастыре, вы состоите в отношениях с обществом, которое создало монастырь как форму бегства, или закрыло двери свободе. Движение поведения — надёжный указатель для вас; это — зеркало вашего сознания; это зеркало откроет вам его содержание, его образы, привязанности, страхи, одиночество, его радость и печаль. Бедность заключается в бегстве от этого, как в сублимациях (возвышении этого), так и в идентификациях. Отрицание без сопротивления этого содержания сознания есть красота и сострадание разумности.

3 апреля 1975

Как удивительно красив этот огромный изгиб широкой реки! Надо глядеть с некоторой высоты, не слишком высоко и не слишком низко, чтобы видеть, как она лениво извивается по зелёным лугам. Река широкая, полная воды, голубой и чистой. Мы летели на небольшой высоте, и хорошо было видно сильное течение посередине реки с его мелкой рябью; мы следовали течению реки, пролетая над городами и деревнями и устремляясь к морю. Каждый изгиб реки обладал своей особенной красотой, своей особой силой, своим движением. А где-то далеко виднелись пики высоких, покрытых снегом гор, розовые в лучах раннего утреннего солнца; горы закрывали восточный горизонт.

Широкая река и эти величественные горы в тот час, казалось, вместили в себя вечность — такое возникло поразительное ощущение пространства вне времени. Хотя самолёт стремительно двигался на юго-восток, в этом пространстве не было направления, не было движения — только то, что есть. В течение целого часа ничего больше не существовало, даже шума реактивных двигателей. Лишь когда старший пилот объявил, что скоро мы пойдём на посадку, этот столь полный час окончился. Не осталось о нём воспоминаний, не было зафиксировано его содержание, так что мысль не могла его удержать. Когда этот час истёк, не сохранилось никаких его следов, грифельная доска была снова чистой. У мысли не было способа культивировать этот час, и поэтому она готова была покинуть самолёт.

То, о чём думает мысль, превращается в реальность, но это не истина. Красота никогда не может быть выражением мысли. Птица не создана мыслью и потому она прекрасна. Любовь не создана мыслью, но когда мысль берётся её создавать, то получается нечто совершенно иное. Преклонение перед интеллектом, его полнотой и чистотой, — это реальность, созданная мыслью. Но это не сострадание. Мысль не может создать сострадание; она может превратить его в реальность, необходимость, но это не будет состраданием. Мысль по самой своей природе фрагментарна, поэтому она живёт во фрагментированном мире разделения и конфликта.

Поэтому и знание фрагментарно, и как бы много мы его ни накапливали, пласт за пластом, оно по-прежнему останется фрагментарным, раздробленным. Мысль может составить то, что называется интеграцией, но и это также будет фрагмент. Само слово «наука» означает знание, и человек надеется, что с помощью науки он превратится в человека разумного и счастливого. И потому он страстно стремится овладеть знанием обо всём на земле и о самом себе. Знание — не сострадание, а без сострадания знание приносит вред, несказанные бедствия и хаос. Знание не может заставить человека любить; оно может создать войну и средства разрушения, но не может принести любовь сердцу или покой уму. Осознавать всё это — значит действовать, но не действием, основанным на памяти или стереотипах.

Любовь — не память, не воспоминание о наслаждении.

4 апреля 1975

Случайно произошло так, что ты жил несколько месяцев в небольшом ветхом доме высоко в горах, вдали от других домов. Там росло много деревьев, а так как была весна, воздух был напоён ароматом. То было уединение среди гор и красоты красной земли. Вздымающиеся пики были покрыты снегами, а некоторые деревья стояли в цвету. Ты жил один среди этого великолепия. Поблизости был лес, в котором обитали олени, можно было встретить медведя и ещё там были большие обезьяны с чёрными мордами и длинными хвостами, и, конечно, там встречались также и змеи. В глубоком уединении, каким-то странным образом ты сроднился с ними со всеми. Ты никому и ничему не мог причинить вреда, даже белой маргаритке на тропе. В этих отношениях не существовало пространства, расстояния между тобой и ими; это не было выдуманно, не было вызвано каким-то интеллектуальным или эмоциональным убеждением, — но просто это было так. Обычно приходила стая этих больших обезьян, особенно по вечерам; некоторые из них спускались на землю, но большинство сидело на деревьях, спокойно наблюдая.

Удивительно, какими они были тихими; случайно послышатся один или два скребка, и мы снова молча наблюдаем друг за другом. Они теперь приходили каждый вечер, не слишком приближаясь, но и не сидя слишком высоко на деревьях, и мы молча сознавали присутствие друг друга. Мы уже стали добрыми друзьями, но они не хотели нарушить твоего уединения. Гуляя

однажды во второй половине дня в лесу, ты столкнулся с ними на открытом месте. Их было, наверное, более тридцати, молодых и старых, они сидели среди деревьев, окружавших поляну, абсолютно молчаливые и спокойные. К ним можно было прикоснуться, в них не было ни малейшего страха, и, сидя на земле, мы наблюдали друг за другом, пока солнце не скрылось за горными вершинами.

Если вы утратили соприкосновение с природой, вы потеряли соприкосновение с человечеством. Если у вас нет отношений с природой, то вы становитесь убийцей; вы убиваете детёнышей морских котиков, убиваете китов, дельфинов и человека либо ради наживы, ради «спорта», ради еды, либо ради знания. Тогда природа, напуганная вами, прячет свою красоту. Вы можете совершать длительные прогулки в лесах или разбивать лагерь в особенно красивых местах, но вы — убийца и потеряли их дружбу.

У вас, вероятно, ни с чем и ни с кем нет отношений; их нет у вас и с вашей женой или с вашим мужем; вы слишком заняты вашими приобретениями и потерями, вашими собственными мыслями, вашими удовольствиями и страданиями. Вы живёте в своей мрачной изоляции, и бегство из неё ведёт в ещё больший мрак. Ваш интерес сводится к краткому выживанию, бессмысленному, беспечному или неистовому. А тысячи умирают от голода или безжалостно и бессмысленно уничтожаются из-за вашей безответственности. Вы предоставляете наведение порядка в мире лживым и развращённым политикам, интеллектуалам, экспертам. Будучи лишённым целостности и чистоты, вы строите общество аморальное, бесчестное, основанное на крайнем эгоизме. А потом вы спасаетесь бегством от всего этого, за что вы один несёте ответственность, на пляжи, в леса или берёте ружьё ради "спорта".

Вы можете всё это знать, но знание не совершит в вас перемены. Когда у вас появится это ощущение целого, тогда у вас будут отношения со вселенной.

6 апреля 1975

Это не чрезвычайная голубизна Средиземного моря; у Тихого океана эфирная голубизна, особенно когда с запада дует слабый ветерок, и ты ведёшь машину на север по прибрежной дороге. Эта голубизна так нежна, ослепительна, прозрачна и полна радости. Иногда случалось увидеть пльвших к северу китов, выпускавших фонтаны, и изредка показывались огромные головы, когда они выпрыгивали из воды. Однажды их была целая стая, извергавших фонтаны воды; они, должно быть, очень сильные животные. В этот день океан был тихий и совершенно спокойный, как озеро, без единой волны, и не было этой прозрачной танцующей голубизны. Море уснуло, и ты глядел на него с изумлением.

Дом стоял над морем — прекрасный дом,[14 [нажми](#)] с тихим садом, зелёным газоном и цветами, очень просторный, полный света калифорнийского солнца. И кроликам этот дом тоже понравился; они приходили ранним утром и поздним вечером и поедали цветы, недавно посаженные анютины глазки, ноготки и другие мелкие цветущие растения. Невозможно было удержать их, хотя вокруг сада была натянута проволочная сетка, а убивать их было бы преступлением. Но кошка и сова-сипуха порядок в саду навели; чёрная кошка разгуливала по саду, а сова пряталась днём в густой листве эвкалипта; её можно было видеть, круглую и большую, сидящую неподвижно, с закрытыми глазами. Кролики исчезли, и сад пышно зацвёл, а голубой Тихий океан легко катил свои воды.

Лишь человек создаёт беспорядок в мире. Он безжалостен и чрезвычайно склонен к насилию. Где бы он ни был, он всюду приносит горе и смятение, и самому себе, и окружающему миру. Он сбрасывает отходы и разрушает, не зная сострадания. В нём самом нет порядка, и то, к

чему он прикасается, оскверняется и становится хаотичным. Его политика стала утончённым гангстеризмом власти и лжи, личной или национальной, группа против группы. Его экономика имеет ограниченный характер и поэтому не является универсальной. Его общество аморально, как свободное, так и живущее в условиях тирании. Он не религиозен, хотя верует, поклоняется и участвует в бесконечных, бессмысленных ритуалах. Почему он стал таким — жестоким, безответственным и до такой степени эгоцентричным? Почему?

Существуют сотни объяснений, а те, кто объясняет, искусно пользуясь словами, почерпнутыми из знания многих книг и экспериментов на животных, сами пойманы в сети человеческой печали, честолюбия, гордости и душевной муки. Описание не является описываемым, слово — не вещь. Не потому ли это происходит, что человек ищет внешние причины, изучает свою зависимость от внешних условий, надеясь, что внешняя перемена преобразует человека внутренне? Или это происходит потому, что человек так привязан к чувствам, подавляющим его своими безотлагательными требованиями? А может быть потому, что он живёт целиком в движении мысли и знания? Или потому, что он настолько романтичен, сентиментален, что становится безжалостным из-за своих идеалов, фантазий и претензий? Может быть потому, что он всегда оказывается ведомым, последователем, или сам становится руководителем, гуру?

Это разделение на внешнее и внутреннее — начало его конфликта и страдания; он запутался в этом противоречии, в этой извечной традиции. Запутавшись в бессмысленном разделении, он теряет себя и становится рабом других. Внешнее и внутреннее представляют собой плод воображения и изобретение мысли; а поскольку мысль фрагментарна, она творит беспорядок и конфликт, которые являются разделением.

Мысль не может принести порядок, естественное течение добродетели. Добродетель не является непрерывным повторением памяти, практикой. Мысль-знание связана временем. Мысль по самой природе и структуре не может охватить весь поток жизни как целостное движение. Мысль-знание не может прозреть в эту целостность; мысль-знание не может осознавать её без выбора, пока она остается в роли воспринимающего, в роли внешнего наблюдателя. Мысль-знание не имеет места в восприятии. Мыслящий есть мысль; воспринимающий есть воспринимаемое. Только когда это соблюдено, происходит естественное, без усилий, движение в нашей повседневной жизни.

ОХАЙ

8 апреля 1975

В этой части света не бывает много дождей, осадки составляют от 15 до 20 дюймов в год, и эти дожди встречаются с великой радостью, так как в остальное время года их не бывает. На горах лежит снег, а летом и осенью они стоят обнаженные, выжженные солнцем, каменистые и неприступные; только весной они смягчаются и становятся приветливыми. Там раньше водились медведи, олени рыси, перепела, встречались и гремучие змеи. Но теперь они исчезают; страшный человек вторгается в их владения. Недавно прошли дожди, и долина стала зелёной, апельсиновые деревья покрылись плодами и цветами.

Это прекрасная долина, тихая, вдали от деревни, и ты слышал воркование голубя. Воздух постепенно насыщался ароматом апельсиновых цветов, и за несколько тёплых безветренных дней этот аромат заполнил бы всю долину. Эту долину со всех сторон окружали холмы и горы;

за холмами было море, а за горами — пустыня. Летом бывала невыносимая жара, но здесь, вдали от сводящей с ума толпы и городов, всегда пребывала красота. А ночью приходила необычайная тишина, щедрая и всепроникающая. Культивируемая медитация — это кощунство по отношению к красоте, а каждый листочек и каждая ветка говорили о радости красоты, и высокий тёмный кипарис хранил её в своём безмолвии; её струило потоком и старое искривлённое перцовое дерево.

Вы не можете, не должны призывать радость; если вы это делаете, то радость становится удовольствием. Удовольствие — это движение мысли, и мысль не должна, никоим образом не может, культивировать радость, а если она стремится к тому, что было радостным, то это — всего лишь воспоминание, нечто мёртвое. Красота никогда не связана временем; она полностью свободна от времени, а потому и от культуры. Она существует, когда нет личности. Личность создана временем, движением мысли, известным, словом. В отказе от себя, от личности, в этом абсолютном внимании, заключена суть красоты. Освобождение от личности не является рассчитанным действием желания-воли. Воля руководит и поэтому сопротивляется, разделяет и тем самым порождает конфликт. Распад личности — не эволюция самопознания; это происходит вообще без включения фактора времени. Не существует пути или средства её прекратить. Абсолютное внутреннее не-действие есть позитивное внимание красоты.

Вы развили широкую сеть взаимосвязанных видов деятельности, в которую оказались пойманы, и ваш ум, будучи ею обусловленным, в своей внутренней деятельности действует таким же образом. Достижение становится тогда наиболее важным, и неистовство этой гонки по прежнему остается скелетом[16 [нажми](#)] личности. Потому вы и следуете вашему гуру, вашему спасителю, вашим верованиям и идеалам; вера занимает место прозрения, осознания. Нет никакой необходимости в молитве, в ритуалах, когда отсутствует «я». Вы заполняете пустые места на этом скелете знанием, образами, бессмысленной деятельностью и таким образом поддерживаете в нём видимость жизни.

В тихом спокойствии ума приходит то, что является вечной красотой, приходит незванно-непрощенно, без шума узнавания.

10 апреля 1975

В безмолвии глубокой ночи и в тишине утра, когда солнце первыми лучами прикасается к холмам, пребывает великая тайна. Эта тайна скрывается во всём живом. Если бы вы спокойно сидели под деревом, то ощутили бы эту древнюю землю с её непостижимой тайной. В тихую ночь, когда звёзды сияют ярко и кажутся близкими, вы осознали бы расширяющееся пространство и таинственный порядок всех вещей, неизмеримого и ничтожного, движения этих тёмных холмов и крика совы. В этом абсолютном безмолвии ума эта тайна расширяется без времени и пространства. Существует тайна в этих древних храмах, возведённых с бесконечной тщательностью, с вниманием, которое есть любовь. Изящные мечети и величественные соборы теряют эту призрачную таинственность, потому что в них поселились фанатизм, догма и помпезность.

Миф, скрытый в глубоких пластах ума, не является таинственным, он романтичен, традиционен и обусловлен. В скрытых тайниках ума истину оттесняют символы, слова, образы; в них нет никакой тайны, их в изобилии плодит мысль. Знание и его действие могут вызывать изумление, восхищение и заслуживать самой высокой оценки. Но тайна — нечто совсем иное. Это не опыт, чтобы его можно было опознавать, накапливать и вспоминать. Опыт — смерть для этой непередаваемой тайны; чтобы передать, требуется слово, жест, взгляд, но чтобы быть в

общении с тем, ум, всё ваше существо должны быть на том же уровне, в то же время, с той же интенсивностью, как у того, что называется таинственным. Это — любовь. С нею вся тайна вселенной открыта.

Утром на небе не было ни одного облака, солнце заливало долину, и всё было радостным, кроме человека. Он глядел на эту дивную землю и двигался дальше со своим трудом, своей печалью и своими приходящими удовольствиями. У него не было времени, чтобы видеть; он слишком был поглощён своими проблемами, своими страданиями и своей жестокостью. Он не видит дерева и поэтому не может видеть своего мучения. Когда он бывает вынужден смотреть, он то, что видит, разрывает на части, называя это анализом, убегает от этого прочь, или не желает видеть. В искусстве видеть заключено чудо преобразования, преобразования того, "что есть". То, "что должно быть" никогда не есть. В действии видения заключена огромная тайна. Оно требует тщательности, внимания, что и есть любовь.

14 апреля 1975

Огромная змея переползала широкую дорогу прямо перед тобой, она была толстая, тяжёлая и двигалась медленно; она выползла из расположенного неподалёку большого пруда. Она была почти чёрная, и падавший на неё вечерний свет придавал её коже яркий блеск. Змея ползла неторопливо, с великолепным достоинством силы. Она тебя не замечала, поскольку ты стоял спокойно, наблюдая; ты был совсем близко от неё; она была не менее пяти футов в длину, раздуваясь от проглоченной пищи. Змея переползла через холмик, а ты шёл за ней, глядя на неё сверху, на расстоянии от неё в несколько дюймов; её раздвоенный чёрный язык с быстротой высывался и втягивался внутрь; она ползла, направляясь к большой норе. Ты мог к ней прикоснуться, потому что красота её обладала странной притягательной силой.

Проходивший мимо крестьянин крикнул, чтобы ты отошёл от змеи, так как это была кобра. На следующий день крестьяне поставили на этом холмике блюдце с молоком и несколько цветков гибискуса. На этой же дороге, несколько дальше, стоял высокий куст почти без листьев, с шипами в два дюйма длиной, острыми, сероватыми, и ни одно животное не рискнуло бы прикоснуться к его сочным листьям. Растение защищало себя, и горе тому, кто отважился бы к нему прикоснуться. В этом лесу жили олени, робкие, но очень любопытные; они позволяли подойти к ним, но не слишком близко, иначе они бросались прочь и исчезали в подлеске. Один олень подпускал тебя совсем близко, если ты был один; он смотрел на тебя блестящими глазами, насторожив свои большие уши. У всех оленей были белые пятна на рыжевато-коричневой шкуре; они были робкие, ласковы, постоянно насторожены, и было очень приятно находиться среди них. Один олень по прихоти природы был совершенно белый.

Добро — не противоположность зла. Зло к нему никогда не может прикоснуться, хотя и окружает его. Зло не может повредить добру, но иногда может казаться, что добро причиняет вред, и от этого зло становится ещё более хитрым, ещё более злым. Зло может быть культивированным, широко распространённым и яростным; оно рождается внутри движения времени, выращивается и ловко используется. Но доброта не от времени; она никоим образом не может быть культивирована или вскормлена мыслью; её проявление незримо; она не имеет причины и поэтому не порождает следствия.

Зло не может стать добром, потому что добро — не продукт мысли; оно вне мысли, как и красота. То, что создаёт мысль, она может и разрушить, но это не добро; так как добро вне времени и у него нет фиксированного места. Где добро — там порядок, — не порядок авторитета, наказания и награды; такой порядок необходим, иначе общество само себя

уничтожает, а человек становится злым, кровавым, развращённым, он вырождается. Ибо человек — это общество; они неразделимы. Закон добра вечен, неизменяем и вневременен. Устойчивость, постоянство — его природа, и поэтому он абсолютно надёжен. Другой надёжности не существует.

17 апреля 1975

Пространство есть порядок. Пространство — это время, протяжённость, широта и объём. В это утро море и небеса были беспредельны; горизонт, где покрытые жёлтыми цветами холмы встречались с далеким морем, — это порядок земли и неба; он космичен. Этот кипарис, высокий, тёмный, одинокий, обладает порядком красоты; и отдалённый дом на том лесистом холме следует движению гор, возвышающихся над холмами, лежащими ниже; зелёный луг с единственной коровой пребывает вне времени. А человек, поднимающийся на холм, зажат в тесном пространстве своих проблем.

Существует пространство ничто, размеры которого не связаны временем, которое не может измерить мысль. В это пространство ум не может проникнуть; он может его лишь наблюдать. В этом наблюдении нет того, кто переживает. У этого наблюдающего нет истории, нет связи, нет мифа, и потому этот наблюдающий является тем, что есть. Знание способно расширяться, но пространства оно не имеет, потому что самим своим весом и объёмом оно искажает и душит это пространство. Не существует знания о собственном «я», высшем или низшем; существует только словесная структура «я», скелет, покрытый мыслью, окутанный покровом мысли. Мысль не может проникнуть в собственную структуру; то, что составлено ей, мысль не может отвергнуть, а когда она отвергает, то это отказ ради последующего приобретения. Когда времени «я» нет, существует пространство, не имеющее меры.

Эта мера есть движение награды и наказания, приобретения или потери, деятельность сравнения и приспособления, респектабельности или её отрицания. Это движение есть время, будущее с его надеждой и привязанностью, что есть прошлое. Всё это хитросплетение есть сама структура «я», и его единение с верховной сущностью или абсолютом остаётся всё ещё в границах его собственной сферы. Всё это — деятельность мысли. Мысль, как бы ей этого ни хотелось, никоим образом не может проникнуть в это пространство за пределами времени. Самый метод, курс обучения, практика, изобретённые мыслью, не являются ключами, которые откроют дверь, потому что не существует двери и нет ключа.

Мысль может только осознавать свою собственную беспрестанную деятельность, свою собственную способность исказить, свою собственную ложь и иллюзии. Она — наблюдающий и наблюдаемое. Её боги — это её собственные проекции, а поклонение им — это поклонение самому себе. То, что лежит за пределами мысли, за пределами известного, нельзя вообразить, нельзя сделать мифом или тайной для немногих. Оно здесь, чтобы вы увидели.

МАЛИБУ

23 апреля 1975

Широкая река была тиха, как мельничная запруда. На ней не было ни малейшей ряби; утренний ветерок ещё не пробудился, так как было очень рано. Звёзды отражались в воде, ясные

и сверкающие, и утренняя звезда была самой яркой. Деревья на противоположном берегу реки стояли тёмные, и окружённая ими деревня ещё спала. Ни один листок не колыхался, только маленькие совы с их хриплыми криками шумно перекликались на старом тамариндовом дереве; это был их дом, а когда солнце освещало ветки дерева, совы грелись в его лучах. Крикливых зелёных попугаев ещё не было слышно.

Всё живое, даже насекомые и цикады, в восторге затаив дыхание, ожидало появления солнца. Река была неподвижна, и на ней не было видно обычных маленьких лодок с тусклыми лампами. Мало-помалу над тёмными таинственными деревьями начал разгораться рассвет. Все живое было всё ещё погружено в тайну этого момента медитации. Твой собственный ум пребывал вне времени, вне измерения; не было инструмента, чтобы измерить, как долго этот момент продолжался. Но началось оживление и пробуждение, попуган и совы, вороны и скворцы, собаки и голос с противоположного берега реки. И вдруг над деревьями возникло солнце, золотое, мелькающее среди листвы. Теперь большая река пробудилась, пришла в движение; время, протяжённость, широта и объём потекли, и началась жизнь, которая никогда не кончалась.

Как чудесно было то утро, чистота света и золотая дорожка, проложенная солнцем по этим живым водам! Ты был миром, космосом, бессмертной красотой и радостью сострадания. Только тебя самого там не было; если бы ты был, всего этого не было бы. Ты вносишь начало и конец, чтобы начать снова эту нескончаемую цепь.

В становлении имеется неопределённость и неустойчивость, непостоянство. В ничто существует абсолютная устойчивость, абсолютное постоянство и, следовательно, ясность. То, что является полностью устойчивым, постоянным, никогда не умирает; в становлении же присутствует разложение. Мир направляет свои усилия на становление, достижение, приобретение, извлечение выгоды, и поэтому существует страх утраты и смерти. Ум должен пройти через эту маленькую дыру, которую он создал, через «я», чтобы войти в это необъятное ничто, устойчивость и постоянство которого мысль неспособна измерить. Мысль желает завладеть им, использовать его, культивировать и вынести на рынок. Оно должно быть сделано приятным, приемлемым и потому респектабельным, чтобы перед ним преклонялись. Мысль не может включить его в какую-либо категорию, и потому оно должно быть обманом и ловушкой; или оно должно быть для немногих, для избранных.

Таким образом, мысль движется своими собственными недобрыми путями, испытывающая страх, жестокая, самовлюблённая и никогда не устойчивая, не постоянная, хотя её тщеславие утверждает будто устойчивость, постоянство присутствует в её действиях, в её исследованиях, в знаниях, которые она накопила. Мечта становится реальностью, которую она взрастила. То, что мысль сделала реальным, не есть истина. Ничто — это не реальность, но истина. Маленькая дыра, «я», есть реальность мысли, тот скелет, на котором она построила всё свое существование, — реальность её фрагментации, страдания, печали и её любви. Реальность её богов или её единственного бога — это тщательно выстроенная структура мысли её молитва, её ритуалы, её романтическое поклонение. В реальности нет устойчивости, постоянства, нет безупречной ясности.

Знание, которым обладает «я» есть время, протяжённость, широта и объём; его можно накапливать, использовать в качестве лестницы для становления, совершенствования, достижения. Это знание ни как не способно освободить ум от бремени его собственной реальности. Вы сами — это бремя; истина заключена в видении данного факта и того, что свобода не является реальностью мысли. Видение есть действие. Это действие возникает из устойчивости и постоянства, из ясности ничто.

24 апреля 1975

Всё живое имеет свою особую, присущую ему восприимчивость, свой особый образ жизни, своё сознание, но человек считает, что его собственное гораздо выше, и потому он утрачивает свою любовь, свое достоинство и становится бесчувственным, бессердечным, разрушительным. В долине апельсиновых деревьев, усыпанных плодами и весенними цветами, настало чудесное ясное утро. Горы на севере были покрыты сверкающим снегом; они стояли голые, холодные и отчуждённые, но на фоне нежно-голубого неба раннего утра казались очень близкими, ты мог почти дотронуться до них.

В них было это безграничное ощущение древности, нерушимого величия и той красоты, которая приходит с вечным великолепием. Утро было очень тихое, и аромат апельсиновых цветов наполнял воздух, это было чудо и красота света. Свет в этой части мира обладает особым свойством: он всепроникающий, живой, наполняющий глаза; он словно проникает во все твоё сознание, выметая все тёмные уголки. В этом была огромная радость, и каждый листок, каждая травинка купались в ней. И голубая сойка прыгала с ветки на ветку, не поднимая ради разнообразия особенно громкого крика. Это было чудесное утро, полное света и глубокого чувства.

Время породило сознание с его содержанием. Сознание культивировано временем. Его содержание составляет сознание; без этого содержания нет сознания в том виде, в котором мы его знаем. Тогда ничего нет. Мы передвигаем маленькие частицы в этом сознании с одного места на другое в соответствии с давлением причины и обстоятельства, но все в той же сфере страдания, печали и знания. Это движение есть время, мысль и мера. Это бессмысленная игра в прятки с самим собой, тень и сущность мысли, прошлое и будущее мысли. Мысль не может удержать это мгновение, так как оно не от времени. Это мгновение — окончание времени; время остановилось в это мгновение. В этом мгновении нет движения, и потому у него не существует отношения с другим мгновением. Оно не имеет причины и поэтому не имеет начала и не имеет конца. Сознание не может вместить[17 [нажми](#)] его. В этом мгновении ничто существует всё.

Медитация — это освобождение сознания от его содержания.

БРОКВУД ПАРК, ПЕРВЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ ДИАЛОГ

(ДИАЛОГ С СОБОЙ)

АВГУСТ 1977

К: (Кришнамурти) Я полагаю, что у нас с вами будет дискуссия, но, боюсь, это слово означает, что мы будем пытаться найти истину путем спора, путем дебатов. А при наличии такого большого количества людей, дискуссия, боюсь, невозможна. Как и диалог, ведь диалог — это разговор между двумя дружелюбно настроенными людьми. А при таком количестве людей это невозможно. Мы также думали, что здесь передо мной могли бы разместиться десять-двенадцать человек, с ними можно было бы провести диалог, а те другие, которые хотели бы принять в нем участие, тоже могли бы присоединиться. Однако это тоже невозможно. Что же нам делать? Может провести встречу вопросов и ответов или диалог с двумя или тремя людьми, которых достаточно серьезно заботит их жизнь, окружение, их окружающая среда, политика т. п.; провести диалог с теми людьми, которые не выбраны специально, и с теми, кто хочет к ним присоединиться, не делая исключения? Итак, что мы выбираем?

У (участник): Последнее.

К: Вопросы и ответы?

У. Нет, диалог.

У. Разговор с несколькими людьми.

К: Вы хотите разговор с несколькими людьми? Тогда, кто будет выбирать этих нескольких?

Если это сделаю я или кто-то еще, вы будете считать их нашими протеже.

У. Пусть те, кто хочет, выйдут вперед и будут участниками диалога.

У. Самое простое — это вопросы и ответы.

К: Вы бы предпочли вопрос-ответ? Так встречу вопросов и ответов или диалог между двумя или тремя людьми? И вы сами выберете этих людей; не говорящий, а кто-то из вас.

У. Давайте вы будете слушать и отвечать.

К: Как вы себе это представляете?

Я предлагаю нам начать с вопросов и ответов и посмотреть, что из этого получится. А затем с помощью этих вопросов и ответов, мы найдем тех, кто действительно может вести диалог, кто может обмениваться мнениями, кто может сказать: “Подождите, я не понимаю, что вы под этим имеете в виду; давайте поговорим об этом побольше”. Ведь это обсуждение между говорящим и вами. Можем мы попробовать? Сначала — вопрос-ответ, а затем — диалог, обсуждение между двумя или тремя людьми. Сейчас посмотрим, что из этого получится.

Одну минуту, прежде чем вы зададите ваши вопросы, пожалуйста, мы задаем вопросы, касающиеся нашей жизни, нашей повседневной жизни. Как вызвать, или, пожалуй, возможно ли вызвать радикальную трансформацию в нашем повседневном существовании, в нашем сознании, радикальное изменение всего нашего способа мышления, того, как мы смотрим, наблюдаем, действуем. Это то, что волнует нас. И если вы будете задавать гипотетические или теоретические вопросы, то, боюсь, я не отвечу. Это очень просто и ясно. Пожалуйста, задавайте вопросы, непосредственно заботящие вас, так как вы — это остальное человечество; и если с помощью этих вопросов вы хотите понять, как разрешить ваши проблемы, как увидеть жизнь с совершенно другой стороны, тогда это имеет смысл. Но если вы обсуждаете, спрашиваете о том, что не является актуальным, фактическим, а теоретическим, тогда, боюсь, я не смогу ответить.

У. Я вижу, что общим среди всех нас является время. И я не могу этого видеть, не могу слышать, но я полагаю, что что-то существует. Вы можете сказать нам, что это такое?

К: В чем вопрос, сэр?

У. В том, что у всех людей есть нечто общее, что это?

К: На протяжении этих бесед и в прошлом мы уже объяснили, что повсюду в мире люди пойманы в ловушку печали, страдания, запутанности, неуверенности, беспорядка и т. д. и т. п. Это является общим для всех человеческих существ, живущих на этой несчастной земле.

У. Считаете ли вы, что психологический страх, жадность и насилие в каждом из нас являются прямой трансформацией физического насилия ради получения выгоды и добывания пищи? Другими словами, убийство животных — это причина нашего страдания?

К: Я не понял. Убийство животных...

У. ...для пищи и получения выгоды.

К: В чем вопрос, сэр?

У. Не думаете ли вы, что психологический страх, жадность и насилие в каждом из нас — это прямая трансформация многовекового физического насилия.

К: О, я понимаю. Биологи и другие говорят, что человек эволюционировал от животного и т. д. Животным свойственно насилие, следовательно мы это насилие унаследовали.

У. Именно так.

К: Нас действительно это волнует? Действительно ли это проблема, которая глубоко и серьезно занимает нас в повседневной жизни; имеется ли стремление быть свободным от этого? Подождите минуту, сэр, это то, о чем я спрашиваю. Если это так, то давайте поговорим об этом. Однако если вы скажете, что теоретически вы бы хотели быть свободны от этого, но все равно по-прежнему будете убивать животных, тогда это не имеет смысла.

Итак, что такое насилие? Как оно возникает? Ведь существует не только физическое насилие: бить друг друга, бросать друг в друга бомбы, убивать друг друга, но также другие разнообразные формы насилия. Психологический конфликт между людьми является насилием. Это форма насилия, несомненно. Другая форма насилия — когда мы подражаем, когда мы приспособливаемся, когда мы следуем; все это — признаки, похожие на гнев и т. п. — это форма насилия. Верно? Итак, когда мы говорим о насилии, мы говорим не только о психологических факторах насилия, но так же и о физических действиях: избиении друг друга, бросании друг в друга бомб и т. д. и т. п. Террористы, тоталитарные государства, угнетающие людей, — все это формы насилия. Верно?

Теперь, возможно ли быть психологически свободным от насилия? Давайте начнем с психологического, не с физического. Мы говорим, что это возможно. Это возможно лишь тогда, когда вы можете столкнуться с ним лицом к лицу и заняться им, не так ли, а не тогда когда у вас имеются теории, идеалы ненасилия и все остальное. Верно? Это — бегство от факта. Я хочу быть свободным от насилия, следовательно, должно быть осознание всех факторов насилия и наблюдение за ними; не бегство от них, не слова “я должен изменить их”, “я должен быть ненасильственным”. В попытке стать ненасильственным вы находитесь в конфликте. Верно? Вследствие того, что вы насильственны и хотите стать ненасильственным, вы делаете усилие, а само это усилие есть форма насилия. Мы можем продолжать отсюда?

Итак, возможно ли быть свободным от насилия и посмотреть на целостную проблему, эту сложную проблему насилия, психологически? Что означает, не подражаем ли мы, не пытаемся ли соответствовать, не приспособливаемся ли мы к тому образцу, который мы сами или другие установили для нас? Все это симптомы насилия, подобные гневу, ненависти, ревности. Теперь, можем ли мы оставаться с этим фактором насилия и без выбора осознавать всю структуру насилия? Вы сделаете это? Вы делаете это сейчас? Вы, сэр, задающий вопросы, делаете это? А спрашивающий, тот, кто задал этот вопрос, делает ли он это? Или это лишь теория о насилии? Когда имеется разделение между человеком и человеком, между женщиной и мужчиной, и т. д., то должен быть конфликт, который есть форма насилия.

Национализм и т. п. — это формы насилия. Это очевидно. Когда существуют два различных догматических верования, каждое из которых пытается переделать другое, противостоять другому — это форма насилия. Итак, осознаем ли мы этот фактор в нашей жизни? А когда вы начнете осознавать это, что вы будете делать? Вы что, скажите: “Да, я осознаю это”, — и будете продолжать насилие? Таким образом это становится очень серьезным делом. Если человек действительно собирается быть свободным от насилия, он должен смотреть на него, жить с ним, понимать его, погрузиться в него и увидеть все многообразие его форм, близко познакомиться с ним, а когда вы близко познакомились с чем-то, это расцветает и увядает; вам не нужно бороться с этим.

У. Вы имеете в виду, что нам нужно стать насильственными, чтобы понять его?

К: Мы не имеем в виду, что вы становитесь насильственными, вы являетесь насильственными!

У. Что вы имеете в виду, говоря о цветении?

К: Сэр, посмотрите, я склонен к насилию. Я наблюдаю за ним. Так как я не убегаю от него, не пода в ляю его, не трансформирую его во что-либо еще, как, например, в ненасилие, что

является абсурдным: трансформация насилия в ненасилие — это глупость, это бессмысленно. Итак, поскольку я склонен к нас и лию, я позволяю ему выйти наружу, но не в действии. Пусть оно расцветает, пусть оно растет, и по мере того, как я наблюдаю за ним, оно растет и умирает. Вы не делали этого? То есть, сэр, когда вы в гневе, в сам момент гнева вы не осознаете, вы целиком наполнены им. Затем, секундой позже, вы говорите: “Я был зол”. Правильно? То есть вы разделили себя на не находящегося в гневе и на то, что вы были в гневе.

То есть существует разделение между наблюдателем, который говорит: “Я был в гневе, а я не должен злиться”. Верно? Итак, это разделение приносит конфликт, говоря: “Я не должен злиться; как мне избавиться от моего гнева?” — и т. д. и т. п. Однако если вы осознаете гнев в тот момент, когда он поднимается, и дадите ему выйти наружу не на словах, не в действиях, не говоря: “Я сейчас ударю тебя”; дадите ему расцвести, дадите ему выйти наружу, то вы увидите, что он очень быстро исчезает и увядает. И если вы сделаете это правильно, то вы никогда не будете в гневе снова, с ним покончено.

У. Можно ли сделать то же самое со страхом?

К: То же самое и со страхом.

У. Сэр, когда вы сказали что необходимо видеть целостность себя, я обнаружил, что это очень сложно, ведь я могу видеть лишь то, что появляется в настоящий момент. Является ли это целостностью себя? Является ли это всеми чувствами, целым ментального сознания?

К: Сэр, теперь давайте углубимся в это. Возможно ли полностью осознавать все содержание своего сознания? Вопрос в этом, не так ли? Я неправильно понял вопрос?

У. В одном моменте.

К: Я вернусь к этому. Во-первых, я спрашиваю, правильно ли я выражаю то, о чем меня спросили? Меня спросили, является ли возможным увидеть все содержание сознания одним взглядом и полностью осознавать всю эту вещь? Возможно ли это, если вы все время жили неполной жизнью? Верно? Ваш взгляд на жизнь неполон (частичен). Вы — бизнесмен, вы — врач, вы — политик, вы — ученый, вы — артист, вы — писатель, вы — рабочий, женщина и т. п. Все это отдельные части, не так ли?

И вся наша обусловленность состоит в том, чтобы воспринимать жизнь частями. Верно? Вы следите за этим? Частями. Поэтому наша обусловленность будет мешать видению целостности, мешать одномоментному видению целого сознания. Поэтому нас должно заботить не то, как наблюдать целостность сознания, а то, почему ум или мозг наблюдает частями? Почему мозг не способен воспринимать происходящее целиком? Верно? Почему?

У. Что вы понимаете под наблюдением частями?

К: Разве мы не живем подобным образом? Когда я в офисе, я жесток, амбициозен, мне нужен успех, я безжалостен. А когда я прихожу домой, я говорю: “Дорогая, как ты?”

У. Это кажется почти необязательным, поскольку общество, кажется, требует, чтобы мы становились все более специализированными.

К: Да, общество требует, чтобы мы становились все более специализированными, что есть фрагментация. Общество требует это, потому что им нужно больше инженеров и т. д. Но мы спрашивает, почему мозг фрагментарно функционирует психологически? Как мы уже говорили, он тысячелетиями обуславливался таким образом. Теперь вопрос в том, возможно ли быть свободным от этой обусловленности?

Не в том, как смотреть на целостность, а в том, как быть свободным от обусловленности националиста, араба, еврея, специалиста, доктора и т. п.? Рассматривать жизнь как целое. Потому что во фрагментах есть безопасность; во фрагментации, как физиологически так и

психологически, это очевидно, не так ли? Нет? Я специализируюсь в том, чтобы стать гуру, и обнаруживаю, что в этой специализации есть высокая безопасность, как физически, так и психологически. Я специализируюсь как доктор, как инженер, как бизнесмен, как священник, как продавец, как кто угодно, и в этой фрагментации жизни, в этих фрагментах имеется высокая безопасность. А мозг и вся структура мозга требует безопасности.

И он находит безопасность во фрагменте. Теперь, есть ли безопасность во фрагменте? Пожалуйста, следуйте за этим. Существует ли безопасность в разделении — на индуиста, мусульманина, на христианина, на араба, на еврея или в какой-то специализированной карьере? Существует ли безопасность? Вам нужно ответить самим. Я ответить не могу. Если безопасности нет, то обнаружить, что безопасности нет — это начало разумности, не так ли? Я говорю, что есть безопасность в том, чтобы быть, к примеру, коммунистом или католиком, ведь если я живу в католической стране, то я чувствую себя защищенным. Психологически я в это верю, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В этой вере, в этой обусловленности имеется безопасность. Так же, если я коммунист, то я верю в определенные общественные теории, в силу государства и т. д. и т. п., в контроль; и в этой вере имеется высокая безопасность.

Итак, человеку следует разобраться, имеется ли безопасность в разделении. Верно? Каким бы выгодным, каким бы приятным, каким бы удобным оно не было, но есть ли безопасность в разделении, которое есть фрагментация? Очевидно, что нет. Теперь, понимание того, что во фрагментации отсутствует безопасность — это начало разумности. Только тот, кто неразумен, принимает это разделение и живет в этом разделении. Верно?

У. Сэр, если мы серьезные люди, то может ли это умение, о котором вы говорите...

К: О, подождите. Мы, кажется, еще не закончили разбираться с этим вопросом? Это очень сложный вопрос, а не просто каких-то пара минут. Мы живем фрагментарной жизнью. Сущностью фрагментации является “я”. Верно? “Я” и “ты”, “мы” и “они”. Это сущность фрагментации. И мы так живем, мы так образованы, мы обусловлены подобным образом, вследствие потрясающей идеи или иллюзии того, что в этом есть безопасность. Теперь, для того, чтобы освободиться от этого, требуется много наблюдать, живя с представлением о том, что я действительно функционирую во фрагментации и что там, где есть фрагментация, должен быть конфликт и, следовательно, значительность, придаваемая “я”. Это все.

Итак, можете ли вы, может ли человек быть свободным от фрагментарности повседневного существования?

У. Сер, кажется, что во фрагментации нет безопасности, кажется, что она продолжается по привычке.

К: Это и есть привычка. Теперь, хорошо сэр. Не важно, привычка ли это. Пусть это привычка, так можете ли вы быть свободным от этой привычки, привычки быть обусловленным? Ведь иначе мы живем в постоянной борьбе друг с другом; как близки бы мы друг другу не были, мужем и женой или кем-то еще, должен существовать постоянный конфликт. Поэтому распадается так много семей, вам все это известно.

Итак, мы говорим, что наблюдать целостность сознания возможно лишь при отсутствии фрагментарного существования, тогда возможно увидеть все сразу. Мы все настолько привыкли к анализу, являющемуся продолжением фрагментации.

У. Сэр, не означает ли это, что целостность сознания — ничто?

К: Во-первых, целостность сознания — это его содержание, не так ли? Его содержание составляет сознание — гнев, ненависть, ревность, те бесконечные обиды, которые у нас имеются, национальности, верования, заключения, надежды; все это наше сознание. Возможно ли осознавать все это, не кусочек за кусочком, а в целом? А потом выйти за пределы этого, что означает быть свободным от этого содержания и увидеть, что произойдет. Но ни кто не хочет

попробовать это!

У. Это кажется невозможным.

У. Не сказали бы вы, что попытка сделать это без сострадания, не имеет реального смысла в преобразовании человечества?

К: Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду.

У. Хорошо, тогда я попытаюсь прояснить это, если смогу. В субботу вы говорили о трех вещах: сострадании, ясности и умении. Вы очень ясно показали нам как умение действовать проистекает из ясности, а сострадание проистекает из...

К: Да, да, сэр.

У. Теперь, как нам обрести сострадание, если у нас нет сострадания? Если то, что привело нас сюда — не сострадание, то зачем мы здесь находимся? Мой вопрос к вам в том, что если мы обладаем таким сознанием, о котором вы сейчас говорили, если нет сострадания, то в чем тогда смысл?

К: Если нет сострадания?

У. Если в человеке нет сострадания?

К: Совершенно правильно, сэр. Смысла нет.

У. Это самое главное; то, что в человеке нет сострадания.

К: Совершенно правильно. В человеке нет сострадания. Почему?

У. В этом и вопрос.

К: Нет, углубитесь в это, сэр. Почему вы или я, или кто-то другой, будучи человеком, который является сущностью всего человечества, правильно сэр? Психологически он является сущностью всего человечества, поэтому, когда вы осознаете себя, вы представляете все человечество. И ни у вас, ни у другого нет сострадания. Почему?

У. Одной из проблем является ощущение того, что наши проблемы — это наши личные проблемы.

К: Наши проблемы не являются личными, они универсальны.

У. Одним из факторов, препятствующих состраданию, является ощущение того, что это моя проблема.

К: Нет, мы пытаемся разобраться, почему люди, которые настолько сильно развились технологически, почему они не обрели такого простого, настолько разумного фактора, почему они не обрели сострадания? Почему?

У. Возможно, они слишком заняты.

К: Нет, не отвечайте. Разберитесь, почему вы, являясь человеческим существом, живущим на земле, где всем человеческим существам предназначено жить счастливо, почему у вас нет сострадания? У вас, а не у кого-то другого.

У. Сэр, я слишком испугана.

К: Мадам, вы слишком быстро отвечаете, вы не вникли в это.

У. Потому что я жаден, потому что я хочу слишком много.

У. У вас будет сострадание, когда вы увидите, что вы...

К: Вы даже не исследовали, вы даже пары секунд не посмотрели на себя и не задали себе вопрос: “Почему у вас нет сострадания?”. А уже отвечаете, бросаетесь словами. Возможно это ваша защита. Почему у вас, со всем вашим опытом, со всем вашим знанием, со всей, стоящей за вами, цивилизацией, продуктом которой вы являетесь, почему у вас в вашей повседневной жизни оно отсутствует?

У. Может из-за самосохранения?

К: Вопрос ли это самосохранения? Для того чтобы понять, почему у вас этого нет, почему это отсутствует в человеческом сердце, разуме и взгляде, почему бы вам не спросить: “Любите

ли вы кого-либо?”

У. Это неприятный вопрос, я имею в виду для меня. Я вообще не знаю, что такое любовь.

К: Пожалуйста, сэр, я спрашиваю вас. Я очень уважительно спрашиваю вас, любите ли вы кого-то или нет? Вы можете любить вашу собаку, но эта собака — ваш раб. Кроме животных, зданий, книг и любви к своей земле, любите ли вы кого-то? Не нужно ничего спрашивать в ответ. Хорошо?

У. (неразборчиво)

К: Просто слушайте, сэр. Выясните! Ничего не прося у того, кого вы любите, совершенно не завися от него. Ведь если вы зависите, то появляются страх, ревность, тревога, ненависть, гнев. А если вы к кому-то привязаны — это любовь? Выясните! И если все это не любовь — я этого не говорю, я лишь спрашиваю, — если все это не любовь, то тогда как у вас может быть сострадание? Мы спрашиваем о чем-то намного большем, чем любовь. А у нас нет даже обычной любви, просто любви к другому человеку.

Итак, что же нам делать? Мы можем продолжать дискутировать, отвечать на этот вопрос бесчисленное количество раз, но если вы, тот, кто слушает, не слушаете, не вникаете, не исследуете, тогда становится совершенно бессмысленным вести диалог или дискуссию, или встречу вопросов и ответов, когда вы активно не участвуете в исследовании.

У. Как нам выяснить, что такое любовь?

К: Я не хочу выяснять, что такое любовь. Все чего я хочу — это устранить то, что не является любовью, хочу быть свободным от ревности, от привязанности.

У. Это означает, что у вас не должно быть фрагментации.

К: Сэр, это лишь теория. Видите, мы опять вернулись к теории. Выясните — любите ли вы кого-то.

У. (неразборчиво)

К: Вы не слушали, мадам, вы не слушали, что говорил выступающий. Как вы можете любить, если вы заботитесь о себе? Верно? Ваши проблемы, ваши амбиции, ваше желание успеха, ваше желание всего остального. Вы второй, а кто-то первый, или кто-то первый, а вы второй. Это то же самое.

У. Я хотела спросить: “Возможно ли смотреть на чувство, не вовлекая в это мысль?”

К: Мы еще не закончили с этим вопросом, мадам.

Теперь, видите, мы задали так много вопросов; сейчас, как нам провести диалог об этом между двумя людьми, вы понимаете? Двое или трое, вы можете сесть здесь рядом, все вы можете сесть на этой платформе рядом со мной, если вы хотите, чтобы у нас было обсуждение, был диалог. Можем мы сейчас сделать это? Двое из вас или шестеро, сядут здесь вместе и скажут: “Послушайте, давайте углубимся в это. Я не на словах понимаю то, что любовь не может существовать, когда есть привязанность. Тогда, возможно ли мне быть свободным от привязанности?” Это — диалог. Тогда, можно у меня будет диалог с самим собой, а вы будете слушать?

У. С момента зачатия, до момента, когда людей вскармливают, обучают, люди эгоистичны, они никогда не учатся отдавать. С материнского чрева до появления в этом мире...

К: Мы говорим, сэр, что у меня будет разговор с собой, диалог с собой.

Слушая это, я осознаю, что я не люблю. Это факт. Я не собираюсь обманывать себя; я не собираюсь притворяться перед моей женой, что я люблю ее, или перед этой женщиной, или перед этой девочкой, или мальчиком. Прежде всего, я не знаю, что такое любовь. Но я знаю, что я ревнив, и знаю, что я ужасно привязан к ней, и что в этой привязанности есть страх, там есть ревность, тревога, там есть чувство зависимости. Я не хочу зависеть, но я зависим, потому что я одинок; мной помыкают в офисе, на фабрике, и я прихожу домой и хочу чувствовать покой и

дружеское общение, хочу убежать от себя. Итак, я зависим, привязан к этому человеку. Теперь я спрашиваю себя: “Как мне быть свободным от этой привязанности?” Я не знаю, что такое любовь; я не буду притворяться — любовь к Богу, любовь к Иисусу, любовь к Кришне; я выброшу все это прочь. Итак, я спрашиваю: “Как мне быть свободным от этой привязанности?” Я спрашиваю это лишь для примера.

Во-первых, я не буду убежать от этого. Верно? Я не знаю, чем это закончится с моей женой. Когда я буду действительно независим от нее, мое отношение к ней может измениться. Она может остаться привязанной ко мне, а я могу перестать быть привязанным к ней или к какой-либо другой женщине. Пожалуйста, вы понимаете? Это не значит, что я хочу быть непривязанным к ней и уйти к другой женщине. Это глупо. У меня диалог с собой. Итак, что мне делать? Я не буду убежать от последствий полной свободы от привязанности. Я собираюсь исследовать. Я не знаю, что такое любовь, но я очень ясно, отчетливо, без всяких сомнений вижу, что привязанность к этому человеку означает ревность, чувство обладания, страх, тревогу и все остальное. Поэтому я спрашиваю себя: “Как мне быть свободным от этой привязанности?” Мне нужен не метод, а свобода от этого. Я не знаю. Я действительно не знаю.

Итак, я начинаю разбираться. Тогда я оказываюсь захваченным какой-то системой. Вы понимаете? Я оказываюсь пойманным каким-то гуру, который говорит: “Я помогу тебе стать непривязанным, делай это, это, это. Практикуй это, это”. Я принимаю то, что говорит этот глупый человек, потому что вижу важность того, чтобы быть свободным; а он обещает мне, что если я буду делать то, что он говорит, то я буду вознагражден. Вы понимаете? Я ищу вознаграждения. Тогда я говорю себе, как же я глуп. Я хочу быть свободным, а становлюсь привязанным к награде. Господи! Наконец-то! Думаю, лучше всегда разговаривать с собой!

Итак, я представляю все остальное человечество — я действительно это имею в виду, — поэтому во время диалога с собой я плачу. Вы понимаете? Я не улыбаюсь как вы. Это страсть для меня.

Итак, я не хочу быть привязанным и, тем не менее, обнаруживаю, что становлюсь привязанным к идее. Вы понимаете? То есть я должен быть свободным, а кто-то или какая-то книга, или какая-то идея, что-то говорит: “Делай это, и ты получишь то”. То есть вознаграждение становится моей привязанностью. Вы следите за мной?

Поэтому я говорю: “Посмотри на то, что ты наделал, будь осторожен, не попадай в эту ловушку”. Женщина ли это, способ или идея, это по-прежнему привязанность. Итак, теперь я внимателен. Я уже научился чему-то. То есть замена на что-то другое — это по-прежнему привязанность. Верно? Итак, я очень бдителен. Затем я спрашиваю себя: “Существует ли способ? Что мне делать для того, чтобы быть свободным от привязанности?” Каков мой мотив. Почему я хочу быть свободным от привязанности? Потому что она приносит боль? Потому что мне хочется достичь такого состояния, в котором нет привязанности, нет страха и т. п. Каков мой мотив? Пожалуйста, следите за мной, ведь я представляю вас. Каков мой мотив в желании быть свободным? И я внезапно осознаю, что этот мотив задает направление. Верно?

И это направление будет командовать моей свободой. Вы улавливаете это? Итак, зачем мне иметь мотив? Что есть мотив? Мотив — это движение, надежда или желание чего-то достичь. То есть мотив — это моя привязанность. Мне интересно, следите ли вы за всем этим это? Пожалуйста, делайте это по ходу нашего разговора. Мотив становится моей привязанностью; не только моя жена, не только моя идея, метод, но и мой мотив. Он должен у меня быть. Итак, я постоянно функционирую в поле привязанности. Верно. Женщина, будущее и мотив. Я привязан ко всему этому. Я вижу, что это ужасно сложная вещь; я не признавал, что быть свободным от привязанности будет означать все это. Верно?

Теперь, я вижу это так же ясно, как вижу на карте главные дороги, дороги второстепенные, деревни; я вижу это очень ясно. Тогда я говорю себе: “Теперь, возможно ли быть свободным от этой огромной привязанности к своей жене, а так же к вознаграждению, которое я думаю, что получу, и от моего мотива?” Я привязан ко всему этому Почему? Не потому ли, что я не являюсь самодостаточным? Не потому ли, что я очень, очень одинок и поэтому ищу, как убежать от этого необычайного чувства изоляции и поэтому цепляюсь за что-то: за женщину, идею, мотив.

Держусь за что-то. Я вижу, что это так, что я одинок и через привязанность к чему-то убегаю от этого чувства исключительной изоляции. Верно? Итак, привязанность меня совершенно не интересует. Меня интересует, почему я одинок, так как я вижу, что это то, что делает меня привязанным. Вы понимаете? Вы следуете за мной, за моим диалогом с собой? Я одинок, и это одиночество через привязанность заставляет меня убежать к этому или к тому, и я вижу, что пока я одинок, это последовательность всегда будет таковой. Итак, я должен исследовать, почему я одинок? Что это означает? Верно? Что это означает — быть одиноким? Как это приходит? Что это — инстинкт, нечто унаследованное или вызванное моей повседневной деятельностью? Вы понимаете? Я вникаю в это. Я веду диалог с собой.

Если это инстинкт, если это что-то унаследованное — в чем я сомневаюсь, так как не принимаю ничего, — то это часть моей судьбы; в этом некого винить. Но так как я не принимаю ничего из этого, то я задаю вопрос: “Почему существует это одиночество?” Теперь, я задаю вопрос и остаюсь с вопросом, не пытаюсь отыскать ответ. Мне интересно, вы понимаете это? Кто-нибудь следит за этим? Я спросил себя, в чем корень этого одиночества, и я пристально наблюдаю, я не пытаюсь отыскать разумный ответ. Я не пытаюсь сказать этому одиночеству, что ему следует делать или чем оно является. Я пристально слежу за ним для того, чтобы оно сказало мне.

Мне интересно, вы понимаете это? Мы куда-нибудь идем вместе?

Для того, чтобы одиночество раскрыло себя, нужна бдительность. Оно не раскроет себя, если я убегаю прочь, если я испуган, если я сопротивляюсь ему. Итак, я внимательно наблюдаю за ним. Я внимательно наблюдаю так, что не вмещивается не одной мысли. Внимательное наблюдение намного более важно, чем вторжение мысли. И в связи с тем, что вся моя энергия вовлечена в наблюдение за этим одиночеством, мысли не возникает вообще. Вы следите? Так как уму брошен вызов, он должен ответить. Если вам брошен вызов, то вы в состоянии кризиса. А в состоянии кризиса у вас имеется вся энергия, и эта энергия сохраняется без вмешательства. Мне интересно, вы следуете за этим? Ведь это — вызов, на который необходимо ответить.

У. Как нам удержать эту энергию? Как мы можем что-то сделать с ней?

К: Она уже пришла. Вы все упустили.

Смотрите, я начал с диалога с самим собой. Я спросил себя, что это за странная вещь, которая зовется любовью? Все говорят о ней, о ней пишут — все эти романтические стихи, картины, секс и многое другое, относящееся к ней. Я спрашиваю: “Есть ли у меня любовь?” Существует ли такая вещь как любовь? Я вижу, что ее нет, когда есть ревность, ненависть, страх. Итак, любовь больше не волнует меня; меня заботит то, что есть: мой страх, моя привязанность. Почему я привязан? Я вижу, что одной из причин — я не говорю, что это единственная причина — является то, что я отчаянно одинок, изолирован.

Чем старше я становлюсь, тем более я изолирован. Итак, я внимательно наблюдаю за этим. Это вызов — разобраться в этом; а так как это вызов, то вся моя энергия, отзывается на него. Это просто, не так ли? Когда в семье кто-то умирает — это вызов. Если произошла какая-то катастрофа, авария или нечто подобное, то это вызов, и у вас есть энергия для того, чтобы встретить его. Вы не спрашиваете: “Где мне взять эту энергию”. Когда дом в огне, у меня есть энергия чтобы действовать, необычайная энергия. Я не откидываюсь не спинку стула и не

говорю, что я должен собрать эту энергию, и после жду; за это время сторит весь дом.

Итак, для ответа на вопрос: “Почему существует это одиночество?”, — есть потрясающая энергия. Я отверг идеи, предположения и теории, которые унаследовал, то, что инстинктивно. Все это не значит для меня ничего. Одиночество — это “то, что есть”. Итак, почему я одинок? Не я, а почему существует это одиночество, через которое поверхностно или крайне остро проходит каждый человек, если он вообще осознает. Почему это происходит? Почему оно входит в наше существование? Не ум ли делает что-то такое, что вызывает его? Вы понимаете? Так как я отверг теории, инстинкт и наследование, отверг все это, то я спрашиваю: “Это ум вызывает его?” Вы понимаете мой вопрос или вы уже устали?

Ум делает это? Одиночество означает полную изоляцию. Верно? Поэтому я спрашиваю: “Это ум, мозг делает это?” Ум частично является движением мысли; не мысль ли делает это? Вы следите за всем этим? В моей повседневной жизни, не он ли создает, вызывает это чувство изоляции? Вы понимаете? В офисе я обособляюсь потому, что хочу стать кем-то большим, самым старшим начальником, папой римским или кардиналом; вам это известно. Поэтому ум постоянно работает, обособляя (изолируя) себя. Вы внимательно следите за этим? Вы понимаете сэр?

У. Я думаю, что он изолирует себя вследствие того, что он переполнен.

К: Да.

У. В качестве реакции.

К: Да, это так, сэр, это так. Я хочу углубиться в это. Итак, я вижу, что мысль, ум постоянно работает для того, чтобы сделаться превосходящим, быть чем-то большим, работает для этой изоляции, в направлении этой изоляции. Верно? Ясно?

Итак, тогда вопрос в том, почему мысль делает это? В природе ли это мысли — работать для себя? В природе ли мысли создавать эту изоляцию? Общество ли приносит эту изоляцию? Образование ли приносит эту изоляцию? Верно? Образование приносит эту изоляцию; оно помогает мне сделать определенную карьеру, дает определенную специализацию и, таким образом, изоляцию. Мысль, будучи фрагментарной, будучи ограниченной и связанной временем, создает эту изоляцию. Вы следите? Итак, мысль является фрагментарной; ведь я уже обнаружил это, я уже обнаружил, что мысль — это ответ прошлого в форме знания, опыта и памяти, то есть мысль ограничена. Верно? Мысль связана временем. Итак, мысль делает это. Поэтому меня заботит то, почему мысль делает это? Это что, заложено в самой ее природе?

Я пришел сюда для обсуждения — подождите, сэр, — я пришел сюда для обсуждения, для диалога. Теперь у меня диалог с собой. Очень плохо! Я буду продолжать, потому что посмотрите, что привело меня к этому лидерству.

У. Это уже в четвертый раз. Я встаю, чтобы сказать что-то, а вы говорите, что у вас диалог с собой. Это глупо.

К: Но, сэр, скажите мне, пожалуйста, сэр, у вас со мной диалог?

У. Ну, я говорю что-то, что, как мне кажется, имеет отношение к тому, что говорите вы.

К: У вас со мной диалог?

У. Я не знаю.

К: Пожалуйста, сэр, мы сказали, что диалог означает беседу между двумя людьми. Мы разговариваем об одном и том же?

У. Мы не можем этого сказать, ведь каждый раз, когда у меня есть что сказать...

К: Я спрашиваю вас, сэр, не других, я спрашиваю вас: “Ведем ли мы вместе диалог об этом?” То есть о том, почему мысль создает эту изоляцию, если, конечно, она это делает.

У. Мне хочется этого. Потому что я думаю, что мы вернулись к началу, когда вы говорили о том, что такое любовь. Если есть моральное обязательство любить человека любой ценой, то это

искусственность. А в этой искусственной любви никто не показывает своих истинных чувств, люди маскируют свою склонность к насилию вежливостью, которую называют любовью. Следовательно то, что действительно у них внутри, всё время остается скрытым, и поэтому мысль должна быть лживой, должна вести к изоляции, потому что никто не знает истинных чувств других, ведь все притворяются.

К: Вы обдумали это, сэр. Мы дойдем до того момента, когда мы не претворяемся. Я не знаю, что такое любовь. В этом диалоге мы сказали, что не знаем, что такое любовь. Я знаю, что когда мы используем слово “любовь”, в этом есть определенное притворство, лицемерие, одевание определенной маски. Мы уже прошли сквозь все это. В начале этого диалога мы уже углублялись в это. Итак, теперь мы дошли до точки, почему мысль, будучи фрагментом, почему она приносит эту изоляцию, если это она делает это. В моем диалоге с собой я обнаружил, что она делает это, потому что мысль ограничена, мысль связана временем, следовательно все, чтобы она не делала, должно быть ограничено. И в этой ограниченности она нашла безопасность. Он нашла безопасность, говоря: “В моей жизни есть особая карьера”. Она нашла безопасность, говоря: “Я профессор. Поэтому я великолепно защищен. Через семь лет...” И так до конца вашей жизни. И этом — огромная безопасность, как психологически, так и фактически.

Итак, мысль делает это. Теперь вопрос в том, может ли мысль сознавать, что все, чтобы она не делала, является ограниченным, фрагментарным и, следовательно, обособляющим (ведущим к изоляции), и что все, чтобы она не делала, будет таковым? Следовательно, может ли мысль — пожалуйста, у меня диалог, это очень важный момент, — может ли сама мысль осознать свои собственные ограничения? Или мысль говорит себе, что она ограничена?

Вы понимаете разницу? Вы что спите? Мысль является мной; говорю ли я, что мысль ограничена, и поэтому она говорит: “Я ограничена.”? Или сама мысль сознает, что она ограничена? Это две совершенно различные вещи. Одна является навязыванием, и, следовательно, конфликтом; тогда как если сама мысль говорит, что она ограничена, то она не будет уходить от этой ограниченности. Пожалуйста, это очень важно понять, потому что в этом сама сущность вопроса. Мы навязываем мысли, что ей следует делать. Мысль создала “мы”, “я”, и мысль, и “я” отделило себя от мысли и говорит: “Я буду руководить, скажи мне, что мысль должна делать”. Но если мысль сама осознает, что она ограничена, тогда нет сопротивления, нет конфликта; она говорит: “Я такая. Я испорчена”.

Итак, в моем диалоге с собой я спрашиваю: “Сама мысль сознает ли это?” Или это я говорю ей, что она ограничена? Если я говорю ей, что она ограничена, тогда я отделяюсь от этой ограниченности. Тогда я борюсь для того, чтобы преодолеть эту ограниченность, тогда имеет место конфликт, являющийся и насилием, а это не любовь. Вы следите?

Итак, сознает ли сама мысль свою ограниченность? Я должен выяснить. Мне брошен вызов. Теперь у меня есть энергия; так как мне брошен вызов, у меня есть вся энергия. Осознает ли сознание — поставим вопрос по-другому — осознает ли сознание свое содержание? Осознает ли сознание, что его содержание является им самим? Или я слышал, что кто-то сказал: “Сознание — это его содержание, его содержание составляет сознание”, — и поэтому говорю, что это так. Вы следите? Или сознание, мое сознание, это сознание сознает свое содержание и поэтому само это сознание является целостностью моего сознания. Верно? Вы видите разницу между этими двумя? Первый навязан мной, тем “я”, который создан мыслью; тогда если я навязываю что-то мысли, то существует конфликт. Верно? Это похоже на навязывание чего-то кому-то деспотическим правительством, однако это правительство есть то, что я создал.

Итак, мы спрашиваем: “Сознает ли мысль свою собственную незначительность, свою собственную мелочность, свои собственные ограничения, или она притворяется, что она —

нечто необыкновенное, возвышенное, божественное?” Что является чепухой, так как она — это память, опыт, воспоминание. Итак, я должен, в моем диалоге должна быть ясность по поводу того, что нет внешнего влияния, оказываемого на мысль, говорящего, что она ограничена. Тогда мысль, вследствие того, что нет навязывания, что нет конфликта, вследствие этого она сознает, что она ограничена. Следовательно, все, чтобы она не делала: ее поклонение богу, ее поклонение Иисусу, ее поклонение ограничено, фальшиво, мелочно, хотя она и создала по всей Европе эти чудесные соборы.

Итак, в моем разговоре с собой было сделано открытие того, что одиночество создано мыслью. Теперь мысль сама осознала, что она ограничена, и поэтому не может решить проблему одиночества. Вы понимаете? А так как она не может решить проблему одиночества, то существует ли одиночество? Вы понимаете мой вопрос? Мысль создала это чувство одиночества. Верно? И мысль сознает, что она ограничена, и так как она ограничена, фрагментарна, разделена, то она создала это, эту пустоту, одиночество; поэтому, когда она сознает это, одиночества нет. Мне интересно, вы понимаете это? Верно?

И, следовательно, есть свобода от привязанности. Я не сделал ничего. Вы понимаете? Я внимательно наблюдал за привязанностью, за тем что она заключает в себе: за жадностью, страхом, одиночеством, за всем этим; и, следя за этим, наблюдая за этим, не анализируя это, а просто глядя, глядя и глядя на это, пришел к открытию того, что мысль сделала все это. Верно? Мысль, вследствие своей фрагментарности, создала эту привязанность. Поэтому когда она сознает это, привязанность прекращается. Мне интересно, вы видите это? В этом нет совершенно никакого усилия, ведь в тот момент, когда имеет место усилие, это возвращается. Вы понимаете?

Итак, мы сказали, что если в любви нет привязанности; что если есть привязанность, то нет любви. Произошло устранение основного фактора через отрицание того, чем это не является, то есть того, что любовь — не привязанность.

Я знаю, что это означает в моей повседневной жизни: никакого воспоминания о том, что моя жена, моя подруга или мой сосед сказали мне, никакого воспоминания о какой-либо обиде, никакого образа о ней, потому что я привязан к образу, а не к ней. Я привязан к тому образу, который мысль создала о ней. Она обидела меня, ссорилась со мной, она утешала меня, я получал удовольствие в сексе, десять других разных вещей, которые все являются движением мысли, создавшей этот образ; и это и есть тот образ, к которому я привязан. Итак, привязанность ушла.

Существуют и другие факторы: страх, удовольствие, удобство нахождения с этим человеком или удобство этой идеи. Теперь, нужно ли разбирать их все шаг за шагом, один за другим, или все кончено? Вы понимаете мой вопрос? Нужно ли мне разбираться, нужно ли мне так же, как я исследовал привязанность, исследовать страх. Должен ли я исследовать стремление к удобству? Должен ли я наблюдать за тем, почему я ищу удобства?

Не потому ли, что я не самодостаточен, и следовательно хочу удобства, хочу удобное кресло, удобную женщину или мужчину, или чего бы то ни было, удобную идею? Я думаю, этого хотят большинство из нас. Иметь удобную, безопасную идею, которая никогда не может быть поколеблена, и к которой я смертельно привязан; поэтому, когда кто-то говорит, что это вздор, я злюсь, я ревную, я расстраиваюсь, потому что он сотрясает мой дом. Итак, я говорю, что не должен проходить через все это исследование всех этих разнообразных факторов; я вижу это одним взглядом, я уже ухватил это. Вы понимаете это сейчас?

Итак, через отрицание того, что не является любовью, приходит любовь. Мне не нужно спрашивать, что есть любовь. Мне не нужно искать ее. Если я ищу ее, то это не любовь, это вознаграждение. Итак, в этом исследовании я медленно, внимательно, без искажения, без

иллюзий опроверг, завершил все, чем это не является, тогда другое есть.

Теперь, у меня был хороший диалог с собой.

У. Можно мне задать вопрос? Возможно, я не уловила этого. Вы сказали, что одиночество создается через переживание одиночества?

К: Я уже объяснил все это, мадам. Не то чтобы я объяснил, у меня был диалог с собой. Если бы вы слушали его, вы бы уловили это.

КНИГА ЖИЗНИ

Шри-Ланка, первая публичная беседа

9 ноября 1980

Во-первых, я бы хотел указать на то, как сложно общаться с тем человеком, чья культура, чье воспитание может быть полностью отличным от вашего. И, если я могу указать, мы не говорим ни о какой философии, ни о каких теориях, ни о каких новых идеях или идеалах. Мы собираемся вместе, как двое старых друзей, обсудить проблемы нашей повседневной жизни. Для того, чтобы внимательно, осторожно и мудро углубиться в это, человек должен взглянуть на то, что реально происходит в мире, не только на этом острове, но также в Европе, Америке, Китае, России и Индии.

В мире — огромный хаос, беспорядок. Общество испорчено, аморально; налицо огромная несправедливость, существует бедность. Все народы готовятся к войне, они готовы убивать друг друга во имя религии, по экономическим причинам, во имя своего национального суверенитета. Они хотят убивать других ради своей личной безопасности. В этой стране имеется религиозное разделение. У вас есть Хинаяна и Махаяна. В Индии существует бесконечное множество богов и всевозможные разделения. Христианство также разделено на католиков, протестантов и различные другие секты. В мире существует национальное, религиозное, экономическое разделение. Имеет место инфляция, перенаселенность, бедность и все те ужасающие вещи, происходящие в мере. Национализм с его технологией уничтожит человека. Это факты. Это не идеи или мнения выступающего, но те факты, которые находятся прямо перед нами, если только вы желаете смотреть, слушать.

Зная все то, что происходит снаружи, каково состояние человек? Не человека в абстрактном смысле, не в качестве абстрактной идеи, но человека подобного вам, мне и другому.

Каково наше состояние? Я думаю важным является понять наши отношения, отношения между человеком и обществом. Обществом в том виде, в каком оно существует сейчас, которое коррумпировано, которое очень несправедливо. Нами неправильно управляют. Это общество создано человеком, создано вами, нами, многими; создано нашими великими дедами и т. д. Это общество создано человеком, и, следовательно, оно может быть полностью, радикально изменено. Это изменение общества всегда было мечтой человека. Начиная с древности и до нашего времени, существовали философы, много говорившие об этом, написавшие многие томы о том, каким должно быть общество.

Происходили революции: на Западе — французская, в России — коммунистическая. Люди постоянно боролись за то, чтобы революция принесла изменение окружающей обстановки. Коммунисты делают это, социалисты и другие левые пытаются по-своему добиться этого, так же

как правые; однако эта физическая революция не принесла серьезного изменения. Это опять факты. Она принесла новую иерархию, новое поколение богатых, новое поколение могущественных, господствующих, деспотичных людей. И хотя структура общества несколько изменилась, в основе своей оно осталось таким же, каким было на протяжении тысячелетий.

Мы наблюдаем все это и делаем это вместе. Пожалуйста, если я могу указать, не забывайте о том, что во время этих бесед мы думаем, смотрим, наблюдаем вместе. Выступающий не указывает вам на то, что вы должны слушать или не слушать, чему уделять внимание или нет, но вместе вы, каждый из вас и выступающий, вместе мы собираемся исследовать, изучить то, почему мы так живем, почему люди деградировали: вокруг так много наркотиков, алкоголизма, насилия и всевозможных форм аморальности. И вместе, пожалуйста, не забывайте, я буду много, много раз повторять, что вы не просто слушаете беседу какого-то странного иностранца, а мы вместе, как два человека, спокойно, разумно, здраво исследуем, вместе изучаем то, почему человек находится в этом состоянии.

Итак, мы не говорим о теориях, верованиях, догмах и всей этой чепухе. Для меня, для выступающего, они не могут быть основанием для национальной принадлежности. Мы вместе посмотрим на то общество, в котором живем, и на то, что с ним делать.

Выступающий говорит именно об этом, он говорит о вас. Он не говорит о чем-то другом; он говорит о человеке, который есть вы, о том, почему этот человек, проживший тысячи и тысячи лет, развившийся благодаря огромному количеству опыта, накопивший огромное количество знаний, — как технологических, так и в области психологии — почему мы — люди пришли к этому современному состоянию хаоса, несчастья, смятения. Я надеюсь, что это совершенно ясно. Совершенно ясно, что мы не говорим о какой бы то ни было теории, не занимаемся какой-либо пропагандой, а вместе говорим о вас, о вас, как обо всем остальном человечестве. Человечество страдает, каждый человек в этом мире, где бы он ни жил, страдает, проходя через сильную тревогу, огромную неуверенность, постоянную борьбу не только с самим собой, но и с тем, что его окружает.

У него, как и у вас, множество страхов, он страдает от депрессии, неуверенности, как и вы. То есть мы — это человечество, вы — это человечество. Пожалуйста, следите за этим, внимательно следите за тем, что вы слышите.

Вы знаете, слушание — великое искусство. Это одно из тех великих искусств, которое мы не развили, искусство полностью слушать другого. Когда вы полностью слушаете другого, что, как я надеюсь, вы делаете сейчас, вы также слушаете себя, слушаете свои собственные проблемы, собственную неуверенность, собственное страдание, смятение, слушаете свое желание быть в безопасности, медленную деградацию ума, становящегося все более и более механическим. Мы вместе говорим о том, чем являются люди, то есть, чем являетесь вы.

Итак, психологически, вы — это мир, а мир — это вы. У вас могут быть темные волосы, темный цвет лица, другие могут быть выше, светлее и иметь узкие глаза, но, где бы они ни жили, в каком бы климате, в каких бы обстоятельствах, в изобилии или нет, каждый человек, подобно вам, проходит через всю эту суету, весь этот шум жизни, жизни, в которой совершенно отсутствует красота, никогда не видя ни сверкания травы, ни великолепия цветка. Итак, вы и я, и другие являемся миром, потому что вы страдаете, ваш сосед страдает, не важно находится ли он за десять тысяч километров отсюда, он такой же, как вы. Ваша культура может отличаться, ваш язык может быть другим, но в своей основе, внутри, в глубине вы такой же, как другой. И это факт. Это не теория, это не что-то такое, во что вам нужно верить. Это факт. Поэтому вы — это мир, а мир — это вы.

Я надеюсь, вы слушаете это. Как мы говорили, мы утратили искусство слушания. Когда вы

слушаете утверждение о том, что вы — это мир, а мир — это вы, то, так как вы, возможно, никогда не слышали этого раньше, это может показаться странным, нелогичным или нереальным. Поэтому вы невнимательно слушаете это и надеетесь, что я перейду к разговору о других вещах; то есть, вы никогда не слышите истины чего бы то ни было. Если мне можно попросить вас, пожалуйста, внимательно слушайте не только выступающего, но и себя, слушайте то, что происходит в вашем уме, в вашем сердце, в ваших реакциях и т. д. Слушайте все это. Слушайте птиц, слушайте машину, проезжающую мимо, чтобы быть чувствительным, живым, активным. Итак, будете так добры — слушайте, и тогда мы сможем продолжать.

Человек, согласно ученым, произошел в результате эволюции от обезьяны миллионы лет назад. Наш мозг это результат времени многих, многих тысячелетий. Этот мозг, этот человеческий ум сейчас обусловлен страхом, тревогой, национальной гордостью, языковыми ограничениями и т. п. Итак, вопрос состоит в том, что для того, чтобы создать в мире другое общество, вы, как человеческое существо, являющееся остальным человечеством, должны радикально измениться.

Реальная проблема в этом, а не в том, как прекратить войны. То, как сохранить на Земле мир, тоже проблема, но все это периферические, вторичные вопросы. Главный вопрос в том, может ли человеческий ум, являющийся вашим умом, вашим сердцем, вашим состоянием, может ли он претерпеть полную, фундаментальную, глубокую трансформацию. В противном случае мы уничтожим друг друга из-за нашей национальной гордости, из-за наших языковых ограничений, из-за нашего национализма, который поддерживается политиками ради собственной выгода и т. п.

Итак, я надеюсь, что выразил это очень ясно. То есть, возможно ли вам, как человеку, психологически являющемуся остальным человечеством — внутренне вы такой же, как остальные люди, живущие в мире, — возможно ли вашему состоянию измениться? Не измениться для того, чтобы превратиться в кого-то еще. Вы понимаете вопрос? Когда мы говорим измениться, то возникает вопрос: кем мы должны стать? Об изменении чего и превращении во что идет речь? Если вы задаете этот вопрос, что совершенно естественно, то вы пытаетесь вообразить то, что должно быть. Мне интересно, понимаете ли вы все это? Можно мне продолжать? Можно? Я не знаю, вызывают ли мои слова отклик в ком-либо. В моих словах есть какой-либо смысл?

Не могли бы вы сказать мне? Мы следуем друг за другом? Или вы просто слушаете какие-то слова, становясь увлеченными ими, или вы следуете глубокому смыслу этих слов? Это зависит от вас. Итак, мы говорим, спрашиваем, исследуем вместе, потому что вы человек, являющийся таким же, как и остальное человечество; вы должны слушать говорящего, слушать то, что он говорит о вас, и вы также должны слушать, наблюдать, смотреть внутрь себя по мере нашего продвижения. То есть общение возможно лишь в том случае, когда вы и выступающий движетесь вместе. А не тогда, когда вы неудобно или удобно сидите и от нечего делать слушаете. Это очень серьезный вопрос, это не развлечение, не интеллектуальный обмен словами или теориями. Мы имеем дело с тем, что реально существует. Это реальное является тем, что происходит в мире и в вас. Верно? Можем мы продолжать отсюда?

Во-первых, следует сказать о том, что существуют различные группы людей на западе и, возможно, на востоке, которые считают, что невозможно фундаментально изменить человека. Он прожил таким образом многие тысячи лет, и его состояние изменить невозможно. Вы можете несколько изменить его, но его человеческое состояние, то, каким он является, не может быть радикально изменено. Коммунисты говорили, что если вы измените внешнюю структуру, экономику, общественные условия, то человек, живущий в этих условиях, изменится. Есть также такие, которые говорят, что надо верить в бога, и что чем сильнее вера, тем лучше будут

решаться ваши проблемы. Это три основные группы; но, конечно же, есть и другие, утверждающие, что человека невозможно радикально изменить.

Есть такие, которые говорят, что надо изменить окружающую обстановку, и тогда изменится человек, и есть другие, так называемые религиозные люди, говорящие, что нужно иметь веру, и подходить к вещам так, как сказал бог, и тогда, возможно, человек способен радикально измениться. Все эти системы — под различными именами, в различных формах — снова и снова пытались, но человек, вы, на протяжении тысячелетий оставался практически неизменным. В том смысле, что вы по-прежнему страдаете, вы тревожитесь, вы одиноки, неуверенны, уязвимы, боитесь и т. п. Когда человек признает эти факты, а они являются фактами, тогда возникает вопрос: что человеку делать? Вы понимаете мой вопрос? Вы все понимаете по-английски?

Аудитория: Да.

К: Наконец-то! Эта абсолютная тишина, конечно прекрасный знак, означающий, что вы слушаете, это правильно, но общаемся ли мы друг с другом? То есть, смотрим ли мы вместе в зеркало, которое выступающий помещает перед вами, смотрим ли мы в это зеркало, являющееся вами самими? Ведь то, что мы говорим, относится к поведению человека, к его бесконечной повседневной суете, к его взаимоотношениям с другим и т. п. Если это не совершенно ясно, не заложено глубоко, то медитация вообще не имеет ни какого смысла. Вы понимаете? Если в доме нет порядка — в доме, который есть вы, нет порядка, — то вы пытаетесь медитировать либо согласно Дзен, либо согласно тибетской медитации, либо Будде, либо индуизму, либо согласно последним разработкам в медитации какого-нибудь гуру. В этом случае ваша медитация приведет вас лишь к иллюзиям. В ней не будет реальности.

Реальность есть в том, что мы закладываем в правильное основание, то есть в порядке, имеющимся в нашей жизни. Мы живем беспорядочно, мы живем в противоречии; мы говорим одно, а делаем другое; мы верим в одно, а делаем совершенно противоположное. являющееся вами? кало, которое выступающий помещает перед вами, смотрим ли мы в то зеркало, являющееся вами? Мы верим в какого-то бога или в какое-то божество, и это вера не имеет никакого реального значения в нашей повседневной жизни, являемся ли мы христианами, буддистами или принадлежим к какой-то другой религии. Эти верования, догмы, утверждения, директивы в нашей жизни совершенно не актуальны. Поэтому вы можете отмести все это в сторону — ваши беспокоящие религиозные догмы, верования, концепции, образы — и встретить жизнь в том виде, как она есть, не убегая в какие-нибудь причудливые романтические образы.

Возможно, кто-то из вас не согласится со всем этим. Я рад этому. Если вы возражаете, это означаем, что мы думаем вместе. Но если вы не согласны — разберитесь. Не просто возражайте. Упорное стремление ставить все под вопрос необходимо для выживания человека. Ставьте под вопрос не только то, что говорит выступающий, но и свои верования, свой образ жизни, то, почему вы думаете подобным образом, почему вы так живете. Настойчивое, упорное стремление ставить под вопрос означает сомнение. Сомнение крайне важно, потому что если вы сомневаетесь, это дает вам огромную энергию. Вы начинаете сбрасывать весь тот груз, который человек, который вы, священники, аналитики, психологи и другие вам навязали. Вы начинаете освобождаться психологически, по крайней мере до какой-то степени.

Итак, пожалуйста, мы вместе исследуем человеческий ум, тот ум, который эволюционировал на протяжении тысяч и тысяч лет. Теперь мы дошли до той точки, где мы либо уничтожим друг друга из-за нашего глупого национализма, либо мы выживем, выживем в качестве возрожденных, свободных людей без груза всех тех священников, которые существуют, без той обузы, которая была навязана нам различными доктринами, теориями, идеями. Никто не

спасет нас — ни священники, ни ученые, ни политики, ни экономисты, ни защитники окружающей среды. То, что спасет человечество, — это вы, вы, преобразующие себя. Итак, мы начинаем медленно углубляться в это.

Во-первых, жизнь — это движение в отношениях. Без отношений вы не можете существовать. Жизнь — это отношение и действие. Поэтому, во-первых, мы должны исследовать, что мы имеем в виду под «отношениями»? Это очень важно, ведь человек не можем жить сам по себе.

Он всегда связан с чем-то или кем-то. Он связан с другим человеком или связан с идеей, с концепцией, с образом, однако все это означает отношения вас и другого. Верно, господа? Пожалуйста, следуйте за мной. Теперь, каковы ваши отношения с другим? Это одна из наших проблем. Ведь наши отношения с другим — личные или нет — создали то общество, в котором мы живем. Если вы жадны, ревнивы, склонны к насилию, вы создаете это общество насилия, жадности и ревности. Итак, с самого начала мы должны отчетливо осознавать и разобраться в том, что есть отношения. Верно, господа? Все это интересно вам? Не относитесь к этому, как к чему-то несущественному. Действительно ли вы глубоко интересуетесь тем, что такое отношения? Каковы ваши фактические отношения, ваши фактические отношения с другим? Или вы испуганы? На чем основаны ваши отношения с вашей женой, с вашим соседом, с вашим правительством, не важно с кем? Ведь в этих отношениях должно быть понимание, не словесное или интеллектуальное понимание; в них должна быть глубина, полнота.

Мы вместе глубоко исследуем вопрос отношений. Человек не может существовать без отношений. Жизнь — это движение и отношение. Эти две вещи являются в человеке основными. Каковы сейчас наши отношения с другим? Что есть ваши отношения с женой? Или вашей жены с вами, или ваши отношения с буддистским священником, или с индуистским, или с христианским? Что есть ваши отношения? Когда вы рассмотрите это ближе, вы увидите, что ваши отношения основаны на образах — на, построенном вами, образе бога, образе Будды, образе вашей жены, на вашем образе, построенном вашей женой. Это факт, не так ли? Верно? Образы между вами и вашей женой, образы, в которых есть как самое интимное, так и повседневное. Образ, который существует между двумя людьми; образ, который мужчина создает о своей жене, образ, который жена создает о нем, а отношения существуют между этими двумя образами. Верно? Вы согласны с этим? Согласны? Эти образы создаются через повседневное взаимодействие, секс, раздражение, утешение и т. д.

Каждый человек создает свой собственный образ другого и образ себя самого. У него также есть образ бога, образ своего религиозного божества; ведь когда вы создаете образ, в этом образе имеется безопасность, каким бы фальшивым, каким бы нереальным, каким бы безумным он ни был. В этом, созданном умом образе, присутствует безопасность. Когда вы создаете образ своей жены, или когда ваша жена создает ваш образ, эти образы не являются тем, что на самом деле есть. Намного сложнее жить с тем, что на самом деле есть, и намного легче жить с тем образом, который вы построили. Итак, отношения существуют между образами, а, следовательно, отношений не существует вообще. Верно? Я надеюсь, вы следуете за всем этим. Это факт. Христианин поклоняется образу.

Этот образ веками создавался священниками, создавался поклоняющимся, говорившими: «Мне нужен покой, мне нужна безопасность, мне нужен кто-то, кто будет ухаживать за мной; я запутан, я сбит с толку, я беззащитен, а в этом образе я нахожу безопасность». Мы превратились в поклоняющихся образу, мы не поклонники истины, не поклонники религиозной жизни, а поклонники образов: национального образа с его флагом, образа ученого, образа правительства

и т. д. Создание образов — это одна из человеческих слабостей. Возможно ли вообще не иметь образов, а жить лишь с фактами, фактами того, что в действительности происходит? Вы понимаете? Мы понимаем друг друга? Нет? Кто-то кивает головой! Я рад, тогда мы можем обсуждать, мы с вами можем углубиться в это.

Почему ум создает образ? Жизнь — это не образ. К сожалению, жизнь — это борьба. Жизнь — это постоянный конфликт. Конфликт — это не образ. Это — факт, это то, что действительно имеет место; но почему ум создает образы? Под образом говорящий понимает символ, концепцию, заключение, идеал. Все это — образы, то есть то, чем я должен быть; я этим не являюсь, но я хотел бы этим стать. Это образ, который ум проецирует во времени, это то, что будет в будущем. Поэтому это нереально. Реальным является то, что происходит в вашем уме сейчас. Можем мы продолжать отсюда?

Мы спрашиваем о том, почему ум создает образ? Не потому ли, что в образе присутствует безопасность. Если у меня есть жена, — которой у меня нет — я создаю ее образ. Само слово «жена» — это образ. И вследствие того, что моя жена является чем-то живым, изменяющимся, живущим, живым человеческим существом, я создаю ее образ. Для того, чтобы понимать ее, требуется намного больше внимания, больше энергии, а если у вас есть ее образ, то с этим образом намного легче жить. Вы следите за всем этим?

Во-первых, не являетесь ли и вы своим собственным образом, тем, что вы — великий человек или не великий человек, что вы являетесь этим, тем и т. д.? Когда вы живете с образами, вы живете с иллюзиями, а не с реальностью. Теперь, каков механизм создания образа? Все организованные, общепринятые, уважаемые религии всегда обладали неким образом. И человечество с помощью священника всегда поклонялось символу, идее, концепции и т. п. В этом поклонении человек находит утешение, безопасность, защищенность. Но этот образ является проекцией мысли. И для того, что бы понять природу этого, природу создания образов, вы должны понимать весь процесс мышления. Можем мы углубиться в это? Хорошо, сер? Вы пойдете со мной? Хорошо.

Итак, мы спрашиваем: что есть мышление? Это то, чем мы занимаемся на протяжении всего дня. Ваши города построены мышлением, ваши вооружения основаны на мышлении, политики основываются на мышлении, ваши религиозные лидеры, все в этом мире основано на мышлении. Поэты могут писать прекрасные стихи, но процесс мышления продолжается. Итак, человек, если он серьезен, должен погрузиться в этот вопрос, исследовать — что есть мышление. Сейчас вы думаете.

Мы говорили о том, что создание образа стало человеческой привычкой, особенно это относится к миру религии, и о том, что у человека имеется образ самого себя, и мы спрашиваем: почему ум, ваш ум создает образы? Не потому ли, что в образах, какими фальшивыми, какими оторванными от реальности они бы не были, имеется безопасность? Не потому ли, что в иллюзии человек ищет безопасности? Итак, для того, чтобы понять процесс создания образов, являющийся общим для всего человечества, человек должен углубиться в вопрос того, что есть мысль, мышление и какова природа мысли. Мысли в целом. Мысль не создала природу.

Человек не создавал этого тигра, эту реку, эти прекрасные деревья, этого леса и этих гор, этих теней, долин и этой красоты земли. Однако с помощью мысли человек создал разрушающие орудия войны, человек очень сильно продвинулся в хирургии, с помощью мысли человек создал мгновенную связь и т. д. Мысль ответственна за множество хороших вещей и за множество плохих. Это — факт. И тот человек, который серьезен, хочет разобраться в том, способна ли мысль когда-нибудь завершить какую-либо из этих проблем. Итак, мы должны спросить — хотите ли вы и достаточно ли вы серьезны для того, чтобы выяснить для себя, что такое мышление?

Мышление — это ответ памяти, накопленной в мозгу в качестве знания. Знание приходит из опыта. У человечества имелось огромное количество опыта, из которого оно извлекло и накопило огромное количество знаний — фактических, иллюзорных, невротических. Эти знания в качестве содержимого памяти отложены в мозге. И когда вы задаете вопрос, эта память отзывается в качестве мысли. Это — факт. Мы обсуждали этот вопрос со многими учеными, некоторые из них не соглашались, другие соглашались и т. д. Вы можете сами разобраться в этом; выяснить, что сначала вы переживаете опыт, вы помните этот опыт, который есть знание, и это знание с его памятью проецирует мысль. Это ясно? Верно, сэр? Нет? Не соглашайтесь со мной, пожалуйста. Разберитесь в этом сами. Посмотрите внутрь себя. Если бы у вас не было опыта, знания, памяти, то вы бы не смогли думать. Итак, знание через опыт, память и ответ на вызов, являющийся мыслью, и, полагаясь на эту мысль, мы живем. Знание всегда ограничено. Не существует полного знания о чем бы то ни было.

Это — факт. То есть, мысль всегда ограничена. Мысль может построить собор, великолепную статую, написать прекрасное стихотворение, великолепную поэму и т. п., однако как бы прекрасна мысль не была, она рождена из знания и поэтому она всегда должна оставаться ограниченной, потому что знание всегда неполно, знание всегда находится в тени невежества. Верно, господа? Итак, мысль создала эти образы, мысль создала этот образ между вами и вашей женой, мысль со своей технологией создала эту национальную идею, которая разрушает этот мир и т. д.

Теперь, мы спрашиваем — возможно ли в повседневной жизни не иметь ни единого образа? Мысль должна действовать для того, чтобы помочь вам дойти отсюда до вашего дома. У вас должно быть знание о том, где находится ваш дом, какую дорогу вам нужно выбрать и т. д. Это знание должно существовать, иначе вы потеряетесь. Для того, чтобы говорить на каком-то языке, знание необходимо, знание необходимо выступающему для того, чтобы выступать на английском языке и т. д. Но нужно ли оно для того, чтобы создавать образ вообще? Вы понимаете мои вопросы, господа?

Можем ли мы жить без единого образа, что означает без какой бы то ни было веры, идеала, — что не означает жизни в хаосе — без какой-либо концепции, ведь все они проекции мысли и, следовательно, все ограничены? Следовательно, действие — это несколько более сложно, не знаю, поймете ли вы все это, — действие, основанное на мысли, всегда ограничено. Тогда человек должен спросить — существует ли действие правильное в любых обстоятельствах? Мы движемся вместе? Да? Идем ли мы шаг в шаг по одной и той же тропе, или выступающий идет сам по себе? Ведь это очень серьезный вопрос, сэр.

Наши умы вырождаются, становятся механическими, потерянными, и именно поэтому молодежь тоже становится потерянной. Мы — потерянные человеческие существа; у вас может быть работа, может быть дом, вы можете обладать разнообразными вещами, однако внутренне вы потеряны, вы неуверенны, запутанны. Вы не знаете, во что вам верить. По этой причине человек должен осознавать всю значимость мысли. Мы живем мыслью. Все, что мы делаем, основано на мысли.

А так как мысль является неполной, то наши действия неполны, в нашей жизни отсутствует полнота. Зная, что в ней нет полноты, мы пытаемся заполнить ее чем-то таким, что даст нам ощущение полноты. Итак, наша жизнь — это постоянная борьба, и мы говорим, что этой битве в самих себе и снаружи может прийти конец. Она может закончиться только тогда, когда вы поймете себя, поймете себя ни с точки зрения какого-нибудь священника, какого-нибудь психолога или профессора, но глядя на себя в зеркало. Этим зеркалом являются ваши отношения. Они есть то зеркало, в котором вы можете изучать себя. Все то, чем вы являетесь,

почему вы такой, почему вы думаете об этом, почему вы ведете себя подобным образом, все эти ответы вы обнаружите в этом зеркале отношений. Господа, вы — это история человечества. Вы — это книга, в которой без помощи какого-либо гида, какого-либо священника, без какого-либо гуру, без какого-либо философа, вы можете прочитать о себе все.

Вы можете читать эту книгу, являющуюся вами. И если вы не будете читать ее очень внимательно, прислушиваясь ко всем ее нюансам, ко всей продолжающейся активности, то вы всегда будете жить в постоянном сражении, будете постоянно страдать, постоянно бояться. Поэтому разумному, искреннему человеку необходимо читать эту историю человечества, которая есть ваша история. Эта история — не образ. Она часть вас. Вы должны смотреть. Это означает, что вы должны очень внимательно прислушиваться к своим мыслям, к своим реакциям, к своим сомнениям, к своему несчастью; вы должны слушать это. Разберитесь. В слушании находится ответ. Однако вам нужно научиться искусству слушания, что означает научиться не интерпретировать то, что вы читаете, что вы видите, а наблюдать это без какого-либо искажения, просто наблюдать это.

Вы когда-нибудь наблюдали за облаком? Наверняка. В этой стране много облаков. Вы когда-нибудь наблюдали за ними? Когда вы наблюдаете за вещью, вы всегда называете ее. Само это название препятствует наблюдению. Вы понимаете? Верно, господа? Наш ум становится рабом слов; слова — это измерение, а наблюдать без того измерения, каким является слово, означает видеть вещи точно такими, какими они являются. Это означает наблюдать за собой, видеть себя в точности таким, какой вы есть без какого-либо искажения, без какого-либо направления, без какого-либо мотива, просто наблюдать это. Вы слушаете это утверждение и затем спрашиваете: «Скажите, как мне сделать это?» Верно? Таков ваш вопрос? Нет? «Скажите, как мне сделать это?» Теперь, когда вы задаете этот вопрос «как?», почему вы задаете его? Вы понимает, о чем я сейчас спрашиваю? Я сказал о том, что во внимательном наблюдении, в слушании себя без какого-либо искажения, без какого-либо мотива, вы начинаете читать историю человечества, которое есть вы сами.

Это настоящее образование, а не просто получение диплома и знаний о каких-то вещах. В этом заключается настоящее образование, в том, чтобы читать вашу жизнь в книге человечества, являющегося вами; а для того, чтобы читать эту книгу, вы должны наблюдать за каждой реакцией, каждой мыслью, так быстро меняющейся, сменяющей одна другую. Вы должны просто наблюдать за этим, не пытаясь контролировать это или отодвигать это в сторону, просто наблюдать за этим. Тогда вы скажите, что это очень сложно. А так как это сложно, то вы спрашиваете о том, как это сделать. Вы спрашиваете о методе. Когда вы задаете подобный вопрос, что это означает? Вы хотите знать, как читать эту книгу. Если ребенок хочет научиться читать алфавит, он должен выучить алфавит. Итак, он постепенно внимательно продвигается, учиться, как писать буквы и т. д. То же самое и здесь — здесь не существует «как?», здесь есть просто наблюдение. В тот момент, когда вы спрашиваете «как?», вы просите системы, метода, а когда вы практикуете этот метод, эту систему, вы становитесь механичным.

Вы — это живая вещь, а живая вещь не может быть понята с помощью системы. Вы должны наблюдать ее, двигаться вместе с ней, понимать ее; но для многих людей это очень сложно, и поэтому они спрашивают, как им это быстро сделать. К этому нет быстрого пути. Есть лишь терпеливое наблюдение самого себя. Терпение здесь означает отсутствие быстрых реакций, не следование за вашими идеями, за вашими мнениями — ведь все они являются частью вас, — а наблюдение за вашими мнениями. Поэтому это требует огромного терпения, огромного внимания, заботы, это требует интереса.

Итак, завтра мы рассмотрим природу нашей жизни в отношении страха, удовольствия, страдания и всего связанного с этим. Мы очень внимательно углубимся в это и посмотрим —

сможем ли мы полностью прекратить страх. Хорошо, сэр. то вы человек, являющийся таким же, как и остальное человечество, поли ясно. совершенно несчастья, смятения. вшийся благодаря ог

Шри-Ланка, вторая публичная беседа

9 ноября 1980

Не могли бы мы начать с того, о чем говорили вчера? Мы сказали, что вся история человечества находится в вас, огромное количество опыта, глубоко укоренившиеся страхи, тревоги, печаль, удовольствие и всевозможные верования, которые человек накопил на протяжении тысячелетий. Вы — это книга. Мы сказали это вчера. И читать эту книгу — искусство. Она не напечатана каким-либо издательством. Она не для продажи. Вы не можете купить ее ни в каком книжном магазине. Вы не можете пойти к какому-нибудь аналитику или ученому, сказав, что его книга такая же, как и ваша. У ученого может быть очень много информации по этому вопросу, как и у астрофизика, но его книга, история человечества, такая же, как и ваша.

И без внимательного, с сомнениями, терпеливого, чтения этой книги, вы никогда не сможете изменить то общество, в котором вы живете, общество являющееся разложившимся, аморальным, в котором есть бедность, имеется огромная несправедливость и т. д. Любого серьезного человека должны заботить вещи, происходящие сейчас в мире — весь этот хаос, коррупция, война, которая есть самое большое преступление. Для того, чтобы вызвать радикальное изменение в нашем обществе и его структуре, нужно быть способным читать эту книгу, которая есть вы сами; а это общество создано каждым из нас, нашими родителями, прародителями и т. д. Все люди создали это общество, и если оно не будет изменено, то будет еще больше коррупции, больше войн и больше разрушения человеческого ума. Это — факт.

Итак, для того, чтобы читать эту книгу, которая есть вы, человек должен обладать искусством слушания того, что говорит эта книга. То есть нужно слушать ее, что означает — слушать, а не интерпретировать то, что говорит эта книга. Просто наблюдать ее, как вы наблюдали бы облако. Вы ничего не можете сделать с облаком, как и с горстью листьев, уносимых ветром, как и с красотой заката. Вы не можете изменить ее, вы не можете спорить с ней. Она просто такая. Итак, человек должен обладать искусством слушания того, что говорит эта книга. Это книга — вы, следовательно, вы не можете говорить ей того, что она должна открыть вам. Она откроет все. Итак, это должно быть первым искусством — слушание книги.

Есть и другое искусство, которое является искусством наблюдения, искусством видения. Когда вы читаете эту книгу, являющуюся вами, то не существует вас и книги. Пожалуйста, поймите это. Не существует читателя и отдельной от вас книги, книга — это вы. Итак, вы наблюдаете эту книгу, не говоря ей того, что она должна вам сказать. Я ясно выражаюсь? То есть нужно читать, наблюдать все те реакции, которые открывает вам книга. Очень ясно, без какого-либо искажения видеть то, что эти строки, главы, поэмы открывают вам; видеть все, что говорит вам эта красота, эта борьба.

Итак, есть искусство видения и искусство слушания.

Так же существует другое искусство — искусство обучения. Компьютеры могут обучаться. Они могут программироваться и повторять то, что им было сказано. Если компьютер играет с мастером игры в шахматы, то мастер может выиграть у него три или четыре раза, но компьютер учиться. Он избегает сделанных ранее ошибок, он может исправлять их, то есть посредством

опыта он учится и после нескольких игр становится способным обыграть мастера. Так же работаем ум, наш ум. Через опыт мы накапливаем знания, откладываем их в мозге, затем мысль, как память, а затем действие. Исходя из этого действия, вы учитесь. Таким образом, обучение — это дальнейшее накопление знания. Итак, вы начинаете с начала. Знание, опыт, знание, память и мысль, и действие. Этот цикл постоянно повторяется всеми нами. Я надеюсь, что ясно показываю, что каждое действие может приносить дополнительные знания, ум вносит изменения в свой прошлый опыт, и все повторяется снова. Это то, что ум, если он бодрствуем, осознает, делает постоянно. Опыт, знание, память, мысль, действие, это действие изменяет или добавляет еще знания, и вы продолжаете действовать таким образом. Это ясно? Это то, что мы делаем постоянно, что мы называем обучением, обучением, проистекающим из опыта.

Это было историей человека — постоянный вызов и ответ на этот вызов. И этот ответ может соответствовать вызову, может не совсем ему соответствовать, но имеет место обучение и накопление знания, поэтому в следующий раз вы отвечаете на вызов более полно или менее полно. Итак, этот процесс, называемый нами обучением, идет в наших умах постоянно. Вы учитесь язык. То есть, вы учитесь значения слов, синтаксис, грамматику, составление предложений, постепенно накапливаете словарный запас и затем, если у вас хорошая память, вы начинаете говорить на том конкретном языке, не который потратили время. Это — процесс человеческого обучения. То есть, это — постоянное движения от одного знания к другому. И эта книга — все знание человечества, которое является вами.

Я ясно выражаюсь? И вы либо (пожалуйста, уделите тому, что вы слушаете немного внимания и терпения) постоянно продолжаете этот круг, либо находите способ выйти из этого круга. Через минуту я покажу вам, что это означает. То есть, мы постоянно действуем, исходя из прошлого знания, изменяемого настоящим и движущегося в будущее. Это будущее опять изменяется, становясь прошлым, и этот процесс есть часть нашей жизни.

Вы улавливаете все это? Я знаю, что вы возможно очень ученые люди, очень образованные, однако выражаю это, если вы не возражаете, очень, очень простым языком. Но ведь слово — не вещь, верно? Цейлон, Шри-Ланка, извините, не являются этой землей, ее красотой, этими пальмами, этими реками, этими прекрасными деревьями, фруктами и цветами. Итак, слово — это не вещь. Пожалуйста, не забывайте об этом на то время, пока мы разговариваем; помните, что слово — не вещь. Слово «муж» — это не человек, это — слово. С помощью слова мы измеряем. Итак, на протяжении этой и двух других оставшихся бесед, пожалуйста, помните, что слово никогда не является вещью. Символ никогда не может быть реальностью. Картина не является тем, что есть. Если это глубоко укоренится в наших умах, то слова будут иметь очень мало значения. Вы следуете за этим? Значение имеет вещь, а не слово.

Итак, как я сказал, искусство видения, искусство слушания и искусство обучения. Обучение — это движение от прошлого к настоящему, изменяющемуся в будущем, что есть обретение опыта и т. д. Весь этот цикл мы называем обучением. То есть, психологическим обучением, так же как и техническим обучением. Верно? Что это означает? Это означает, что ум никогда не бывает свободным от известного. Мы понимаем что-то вместе или я делаю это ужасно сложным?

Это не сложно. Возможно, если выступающий может на это указать, мы не привыкли к подобному способу мышления, к подобному способу исследования, к постоянному движению вперед. Итак, как мы сказали, наше обучение постоянно находится внутри поля известного. И поэтому ум становится механичным. Верно? Если у меня есть определенная привычка, и я живу с этой привычкой, мой ум становится механичным. Если я верю во что-то и повторяю,

повторяю, повторяю, это становится механичным. Итак, мы говорим, что мы постоянно живем внутри области известного. Поэтому наши умы становятся сетью слов; они никогда не бывают настоящим, но становятся словами, словами, словами и движением, изменением внутри этой узкой, ограниченной области знания.

Итак, обучение значит нечто совершенно иное. Мы вместе собираемся углубиться в это. Мы очень ясно сказали, что такое видение, как видеть эту книгу, как читать эти строки, что такое искусство слушания этой книги без какого бы то ни было искажения, никогда не перебивая, без выбора того, что вам нравится или не нравится, с чем вы согласны или не согласны. В противном случае вы не читаете эту книгу. Верно? Мы также говорим о том, что живем в узких границах известного. И о том, что это становится постоянной привычкой; поэтому ум (если вы изучите свой ум) становится склонным к повторению, чем-то привычным, знакомым. Если вы верите в бога, то вы верите в бога до конца своей жизни. А если кто-то говорит, что бога не существует, то вы называете его неверующим. Итак, вы пойманы привычкой. Теперь, мы говорим, что это ни в коей мере следующий ответ на вызов более ответственный, имеет опыта. не является обучением. Обучение — это нечто совершенно иное. Обучение означает исследование в границах знания и движение от знания прочь. Верно? Это будет сложно; мы углубимся в это по мере нашего продвижения.

Итак, есть искусство видения, искусство обучения, искусство слушания; и искусство видения означает искусство никогда не быть пойманным одной и той же моделью и не изобретать другой модели. Постоянное разрушение моделей, образцов, норм, ценностей не означает абсолютно несдержанной жизни. Сегодняшнее общество терпимо, оно совсем не против этого. Постоянное осознание той модели, которая формируется в мозге и ее разрушение приводит к тому, что ум постоянно осознает, он бдителен. Верно? Теперь, со всеми этими тремя факторами: слушанием, наблюдением и обучением, давайте вместе почитаем эту книгу. Вы читаете эту книгу вместе со мной. Я не читаю вашу книгу, мы читаем человеческую книгу, являющуюся и вами, и говорящим, и остальным человечеством. Ясно?

Пожалуйста, уделите этому немного внимания ведь, мы живем в обществе, которое настолько несчастно, в котором присутствуем такой конфликт, такая борьба, такое соперничество, что, кажется, этому не будет конца. И мы видим, что если мы знаем, как читать эту книгу, являющуюся вами, то весь конфликт, весь шум, суматоха, все это придет к концу. Только тогда к вам может прийти истина. Только такой ум действительно религиозен; а не тот ум, который верит, не тот, который совершает все эти ритуалы, который надевает все эти странные одежды. Действительно религиозен тот ум, который становится свободен после того, как прочитает всю эту книгу. Только такой ум получает благословение истины. Только такой ум может отправиться в бесконечность за пределами времени.

Итак, вместе — я имею в виду вместе — мы читаем эту книгу, не книгу, которая напечатана, а книгу, которая является вами. Поэтому вы отвечаете не только за то, чтобы слушать, о чем говорит выступающий, но и за то, чтобы открывать эту книгу главу за главой, страницу за страницей до самого конца, если вы способны отправиться так далеко, ведь то, что он говорит — это ваша книга. И, если мы хотим разрешить проблемы человека, то нам нужно отправиться в это путешествие вместе. Вместе, а не поодиночке, мы сможем разрешить их.

Итак, какая у нас первая глава? Пожалуйста, подумаем вместе, не позволяйте мне говорить этого. Какая первая глава этой книги? То есть, вашей книги. Какая в ней первая глава? Каково содержание этой главы? Хорошо, давайте продолжать вместе. Если не брать в расчет физического существования, физического организма со всеми телесными страданиями,

болезнями, ленью, неуклюжестью, отсутствием хорошей пищи, правильного питания, если не брать в расчет всего этого, то каково первое движение? Я спрашиваю вас. Мы исследуем вместе; это не я исследую и говорю вам, так было бы для вас слишком легко. Но если мы сделаем это вместе, то это станет вашим, и когда вы сможете читать, вам уже не нужно будет ходить к священнику, вам уже не понадобится психолог, вы перестанете зависеть от кого бы то ни было. Вы будете обладать необычайной свободой, которая даст вам потрясающую жизнеспособность, [18 **нажми**] жизнеспособность психологической свободы.

Итак, давайте разделим эту книгу вместе. Вы ждете меня? Я боюсь, что да, ведь вы никогда не заглядывали в себя глубоко. Вы могли смотреть на свое лицо, причесывать свои волосы, припудривать свое лицо и т. д., но вы никогда не смотрели внутрь себя. А когда вы смотрите внутрь себя, разве вы не открываете того, что живете из вторых рук? Пожалуй, это неприятно — признать, что вы второсортное существо, но мы наполнены знанием других, тем, что кто-то сказал, тем, что сказал какой-то философ или какой-то учитель, или какой-то гуру, тем, что сказал Будда, Христос и т. д. Мы все наполнены этим. Также, если вы посещали школу, колледж или университет, там вам сказали, что делать, что думать. Итак, если вы осознаете, что вы — человек, живущий из вторых рук, тогда вы можете отодвинуть в сторону это качество подержанности ума и посмотреть.

Выступающий продолжит, если вы будете следовать за ним, если нет, то дело ваше. Первое, что вы увидите, это то, что мы живем в противоречии, что в нас нет порядка. Порядок — это не какой-то образец, что-то сказанное; порядок — это ежедневное помещение одной и той же вещи на одно и то же место. Однако порядок означает нечто намного большее, чем просто механическую дисциплину или определенную привычку, норму, директиву. Верно?

Мы говорим, что порядок есть нечто, совершенно отличное от общепринятой дисциплины. Слово «дисциплина», пришедшее из латыни, не означает соответствовать, имитировать, копировать, подчиняться, но означает учиться. Вы понимаете? Это понятно?

Итак, в этой книге, в ее первой главе человек обнаруживает, что мы живем необычайно запутанной, беспорядочной жизнью: мы хотим одного и отрицаем, что мы хотим этого, говорим одно, а делаем что-то другое, думаем одно, а действуем по-другому. То есть, имеет место постоянное противоречие. А там, где есть противоречие, там должен быть конфликт. Верно? Вы следуете за этим? Или вам уже скучно от этого? Скажите мне господу, пожалуйста, скажите мне, вы следуете за этим или нет?

Аудитория: Да.

К: Хорошо! Наконец-то кто-то сказал «да». Вы не следуете за выступающим. Вы следуете за книгой, являющейся вами, за тем, что вы живете беспорядочной жизнью, за тем, что вы находитесь в постоянном конфликте. Этот конфликт выражается в амбициях, достижении, отождествлении себя с каким-то человеком, со страной, с идеей; он выражается в том, что вы никогда не живете действительностью. Верно? Итак, мы живем в противоречии, как религиозно, политически, так и нашей семейной жизни. Поэтому нам нужно разобраться в том, что есть порядок. Книга расскажет вам об этом, если вы знаете, как ее читать. Она говорит, что вы живете в беспорядке. Если вы не понимаете причины беспорядка, то порядка ни будет никогда. Вы следите за этим? Знаете, это похоже на сражение с большой группой людей, которые не понимают из этого абсолютно ничего; но это не важно. Это ответственность выступающего.

Итак, мы обнаружили, что беспорядок существует, пока имеется противоречие, не только противоречие в словах, а психологическое противоречие. Как мы сказали, дело в отсутствии искренности, той абсолютной искренности, когда вы имеете в виду то, что говорите, когда вы

обладаете огромной честностью. Итак, если человек понимает природу беспорядка, не на словах или интеллектуально, а действительно, то книга говорит: не превращайте то, что вы читаете в интеллектуальную концепцию, а читайте это правильно. Когда вы читаете ее, она говорит, что ваши противоречия существуют и могут прийти к концу, только если вы поймете природу противоречия. Противоречия существуют, когда есть разделение, например, на индуистов и мусульман, на евреев и арабов, коммунистов и не коммунистов, когда присутствует этот постоянный процесс разделения на различные направления в буддизме, различные направления в христианстве, индуизме и т. п. Там, где есть разделение, должен быть конфликт, который есть беспорядок. Когда вы понимаете природу беспорядка, то из этого понимания, из этого глубокого понимания природы беспорядка, естественно возникает порядок.

Порядок похож на цветок, который естественно распускается, и этот порядок, этот цветок, никогда не увядает. Если вы на самом деле, глубоко читаете эту книгу, которая говорит, что там, где существует разделение, должен быть конфликт, то в вашей жизни всегда существует порядок. Теперь, читали ли мы эту книгу настолько серьезно, что поняли природу беспорядка? Я углублюсь в это немного глубже. Следующая глава.

В следующей главе говорится о том, что до тех пор, пока мы действуем из центра к периферии, должно существовать противоречие. То есть, пока вы будете действовать эгоцентрически, эгоистично, исходя из личностного подхода, сужая целостность этой безграничной жизни до этого маленького «я», вы неизбежно будете создавать противоречие. «Я» — это очень незначительная вещь, созданная мыслью. Мысль говорит: «Мое имя»; она создает эту форму, эту психологическую структуру и этот образ о себе самой — «я есть кто-то». Поэтому, пока существует эгоцентрическая деятельность, должно существовать противоречие до тех пор пока мы действуем из центра к периферии, должно существовать противоречие. ваше и, следовательно, беспорядок.

И эта книга говорит: «Не спрашивайте о том, как не быть эгоцентричным». Верно? Пожалуйста, следите за этим очень внимательно. Это книга говорит, что когда вы спрашиваете «как?», вы спрашиваете о методе. Затем вы следуете этому методу, что есть другая форма эгоцентрической деятельности. Вы улавливаете это? Книга говорит вам все это. Это не я говорю вам. Выступающий не интерпретирует эту книгу для вас, мы читаем ее вместе. До тех пор, пока вы принадлежите к какой-либо группе, секте, религии, вы неминуемо создаете конфликт. Это совсем не сложно принять, ведь мы все верим во что-то. Вы верите в бога, а другой не верит; один верит в Будду, другой верит в Иисуса, а ислам говорит, что есть что-то другое. То есть вера приносит рознь в отношения между людьми. Хотя мы и верим в бога, мы не живем религиозной жизнью. Вы понимаете? Вера не имеет никакой ценности. Вам не нужно верить в то, что солнце встает и садится, вы никогда не говорите, что верите в то, что солнце встает, или в то, что оно садится. Если оно не взойдет, то мы все погибнем в течение трех или четырех дней. Нет никакой нужды верить, когда вы имеете дело с фактами; имеющие место факты — это то, что происходит в вашей книге.

Пожалуйста, господа, продолжим.

Затем также возникает проблема, в которую я скоро углублюсь, заключающаяся в том, как вы читаете книгу, отделены ли вы то книги. Когда вы берете в руки роман, вы читаете его как кто-то, находящийся вне его и перелистывающий страницы, следующий его захватывающему сюжету и т. д. Но в нашем случае читатель является книгой. Вы понимаете сложность. Читатель является книгой. Он читает ее так, как если бы читал часть себя. Он не читает книгу. Мне интересно, понимаете ли вы это? Мы углубимся в это позже. Эта книга говорит также, что человек живет под властью авторитета:[19 [нажми](#)] политического, религиозного, авторитета лидера, гуру, знающего человека, философа-интеллектуала. Он всегда подстраивается под

образец авторитета. Пожалуйста, слушайте очень внимательно, что говорит книга, а она говорит, что есть авторитет закона; согласны вы с этим законом или нет, у него есть авторитет; существует авторитет полицейского, авторитет избранного правительства и авторитет диктатора.

Мы не говорим об этом виде авторитета. В книге мы читаем о том авторитете, которого ищет ум для того, чтобы находиться в безопасности. Ум, как говорит книга, постоянно ищет безопасности. А когда он ищет безопасности, как говорит книга, он неизбежно должен создавать авторитет — авторитет священника, авторитет образа, авторитет человека, говорящего: «Я просветлен, я скажу вам». Вы понимаете все это? То есть она говорит вам быть свободными от этого вида авторитета, что означает быть светом себе, и не зависеть ни от кого в понимании жизни, в понимании этой книги. Читать эту книгу означает не иметь никого между вами и книгой: ни философа, ни священника, ни гуру, ни бога, ничего. Вы — это книга, и вы читаете ее. Итак, должна существовать свобода от авторитета другого, авторитет ли это жены или мужа, мужа или жены. Это означает быть способным остаться одному, а большинство людей так испуганы.

Эта книга в следующей главе говорит, что вы обсудили, вы прочли первую главу о беспорядке, порядке и авторитете. Следующая глава говорит, что жизнь — это отношения. Жизнь — это отношения в действии, не только отношения с близким человеком, но ваши отношения со всем человечеством. Ведь вы являетесь остальными людьми, где бы они не жили; потому что он страдает, вы страдаете, с другими происходит то же, что и с вами. Психологически, вы — это мир, а мир — это вы. Поэтому на вас лежит огромная ответственность.

Затем, в следующей главе, книга говорит, что человек с незапамятных времен живет со страхом. Не только со страхом природы, страхом окружающей среды, страхом болезни, страхом несчастных случаев и т. д., но так же с намного более глубокими слоями страха, с бессознательными, неисследованными волнами страха. Мы собираемся дочитать эту книгу до конца этой главы, до того момента, где она говорит: «Наблюдайте за ним, и вы сможете положить ему конец». Вместе мы собираемся увидеть, собираемся читать эту книгу настолько терпеливо, настолько внимательно, что когда дойдем до конца главы, ваш ум будет свободен от какого-либо страха.

На следующей странице книга спрашивает: «Что есть страх?» Как он возникает, какова его природа? Почему человек не решил эту проблему? Почему он живет со страхом? Он что, привык к нему? Он что, принял его как образ жизни? Почему человек, человеческое существо, почему вы не решили эту проблему для того, чтобы ваш ум было полностью свободен от страха? Ведь до тех пор, пока есть страх, вы живете во тьме. А, будучи во тьме, вы можете поклоняться чему угодно. Ваше поклонение проистекает из этой тьмы и, следовательно, оно абсолютно бессмысленно.

Итак, очень важно глубже вчитаться в природу страха. Теперь, если вы исследуете это глубже, если вы будете читать эту книгу, каждое слово в ней, то она спросит вас: «Как возникает страх?» Это что — память о событиях прошлого, память о какой-то боли, о чем-то сделанном вами, о том, что вы не должны были делать, память о лжи, которую вы сказали, и теперь испуганы тем, что она может раскрыться, о каком-то действии, которое развратило ваш ум, и вы, возможно, боитесь это развращения, этого действия?

Или вы можете бояться будущего, боитесь потерять работу или боитесь не стать почетным членом какого-то общества. Итак, существует бесчисленное множество различных форм страха.

Люди боятся темноты, люди боятся общественного мнения, люди боятся смерти (этого мы еще коснемся), люди боятся, что не достигнут того, чего хотят. Кроме страха болезни, человек мог испытать сильную физическую боль, которая отложилась в мозгу, и он боится, что она может вернуться. Вам известно все это. Итак, книга говорит вам продолжать, читать дальше. Что есть страх? Он вызывается мыслью? Вы следите за всем этим? Он вызывается временем? Я здоров, но когда я состарюсь, я заблею, и я боюсь. Это — время. Или то, что говорит, что со мной может случиться все что угодно, что я могу потерять работу, что я могу ослепнуть, что я могу потерять свою жену, — это мысль? «Не она ли — корень страха?» — спрашивает вас книга. А вы отвечаете: «Поверните страницу, и вы найдете ответ в самом себе». Выступающий не говорит вам. Книга говорит, что мысль и время являются факторами страха. Итак, она говорит, что мысль есть время. Верно?

Итак, тогда вопрос в том, — говорит следующая страница — возможно ли человеческому уму, возможно ли вам, тому, кто читает книгу, являющуюся вами, — книга спрашивает вас — быть полностью свободным от страха, свободным настолько, что не будет ни малейшего его следа? Что это означает? Я надеюсь, что вы читаете ее вместе со мной, а не я читаю один. У вас есть энергия следовать за этим? Итак, она говорит, что не нужно искать метода. Метод означает повторение, систему; изобретенная вами система не устранил страха, потому что вы следуете ей, не понимая природы страха. Итак, не ищите системы, а поймите, поймите природу страха. Она спрашивает: «Что вы имеете в виду под пониманием?» Что вы понимаете под этим? Вы либо понимаете словесную конструкцию и значение слова, что есть определенная форма действия интеллекта, либо видите истину этого.

Если вы видите истину этого, тогда страх исчезает. Вы понимаете? Когда вы сами ясно видите, что мысль и время — это факторы страха, когда это не просто словесное выражение, а часть вас, когда это в вашей крови, в вашем уме, в вашем сердце, что время является этим фактором, тогда вы видите, что страха больше нет, есть лишь время. Вы понимаете? Мне интересно, уловили ли вы это? Ведь страх приносят время и мысль. Я боюсь того, что может произойти, я боюсь своего одиночества. Я никогда не исследовал своего одиночества, того, что оно означает, не я боюсь его, что означает — я убегаю от него; но это одиночество является моей тенью, оно преследует меня. Вы не можете убежать от своей тени. Поэтому у вас должно быть терпение наблюдать, что означает не убежать, а наблюдать, смотреть, слушать, слышать то, что говорит книга. А она говорит, что время является фактором, а не страх. Поэтому вы должны понять страх. Вы следуете за всем этим? Пожалуйста, господа, если вы устали, скажите мне. Уже половина седьмого и если вы устали, то мы на несколько минут остановимся, а потом продолжим. Вы устали? Да или нет?

Аудитория: Нет.

К: Как так получилось, что вы не устали? У вас был долгий день в офисе, с девяти до пяти или около того. А-а, сегодня выходной, поэтому вы не устали, потому что сегодня выходной. Но если бы вы были в офисе, вы бы устали. Хорошо, вы не устали, давайте продолжим.

Итак, она говорит, что время — это фактор, если вы поймете время, тогда, возможно, придет конец страху.

Итак, вы должны спросить, какова связь между временем и мыслью? Книга просит вас разобраться во взаимосвязи между временем и мыслью. Мысль — это движение от известного к известному. Это движение: воспоминания прошлого встречаются с настоящим, изменяются и продолжаются. Это движение — от завтрашнего дня к сегодняшнему — есть движение времени, от заката к рассвету. Также существует время психологическое. То есть, мне было больно, и я

надеюсь, что боль больше не придет, ведь это может повториться снова. Все это есть движение прошлого сквозь настоящее, прошлого, изменяющего себя и будущее. Существует время, измеряемое часами. Существует внутреннее время: я надеюсь стать, вы не являетесь, но надеетесь, вы склоны к насилию, но вы надеетесь избавиться от этой склонности. Вы жадны, ревнивы, но с помощью времени, с помощью эволюции вы надеетесь постепенно избавиться от этого. Итак, время — это движение от прошлого в настоящее и будущее. Мысль тоже происходит из прошлого, из знания, памяти; она — движение в направлении будущего. Верно? Ясно?

На следующий вопрос ответить намного сложнее. Вы должны обладать терпением для того, чтобы продвинуться так глубоко. Терпение означает — пожалуйста, поймите, что я использую слово «терпение» в особом смысле, — отсутствие времени. В общем терпение означает продвигаться медленно, быть терпеливым, не спешить, не быть поспешным в реакциях, быть спокойным, дать другому возможность выразиться и т. д. и т. п. Мы не используем слово «терпение» в этом смысле. Мы говорим, что терпение означает забыть о времени для того, чтобы вы могли смотреть, чтобы могли наблюдать. Но если у вас есть время, сквозь которое вы наблюдаете, то вы нетерпеливы. Вы улавливаете то, что я говорю? Я говорю нечто необычайное. Я углублюсь в это позже. Итак, для того, чтобы прочитать эту главу, говорящую о том, что время является фактором страха, вы должны обладать терпением. Мысль есть время. И до тех пор, пока мысль работает, вы обречены на то, чтобы бояться. Верно? Логично?

Итак, следующая глава спрашивает о том, существует ли остановка времени, существует ли окончание времени? Время является очень сильным фактором в нашей жизни: я — тот, кто я есть сейчас, но я буду кем-то другим; я не знаю, но я буду знать; я не знаю этого языка, но я выучу его, дайте мне время. Время лечит наши раны. Время притупляет чувствительность. Время уничтожает отношения между мужчиной и женщиной. Время разрушает понимание, ведь понимание немедленно, оно не означает, что я научусь понимать. Итак, эта книга говорит, что время играет необычайно важную роль в нашей жизни. Наш мозг эволюционировал во времени. Это не ваш мозг или мой, это человеческий мозг, человеческий мозг являющийся вами; это вы назвали этот мозг вашим мозгом, вашим умом. Но это не ваш ум или ваш мозг, это человеческий мозг, который эволюционировал на протяжении миллионов лет. Итак, вы видите, что этот мозг, который обусловлен временем, может действовать лишь во времени. Верно? Вы понимаете это? Поэтому мы просим мозг сделать нечто совершенно другое. Эта книга говорит, что ваш мозг, ваш ум, функционирует во времени.

Время играет в нашей жизни важную роль. Время не решает никаких проблем, кроме технических. Не нужно использовать время, как средство решения проблем между вами и вашей женой, между вами и вашей работой и т. п. Это очень сложно понять. Пожалуйста, приложите к этому ваш разум, читайте книгу внимательно. Итак, она спрашивает: «Может ли время прийти к концу?» Если вы не закончите его, то будет продолжаться страх, со всеми вытекающими отсюда последствиями. И она говорит: «Не спрашивайте, как закончить время. Как только вы спрашиваете кого-то о том, как закончить его, он предложит вам теорию, ведь он не читал книги». Мне интересно, понимаете ли вы это.

Итак, это — настоящая медитация. Вы понимаете? Это настоящая медитация, которая заключается в исследовании того, может ли время когда-нибудь остановиться. Выступающий говорит, что может. Пожалуйста, внимание. Это говорит выступающий, а не ваша книга. Поэтому, если выступающий говорит, что оно заканчивается, а вы верите в эту надежду, то вы не читаете книгу, вы просто живете словами. А, живя словами, вы не растворите страх. Итак, вы должны читать эту книгу времени, погрузиться в нее и исследовать природу времени, исследовать то, как вы реагируете на время, то, каким образом ваши взаимоотношения основаны на времени. «Я знаю вас» — это означает время. Вы следите? Углубитесь в это. Это означает

также, что знание есть время. И если вы используете знание, как способ продвижения, вы пойманы во времени и, следовательно, пойманы страхом, тревогой, и весь процесс продолжается.

Исследование природы окончания времени требует безмолвного ума, ума, который способен наблюдать, который не испуган. Вы понимаете? Который способен наблюдать движение времени в вас самих, наблюдать то, как вы зависите от него. Знаете, если кто-то сказал бы вам, что не существует такой вещи, как надежда — пожалуйста, послушайте внимательно, — то вы бы ужаснулись, не так ли? Вы понимаете то, что я говорю. Надежда — это время. Итак, вы должны изучить природу времени и осознать, что ваш мозг, ваш ум и ваше сердце, которые есть одно целое, действуют во времени, обусловлены временем. И, следовательно, вы просите чего-то совершенно другого. Вы просите мозг, ум действовать по-другому, а это требует огромного внимания в вашем чтении. Вы понимаете?

Итак, господа, на этот вечер достаточно. Мы углубимся в вопросы удовольствия, смерти, рождения, во все это в следующие субботу и воскресенье. После этого, к сожалению, мы должны будем расстаться.

Шри-Ланка, третья публичная беседа

15 ноября 1980

У нас есть только эта беседа и завтрашняя, поэтому мы должны сделать лишь краткий обзор, и у нас нет возможности углубиться во все детали того, о чем мы собираемся поговорить. Но я уверен, что вы заполните пробелы.

Как мы сказали в прошлую субботу и воскресенье, человек должен научиться искусству слушания, искусству видения и искусству обучения. Слушание не означает интерпретирования того, что вы слышите, в соответствии с тем, к чему вы привыкли, и так, как легче для вас; это, пожалуй, — попытка разобраться, и не только в том, что говорит выступающий, но и слушание собственных мыслей, собственных эмоций, своих собственных реакций; не попытка их подавления, а просто наблюдение за ними. Слушание играет очень важную роль, если вы хотите слушать и достаточно серьезны для того, чтобы делать это очень внимательно, терпеливо и спокойно.

Так же, как мы говорили, искусство видения означает видение не только вашими глазами, не только визуальное восприятие, но также видение того, что лежит за словами, чтение между строк того, что есть на самом деле, ведь слова — это не реальность. Описание горы — не гора; текущая река со всей ее жизненностью видения означает покосерьезны для того на попытка их подавления привыкли и что вам легко, не пожалуя и водным объемом, это — река, но слово «река» не является тем, что живет. Итак, наблюдение должно быть очень острым, очень аккуратным, внимательным.

Искусство обучения также очень сложное дело. Искусство слушания, искусство видения и искусство обучения. Мы привыкли накапливать знания, знания, полученные через опыт, память, отложенная в мозге; и мы постоянно функционируем, учимся внутри этого поля известного. Известное — это прошлое, которое изменяется настоящим и продолжается в будущее. Мы постоянно функционируем внутри этой области, внутри этого поля и обучаемся через действие, через опыт, накапливаем его как память и функционируем, искусно или нет, опираясь на эту память. Это то, что постоянно делает наш ум. Исходя из известного — знание, действие,

обучение и, исходя из этого — обучение, накапливание большего. Это тот цикл, в котором мы постоянно функционируем. Если вы понаблюдаете за этим, то увидите, что это очевидный факт. Однако существует совершенно другой вид обучения — обучение, которое не является накоплением. Это — то, во что мы должны углубиться в наших беседах сегодня и завтра.

Как мы говорили, мы читаем книгу, которая является нами. Мы, каждый из нас, являемся всем тем, чем является человечество, то есть печалью, удовольствиями, желаниями, тревогами, болью, страхами, национальностями, культурами. Все это есть в этой книге, в книге, которая есть мы. Эта книга не отлична от нас. Мы есть эта книга. И я думаю, что очень важно — если мне можно на это указать — понимать это. Понимать, что то, что вы читаете — это вы; что вы не отличаетесь от того, что вы читаете, и если вы интерпретируете то, что читаете, согласно вашему желанию, согласно вашему удовольствию или страху, то вы совершенно не читаете эту книгу.

Этот страх, эта тревога, это страдание являются частью вас. Итак, если человек хочет читать эту книгу по-настоящему, то он должен видеть, что наблюдающий, читатель, является тем, что он читает. Мне интересно, понимаете ли вы это? Наблюдающий есть наблюдаемое. Мыслящий — это мысль. Без мысли не существует мыслящего. Это факт. Тот переживающий, который думает, что он должен переживать, и то, что он переживает — это переживающий. Однако большинство из нас думают, что мысль отделена от мыслящего, поэтому мыслящий всегда пытается контролировать, подавлять мысль и т. п. Когда человек действительно видит, что мыслящий — это мысль, тогда разделение между мыслящим и мыслью прекращается, и, следовательно, прекращается конфликт.

Он надеется, что мы можем погрузиться в это, что вы не просто слушаете беседу, некий набор слов, а, пожалуй, что мы вместе идем по одной тропе, тем же шагом, с тем же спокойствием и сомнением. Итак, мы можем погрузиться в это, углубиться в то, что не существует разделения между мыслящим и мыслью. Мысль создает мыслящего, и она же отделяет мыслящего. После этого мыслящий становится хозяином, который контролирует мысль. И этот контроль, это подавление, эта дисциплина мысли осуществляется мыслящим, которого создала мысль. Следовательно, мысль является мыслящим.

Итак, если это ясно, то разделение между мыслящим и мыслью отсутствует. Там, где есть разделение, должен быть конфликт. Это закон. Он имеет место в разделении между мусульманами и индуистами, одними буддистами и другими, в разделении между католиками и протестантами и т. д. Там, где есть национальное или религиозное разделение, там должен быть конфликт. Наши умы привыкли к конфликту; с момента нашего рождения и до нашей смерти идет постоянная борьба, постоянное сражение внутри самого себя и снаружи. И если человек, не на словах, не интеллектуально, а фактически осознает, что мыслящий есть мысль и что не существует разделения между этими двумя, то он начинает понимать природу конфликта и окончание конфликта.

Этим вечером мы должны углубиться в вопросы желания, удовольствия, страдания и, если у нас хватит времени, то также в то, в чем состоит весь смысл и значение смерти. Тот человек, которого всерьез заботит человечество с человеческим страданием, с человеческим конфликтом, человеческим насилием и всеми теми мучениями, через которые за свою жизнь проходит человек, должен глубоко исследовать природу и структуру желания. В нашей жизни желание играет огромную роль. По мере того, как мы растем, желание изменяется, меняются его объекты; однако желание есть желание, будь то желание машины, женщины или желание достичь бога, достичь просветления. Не существует возвышенного и низкого желания, есть лишь

желание.

Мы движемся вместе? Мы понимаем друг друга? Итак, мы собираемся очень внимательно изучить природу желания. Потому что в нашей жизни желание с его волей является постоянной движущей силой. Желание — это воля. Воля — это итог желания; и мы действуем, функционируем с помощью воли: «я должен» и «я не должен». Эта постоянная активность воли является сущностью желания. Верно? Можем мы продолжать? Итак, вместе мы собираемся изучать и учиться, учиться, а не просто повторять, учиться по мере нашего исследования и продвижения. Вы понимаете, что я имею в виду?

Мы собираемся посмотреть внутрь желания. И в этом взгляде внутрь желания вы начнете видеть, прозреете внутрь его природы. Когда у вас будет прозрение, понимание желания, тогда уже более не будет нужды в том, чтобы повторять структуру желания, которое станет просто словом. Я ясно выражаюсь? Нет? Если это не совсем ясно, то нужно поговорить об этом еще, прежде чем погружаться в это. Когда вы разглядываете, изучаете часы, разбираете их, видите, как они работают, вы обучаетесь тому, как работают часы. Это обучение тому, как работают часы — не просто память, вы поняли, как они работают, когда ходят. Верно?

Итак, мы смотрим внутрь желания. Вы знаете, что такое желание. Большинство людей знают это. Желание и нежелание. Во-первых, что есть это желание, которое играет такую значительную роль в нашей жизни? Большинство религиозных групп, монахи, представляющие различные религиозные направления, всегда советовали подавлять или преобразовывать желание. Они говорят, что если вы служите богу, то у вас не должно быть мирских желаний, вы не должны желать женщины, мужчины и т. д. Это всегда было процессом подавления, подчинения желания. Мы не подавляем, не избегаем и не преобразуем его. Мы исследуем природу желания.

Мы не делаем ни малейшей попытки избежать его, мы не пытаемся смотреть на него с целью от него убежать. Мы вместе собираемся проникнуть внутрь природы и структуры желания. Пожалуйста, поймите это. Мы не подавляем его, мы не избегаем его, и мы не пытаемся судить о нем разумно. Мы просто очень внимательно исследуем, что есть желание. Если вы понимаете его природу, тогда не будет возникать вопросов по поводу его подавления, вопросов о том, как его избежать, или о том, чтобы разумно в нем разобраться. Это ясно? Итак, мы спрашиваем: «Что есть желание?» Очевидно, что слово — это не чувство, не реакция. Следовательно, нам должно быть ясно, что когда мы используем слово «желание», само слово не является той реакцией, тем чувством, о котором мы говорим.

Это прекрасные цветы, не так ли? Вы знаете, в нашей жизни так мало красоты. В этой стране так много прекрасных деревьев, красивых облаков, чудесных цветов и орхидей. Мы никогда не видим их красоты. Мы слишком заняты своими собственными тревогами и проблемами, желаниями и беспокойством. Мы никогда не смотрим на закат и не наслаждаемся красотой света. Мы не только перестаем ценить внешнюю красоту, но также, по-видимому, лишь немногие из нас обладают красотой внутренней, той красотой, которая не зависит от вещей, от картин, от статуй или от заката, от дерева. Эта красота приходит только тогда, когда есть огромная любовь, сострадание, но не к чему-то, а само по себе. Но это — другая тема. Хотя без глубокого чувства красоты вы никогда не сможете прийти к тому, что есть истина.

Итак, что есть желание? Оно и лежащий в нем конфликт неотступно преследуют человека. Мы вместе рассматриваем, исследуем, изучаем природу желания. Не начинается ли желание с восприятия, с видения? Видения вашими глазами, с помощью визуального восприятия, видения цветов, деревьев, машин, женщин, видения мира? Это — начало желания: видение, вкус,

обоняние. Итак, видение дерева, дома, машины, женщины, мужчины, красивого сада — видение этого и прикосновение к этому, контакт с этим, а затем ощущение. После этого мысль — пожалуйста, слушайте — создает образ вашего обладания этим садом, этой машиной, тем или другим. Верно? То есть, видение, контакт, прикосновение, затем ощущение. Затем мысль говорит или создает образ того, как вы сидите в этой машине и ведете ее. Верно? Это ясно? Видение, контакт, ощущение, мысль, создающая образ, а затем рождается желание. В тот момент, когда мысль создает образ, рождается желание. Вы поняли? Мы вместе или нет? Нет?

А: Да.

К: Сэр, посмотрите на это, углубитесь в себя — и вы увидите это. Это очень простой факт. Факт того, что есть видение, контакт, ощущение, являющееся естественным, как естественно и создание мыслью образа того, что у вас есть эта синяя рубашка или какая-то особая одежда, и что в момент создания этого образа рождается желание. Вы можете увидеть это сами. Вы видите красивые брюки или рубашку, или что-то за окном; имеет место видение, вход в магазин, прикосновение к этой вещи, а затем мысль говорит, как это красиво будет на вас смотреться; вы формируете образ, и в этот момент желание расцветает. Верно? Итак, если вы действительно поймете то, что, когда мысль создает образ, начинается желание, тогда может ли этот образ прийти к концу? Вы следуете за мной? Мы все еще вместе или уже нет?

Я не говорю с самим собой. Я бы мог, выступающий бы мог, если бы хотел, делать это в этой комнате. Но мы погружаемся в это вместе. Вы, возможно, незнакомы с этим объяснением того, что есть желание. Если вы с ним незнакомы, тогда, пожалуйста, слушайте, отложите в сторону свою обусловленность, говорящую, что вы должны не желать или должны желать, и все подобное. На некоторое время отложите это в сторону и взгляните на это очень внимательно. В тот момент, когда мысль создает образ того, как вы сидите в этой машине, носите эту рубашку, рождается желание.

Теперь, возможно ли научиться лишь видению, контакту, ощущению и не позволять мысли создавать образа? Вы поняли это? Ну, господа! Вы поняли это? Есть дисциплина, то есть, видение, контакт, ощущение и — в тот момент, когда мысль создает образ — желание. Дисциплина означает обучение. Слово «дисциплина» происходит от латинского «disciple» — ученик, то есть тот, кто учиться. В нашем понимании слово «дисциплина» означает копировать, имитировать, соответствовать, подчиняться, следовать. Все это полностью отрицает обучение. Верно? Итак, человек учится тому факту, что желание начинается тогда, когда мысль вмешивается в ощущение.

Вы испытали большое удовольствие; предположим, что вчера было что-то, принесшее вам удовольствие, это было записано в мозге, и желание говорит, что у меня должно быть больше этого удовольствия. Верно? Итак, дисциплина означает обучение. И мы вместе учимся природе желания. Верно? Если я могу спросить, поняли ли вы, увидели ли вы, как приходит желание? Если вы хоть раз увидели это, действительно увидели, тогда больше уже никогда не возникнет вопроса подавления или контроля желания или попытки его изменить. Если вы поняли то, как желание возникает, и если в тот момент, когда мысль создает образ, вы совершенно внимательны, то больше не возникает вопроса, как подавить желание, избежать его или судить о нем разумно.

Желание — это удовольствие. Все мы — рабы удовольствия, удовольствия обладания, удовольствия от обладания властью, не властью больших политиков, а властью над своей женой, над своими детьми, над своими подчиненными, над теми, кто ниже вас. Это — желание власти, имеющееся у большинства людей. Это — форма удовольствия. И человек постоянно преследует

его. Если вы не удовлетворены одной вещью, вы ищете другую. Если вам не нравится ваша жена или муж, вы меняете их. И это преследование удовольствия, полностью отличается от наслаждения.[20 [нажми](#)] Можно мне продолжать?

Вы внимательны или вы спите? удовольствие всегда было одной из движущих сил в нашей жизни. Пожалуйста, поймите, о чем я, ведь мы подходим к чему-то достаточно сложному. Итак, мы должны понимать удовольствие: сексуальное удовольствие, удовольствие обладания, удовольствие денег, то удовольствие, которое испытывает аскет, когда тренирует свое тело, полностью контролирует его, удовольствие веры, то высшее удовольствие, возникающее тогда, когда человек верит во что-то. Он верит в бога, и это настолько огромное удовольствие, что он не хочет, быть потревоженным. Сейчас, мы собираемся посмотреть внутрь природы удовольствия.

Как уже сказал выступающий, наслаждение совершенно отлично от удовольствия. Когда вы видите прекрасный закат или широко текущую реку, тогда есть наслаждение, есть красота этого. Ум записал эту воду, ее красоту, отраженный в ней свет, ее быстрое течение; он получил огромное удовольствие, и он хочет его снова; на следующий день он возвращается для того, чтобы увидеть реку снова, надеясь опять получить это удовольствие. То же самое происходит и тогда, когда вы видите закат или красоту цветка. Наслаждение — это не удовольствие, потому что вы наслаждаетесь этим и это заканчивается, однако если это записано, то начинается погоня за тем, чем вы наслаждались, от чего вы получили удовольствие.

Это продолжение прошлого через настоящее в будущее. Вы поняли это? Это наше постоянное движение в жизни: желание и удовольствие. Удовольствие означает избегать наказания и держаться за то, что приносит удовольствие. Поэтому наши умы постоянно действуют в границах наказания и награды. Если вы религиозны, то думаете, что рай — это высшее удовольствие, ведь рай — это награда за хорошие дела, за праведную жизнь и т. д. Если вы не совершаете праведных дел, то вы отправитесь в другое место. Всегда существуют награда и наказание. Но являются ли удовольствие и желание любовью? Словом «любовь» настолько злоупотребляют, оно настолько унижено, настолько оплевано, что потеряло свою красоту. Мы связываем любовь с сексом. Итак, мы должны спросить: «Является ли любовь удовольствием или желанием?» Спросите это, господа. Я спрашиваю, выступающий спрашивает об этом; вы должны задать этот вопрос себе и сами искренне ответить на него. Мы еще углубимся в это после того, как вникнем в вопрос страдания.

Человек на протяжении многих веков живет со страданием, и он, по-видимому, никогда не был способен прекратить его. Это один из хорошо знакомых нам способов переносить нечто неприятное, нечто, приносящее нам сильную боль. И мы никогда не можем найти возможность избавиться от страдания. Существуют различные способы страдания. Это не только потеря, которую вы испытываете, когда умирает кто-то, кого, как вам кажется, вы любите. Это также страдание от потери положения, от бедности, от несправедливости, от чувства собственной неполноценности, от той крайней невежественности, в которой живет человек, несмотря на все накопленные им знания о небесном и земном и его технические знания. Несмотря на все эти знания, он по-прежнему невежествен, и это приносит огромное страдание.

Итак, мы живем со страданием, и мы приняли его. Мы никогда не спрашиваем, может ли оно закончиться. Есть такие, которые объясняют нам, как выйти за пределы страдания. Они говорят, что для этого надо верить в бога, верить в вашего спасителя, верить в Будду, верить в Кришну или во что-то еще. Итак, мы рождены в нескончаемом страдании, и мы спрашиваем, может ли страдание прекратиться, но не на какое-то время, а полностью, так, чтобы ум, который борется в этой боли, в этой печали, находился в совершенно другом состоянии, в совершенно другом движении. Страдающий ум не может мыслить ясно, страдающий ум не может любить,

страдающий ум убегает в те образы, которые создает воображение. У страдающего ума нет отношений с другим человеком, как бы близки они ни были; они могут даже жить вместе, но у страдающего ума не может быть взаимоотношений.

Страдание превращается в изоляцию. Существует не только личное страдание, но также страдание всеобщее, страдание человечества: страдание в результате войн, пролитие слез миллионами людей, мать, которая теряет ребенка, человек, пытающийся удовлетворить свое честолюбие, желающий стать великим, не способен этого достичь и поэтому страдает. Мы нашли утешительные способы облегчения наших страданий. Когда человек страдает, он ищет утешения, и это утешение может быть чем-то реальным или иллюзорным, какой-то романтической иллюзией, фантазией. Мы спрашиваем: «Возможно ли положить конец печали?» Пожалуйста, если вы буддист, не говорите о том, что Будда сказал то-то и то-то, мы уже слышали это. Ведь это означает лишь то, что вы просто цитируете кого-то, а этот человек, каким бы великим он ни был, не может быть способом положить конец вашему страданию. Итак, пожалуйста, выясните, возможно ли прекратить печаль. Ведь без прекращения печали нет сострадания.

Почему человек страдает? Вы все знаете, что такое страдание, но вы никогда не задавали себе вопрос: «Почему?» Никогда не углублялись в него, не завися ни от кого, не завися от Будды, не завися от того, что говорят другие религиозные лидеры в других странах. Отложите все это в сторону; ведь все, что они сказали, может быть истинным, а может быть и нет, но вы, как человек, страдаете, и если вы не решите эту проблему, не завершите ее, не разрешите ее, то ваша жизнь будет становиться все более и более механической, все более и более повторяющейся и, пожалуй, поверхностной. Вы можете повторять и читать священные книги, повторять священные высказывания, но ваша жизнь становится все более, более и более поверхностной, что и происходит. Поэтому так важно разобраться, может ли печаль прийти к концу.

Что есть печаль? Это потеря чего-то? Потеря работы, потеря ваших, так называемых, возлюбленных, потеря престижа, власти, положения, денег? Что есть печаль? Это жалость к себе? Во время нашего разговора исследуйте это. Говорящий — это лишь зеркало, которое есть вы, ваша книга. А когда вы смотрите в зеркало, оно не важно, важно лишь то, что вы в нем видите. После вы можете выбросить зеркало, разбить его, ведь иначе вы превратите зеркало в образ. Итак, что есть печаль? Потеря кого-то, одиночество человека, человеческая изоляция, то горе, которое приходит, когда у вас нет взаимоотношений с другим, и, в конечном счете, смерть. Жалость ли это к себе, как мы сказали? Изучите это, сэр, не стесняйтесь этих вещей. В исследовании этих вещей надо быть очень точным. Это жалость к себе? Потеря кого-то, кому вы отдали всю вашу привязанность, вашу заботу, вашу, так называемую...

Вы отдали кому-то все это, и этот человек умирает, уходит, убегает, отвергает вас, и вы чувствуете себя настолько несчастным. Это одна из форм горя. Другая — это когда ваш ум становится настолько традиционным, настолько повторяющимся, механическим, что вы не можете видеть чего-то сразу, не способны увидеть чего-то истинного немедленно. В этом есть огромная печаль. По мере того, как человек стареет, имеют место болезни, тело ослабевает, и ум постепенно теряет свои способности. Это некоторые из факторов, и, глядя на них, вы должны разобраться, каковы ваши реакции на них, каков ваш ответ, то есть, вы хотите власти, вы хотите денег, вы хотите положения, вы хотите справедливости, вы хотите общественной революции.

Вы хотите разобраться в том, действительно ли вы серьезный, религиозный человек, вы хотите найти что-то вневременное, то, что есть истина. И ум, являющийся запутавшимся, неуверенным, незащищенным, постоянно страдает. Является ли одним из факторов также и то,

что ум никогда не может найти безопасность? Человек может чувствовать безопасность в работе, он может чувствовать безопасность в семье, — в чем я сомневаюсь, в чем человек постоянно сомневается — безопасность в вашем веровании, но в веровании, как и в вере, совершенно нет безопасности, ведь сомнение разрушает веру. Сомнение разрушает все, во что вы верите.

В конце всех этих объяснений страдания следует сказать, что человек страдает не только из-за себя, но страдает также, когда смотрит на этот мир, со всем его несчастьем, смятением, бедностью, мерзостью, насилием, войнами. Когда человек видит все это, имеет место огромная печаль. Может ли прийти конец печали? Выступающий говорит, что может. Вам нельзя принимать то, что он говорит; он не авторитет, он не гуру, а вы не его последователи. Последователи разрушают гуру, а гуру разрушает последователей. Итак, возможно ли видеть природу страдания и не убегать от него, не пытаться найти утешение, не пытаться объяснить его, говоря, что это моя последняя жизнь, поэтому я плачу за нее. Вы знаете все эти ухищрения ума. Что означает, можете ли вы оставаться со страданием без какого-либо движения мысли?

В тот момент, когда мысль приходит и говорит, что она должна найти способ избавиться от этого, страдание по-прежнему существует, вы лишь убегаете от него. Но если при встрече с тем, что вы называете страданием, вы останетесь совершенно неподвижным, тогда вы увидите, что страдание полностью заканчивается и что существует совершенно другое начало.

Мы также должны вместе углубиться в вопрос: «Что есть смерть?» Ведь это часть нашей жизни — жизнь и умирание; жизнь со всем, что в ней есть уродливого, со всей ее красотой, страданиями, тревогами, борьбой — и смерть, убивающая организм с помощью болезни, старости или травмы. Большинство людей, независимо от того, религиозные они или нет, боятся смерти. То есть они живы и поэтому говорят, что смерть можно отложить. Вы понимаете, что я говорю? Существует промежуток, широкий разрыв между жизнью и смертью. Это — факт. Почему мы делаем это? Почему ум разделяет жизнь и смерть? Пожалуйста, выясните. Это — ваша проблема. Если вы живы, если вы активны, если вы не просто в соответствии с традицией повторяете, повторяете, выясните в своем сердце, в своем уме, в своем мышлении, почему на протяжении веков человек разделяет жизнь и умирание.

Это означает, что между ними оказывается время. Вы понимаете — время? Это время может быть годами или двумя днями. Между жизнью и умиранием есть промежуток, являющийся временем. Верно? Ну, господа! Почему? Для того, чтобы выяснить это, нужно исследовать, что есть жизнь и что есть умирание. Вы понимаете, господа? Мы вместе? Мы движемся вместе? Или у вас уже есть объяснения по поводу смерти, или вы уже верите в реинкарнацию, в карму, в то, что вы воскреснете в раю и т. д. Что означает, что вы обусловлены, ваш ум настолько сужен верой, заключением, что вы неспособны ответить на этот вопрос; что означает, что ваш ум стал рабом слов, рабом верований, рабом каких-то утешающих, удобных заключений, идей. В этом случае вы никогда не поймете, почему люди делали это тысячелетие за тысячелетием, проводили это разделение, вызывали этот конфликт, этот страх. Следовательно, для того, чтобы разобраться в этом, вы должны разобраться в том, что есть жизнь.

Не является ли жизнь, ваша повседневная жизнь, работой с девяти утра до пяти или шести вечера, день за днем, месяц за месяцем, год за годом, повторением, повторением, повторением? Это — часть жизни. Жизнь со своей семьей, со своей женой, со своим соседом, конфликт между вами и вашей женой, вами и вашим соседом, сексуальные желания, их удовлетворение, погоня за ними и вечно существующий конфликт между людьми. Конфликт между тем, что есть и тем, что

должно быть, стремление держаться за авторитет[21 [нажми](#)] — политический, религиозный, мысли о том, что религиозный человек обладает авторитетом. Вы понимаете, насколько глупым это стало?

Итак, что есть жизнь? Пожалуйста, ответьте на это сами. Что есть жизнь? Это лишь постоянная борьба, с редкими моментами радости, погоня за удовольствием и страх? Это так, это — вся жизнь. Никто не может этого отрицать. Вам не нужно идти ни к какому священнику, ни к какому психологу, ни к какому гуру; это ваша жизнь: механическая, повторяющаяся, традиционная, с верой во что-то, что не имеет никакой ценности. Важно то, что вы делаете, как вы действуете, как себя ведете — все это.

Итак, это то, что мы называем жизнью: жизнь в привязанности к другому с ее страхами, тревогами, ревностью. Там, где есть привязанность, есть разложение.[22 [нажми](#)] Когда человек держится за авторитет и привязан к этому авторитету, он несет разложение. Когда высокого ранга священник держится за свое положение, становится авторитетом, он с неизбежностью культивирует разложение. Все это происходит прямо у вас перед глазами, прямо перед вашим носом. Это то, чем является наша жизнь. Вы боитесь отпустить все это. Отпустить все это означает умереть. Верно?

Это то, что вы считаете смертью. Вы привязаны к вашим деньгам, к вашему положению, или вы очень бедны — в этом нет справедливости, ничего — вы внутренне пусты, не удовлетворены. Это — жизнь. и вы держитесь за это. Это также известное. Верно? Это известно, каждый знает это. А неизвестное — это смерть. Вы можете говорить, что существует реинкарнация, что этому есть доказательства и т. д. и т. п.; мы позже углубимся в это, если у нас хватит времени. Итак, это — наша жизнь. Можете ли вы положить конец привязанности, пока вы живы? Привязанности к вере, к человеку, к семье, к идеалу, к определенной традиции; вы можете позволить этому уйти? Смерть заставит вас сделать это. Привязанность одного человека к другому может быть очень глубокой, ведь вы одиноки, вам нужно удобство, утешение, вам нужны дружеские отношения, вы не можете остаться в одиночестве.

Поэтому вы зависите, а зависимость означает привязанность, а когда существует привязанность, то существует ревность, тревога, страх; и из этого проистекают все ваши действия, что есть разложение. Теперь смерть говорит, что вы умрете. Вы способны закончить это, пока вы живы? Вы понимаете мой вопрос? О да, вы понимаете его очень хорошо. Это очень просто. Положим, что выступающий привязан к своему положению, — прости Господи! — он не привязан, но предположим обратное. Подумайте об этом разложении, о том, как приходит в упадок ум. Ему нужна аудитория, он зависит от аудитории, он получает от нее энергию, чем аудитория больше, тем лучше; вследствие этого возникает соперничество и весь связанный с этим ужас. Итак, окончание — это начало чего-то совершенно нового. Полное окончание привязанности — это смерть. Когда вы полностью завершаете ее, существует совершенно новое измерение бытия. Тогда, что же такое смерть?

Мы взгляделись в то, что такое жизнь с ее хаосом, страданием, смятением, с ее непрочным порядком и тяжелым трудом, бесконечным трудом. Что есть смерть? Смерть связана не только с физическим организмом, с тем, что тело стареет, болеет или травмируется, с ним плохо обращаются, бесконечно потакая себе; постепенно — сознательно или вследствие сильной боли или болезней — аппетит, возбуждение, ощущения сходят на нет. Итак, что есть смерть? Умирание организма? Мы знаем это. Мы признаем это. Мы видим это. Но мы говорим также, что есть что-то такое, что не может умереть — душа, Атман, нечто вечное, — есть разные верования — нечто, что возродится после того, как вы умрете. Некоторые из вас верят в это очень глубоко, хотя некоторые из вас буддисты и т. п. Все религии предлагают различные формы утешения, но утешение — это не истина, утешение — это непонимание ума, который не

способен проникнуть сквозь всевозможные иллюзии, догмы, ритуалы.

Итак, существует ли в человеке что-то вечное, есть ли в вас это? Есть ли в вас нечто вечное, что может родиться в следующей жизни? Просто верить в реинкарнацию бессмысленно. Если вы верите в это, тогда то, что вы делаете сейчас, сегодня, бесконечно важно. Верно? Если вы верите в реинкарнацию, то вследствие того, что вы делаете сейчас, вы получите лучшее положение, лучший дом, — вы знаете это — или будете ближе к раю, что одно и то же.

Итак, есть ли в вас что-то вечное: «я», «вы», ум, который говорит: «Я вечен»? Есть ли что-то вечное, или все движется, меняется, и нет ничего постоянного? Являются ли постоянными ваши отношения с другим, являются ли постоянными ваши боги, боги, которых создала мысль для вашего утешения, для того, чтобы убежать от страданий повседневности в нечто драгоценное, что есть иллюзия? Вместе мы спрашиваем, хотим выяснить для себя, есть ли в нашей жизни что-то постоянное? Этот дом постоянен, если только не случится землетрясение. Постоянны деревья, океан, реки, постоянны горы.

Кроме этого, есть ли в вашей жизни что-то постоянное, нерушимое? «Я», это создано мыслью; имя, форма, качества, характер, индивидуальные особенности, способности, таланты и т. д. — все это результат вашей культуры и определенного образования. Нет ничего постоянного, вы не постоянны; у вас есть физическое тело, однако ваши мысли не постоянны, они постоянно изменяются; вы находите утешение в своих верованиях и думаете, что в вашей вере имеется безопасность. Поэтому очень трудно отказаться от того, во что вы верите.

Вера — это лишь слово, лишь идея, некая концепция, в которой вы ищете убежища. Безопасности не существует. Вы наблюдали за вашими религиозными людьми, за тем, как безопасно они себя чувствуют в своем положении, в своей вере, в своей догме? Эта безопасность есть лишь форма иллюзии. Итак, нет совершенно ничего постоянного. Сознание этого может вызвать сильную депрессию, меланхолию, но это не так. Когда вы видите тот факт, что нет ничего нерушимого, само это видение есть разумность, и в этой разумности существует полная безопасность. Это не ваша или моя разумность, и в этой разумности есть полная безопасность. Эта разумность не является вашей или моей, это — разумность. До тех пор, пока есть привязанность, должно быть разложение; немедленное видение истины этого и немедленное окончание этого есть разумность. Эта разумность является единственным фактором безопасности; не безопасности, — это неточное слово — этой разумности, не являющейся вашей или чьей-то еще, а разумности чего-то бесконечного.

Завтра мы, возможно, поговорим о природе близости, о любви и сострадании, о медитации. Как мы уже сказали, там, где есть страдание, не может быть сострадания; когда есть сострадание, оно обладает своей собственной разумностью.

Шри-Ланка, четвертая публичная беседа

16 ноября 1980

Это последняя беседа. В предыдущих трех мы обсудили проблемы человеческой жизни, существования, множество психологических, политических, религиозных и повседневных проблем человека. Как мы уже говорили вначале, что вместе идем по одной и той же дороге. Говорящий не ведет вас, он, если вам будет угодно, лишь задает темп. Мы говорили о

взаимоотношениях, страхе, удовольствии и об окончании печали. Мы также говорили о важности сомнения, важности того, чтобы все ставить под вопрос, о неприятии чего бы ни было на веру.

Этим вечером мы углубимся в вопрос религии, в вопрос величия ума, в то, существует ли что-то за пределами ума или есть лишь то, что создала мысль, как внешне, так и глубоко внутренне. Мысль использовалась в качестве инструмента в технологических, научных, медицинских целях; мысль также исследовала вселенную, дойдя до Венеры и Марса. Человек побывал на Луне, водрузив там свой маленький флаг. Человек был в космосе, под землей, в океанах. Человек использовал свою безграничную способность в направлении внешнего контроля, контролируя космос, контролируя природу, окружающую среду и т. д. Однако человек, то есть вы и я — говорящий, не исследовал величия и глубины ума. Ум, как мы видим, обрел необычайные способности в мире технологии; они делают совершенно необычайные вещи.

А восток лишь имитирует, усовершенствует или копирует. И мы никогда не задавали вопрос: «Что есть ум? Что лежит за пределами сегодняшнего сознания?» Мы смогли понять, что за огромная энергия находится в уме. Мы используем ум не только в качестве его способности к работе, в качестве деятельности мозга, но и в отношении своих чувств, ответов наших органов чувств, привязанности, любви — всех человеческих реакций. Также мы используем способность мозга обучаться, забывать, записывать и действовать — умело или нет — в соответствии с тем знанием, которому он обучился.

Этим вечером мы, если сможем, если вам это интересно, откроем для себя, в чем величие ума. Это безграничный вопрос. Вы, возможно, посчитаете это нахальством. И сочтете, что говорить об этом — кощунство. Однако мы — люди, будучи настолько обусловленными, насколько мы есть, живем внутри того маленького круга, который сами создали, в маленьком углу этой огромной Земли, и воюем друг с другом за этот угол, за то, кто будет управлять, кто будет политиками, священниками и т. д.

Но для того, чтобы действительно глубоко погрузиться в безбрежность ума и его способностей, вам, во-первых, должно быть совершенно ясно, что для того, чтобы исследовать это, необходима абсолютная тишина. Не та тишина, которая вызвана мыслью, тишина, которую приносит награда или наказание, а тишина, в которой отсутствует мотив. Существуют различные виды тишины: тишина между двумя мыслями, тишина между двумя шумами, тишина, возникающая тогда, когда перестает петь птица, тишина моря, на котором полный штиль, и тишина вечера в момент, когда почти село солнце, этого торжественного часа с его необычайным ощущением приближающейся ночи.

Человек искал тишины за пределами слов, а религия пыталась дать объяснение или разумный смысл с помощью многих веков пропаганды — христианской пропаганды, буддистской пропаганды, индуистской, исламской и т. п. Она заставила человека принять, поверить и настолько религиозно его обусловила, что сделала для него практически невозможным выйти за пределы этой обусловленности. Он делает из этой обусловленности лучшее, что может, и пытается убежать из этой тюрьмы в различные фантастические образы, концепции, теории, теологические исследования и т. п.

Я надеюсь, что мы следуем друг за другом. Все религии превратились просто в слова, в лозунги, в постоянное повторение того, что я буддист, что я христианин, принадлежащий к какой-то ветви христианства, индуист с его тысячей богов или мусульманин с его богом. Нам говорили это на протяжении тысячелетий, поэтому наш мозг так сильно этим перегружен, но

совершенно очевидно, что тот человек, который пытается выяснить, что есть истина, не может принадлежать к какой-либо организованной религии, к какому-либо верованию во многих богов или в одного бога. Он должен быть свободен от ритуалов, от всех религиозных символов, образов, от авторитета высоких священнослужителей и т. п. Может ли ум, может ли ваш ум быть настолько свободен?

Он не свободен, потому что постоянно ищет безопасности не только физически, но также внутренне, психологически, глубоко в тайниках ума; мысль постоянно ищет какой-то надежды, какого-то утешения, безопасности, состояния постоянства. И в своем поиске она попадает в ловушки священников по всему миру с их организациями, их ритуалами и т. п. Итак, может ли ваш ум быть свободным от этого? Иначе вы являетесь пленниками, вы не настоящие люди, вы лишь функционирующие машины.

Недавно мы беседовали с компьютерным специалистом по поводу игры компьютера в шахматы с гроссмейстером. Первые две или три игры гроссмейстер выигрывает у компьютера, а потом компьютер начинает выигрывать, ведь он учится. Когда он проигрывает, он учится тому, какой ход привел к его поражению. То есть он обретает опыт, учится своей первой ошибке, затем второй ошибке, обретает опыт, учится и делает так до тех пор, пока не выиграет у гроссмейстера. Вы понимаете, что я говорю? И мы, то есть человеческий ум, действуем точно так же: опыт, знание, память, действие — и, исходя из этого действия, мы учимся, приобретаем больше знания.

Итак, мы постоянно повторяем этот цикл. То есть, мы постоянно движемся от известного к известному и действуем, исходя из известного, как компьютер, как последние компьютеры, которые могут исправлять собственные ошибки, которые могут получать опыт и учиться; и они думают намного быстрее человека, быстрее решают проблемы. Итак, наши умы действуют более или менее по той же схеме. То есть, наши умы становятся механичными. Если ваше образование — это образование инженера, то всю вашу оставшуюся жизнь вы будете продолжать думать тем же образом — как строить мосты, железные дороги, самолеты и т. д. Или, если вы хирург, то вы тратите на обучение десять лет и всю оставшуюся жизнь вы являетесь великолепным или посредственным хирургом.

Или вы тратите десять лет на чтение различных религиозных книг различных направлений и становитесь экспертом, становитесь способным спорить, но все равно движетесь от известного к известному. Я надеюсь, что вы следуете за всем этим. Следуете?

А наша жизнь, наша повседневная жизнь настолько механична: хождение в офис с девяти утра, повторение одного и того же, возвращение домой, секс, ссоры, амбиции, тщеславие, предрассудки и т. д. Эта — наша жизнь. И наш мозг, наш ум настолько обусловлен этим, что за этой обусловленностью мы не видим, что кризис — в самой обусловленности. Технологически этот мир так быстро изменяется, однако морально, этически, мы остаемся прежними, возможно, немного другими, несколько более усложненными, несколько более утонченными, держась друг от друга на значительном расстоянии. Мы настолько сильно обусловлены, мы верим в Бога или не верим в Бога. Но верим мы в Бога или нет, религии играли в нашей жизни огромную роль.

В Европе были религиозные войны, инквизиция, во имя Бога или во имя чего бы то ни было пытали, отлучали от церкви. Похоже, что только буддизм и индуизм не одобряли убийства, хотя здесь, в Шри-Ланке, мне сказали, что вы едите мясо и называете себя буддистами. Будда вроде бы сказал: «Не убий». Видите, это как раз то, что мы говорим: религия — это лишь притворство. Она не настоящая. В ней нет глубины, это просто набор слов, цитат, авторитет; нечто совершенно не связанное с нашей повседневной жизнью. Наша повседневная жизнь — это

насилие, убийство; это привычно нам, и мы убиваем людей, животных для удовлетворения своего аппетита.

Это — факты, а не выдумки говорящего. Посмотрите на свою жизнь, когда вы говорите, что вы буддисты, посмотрите на нее. Вы не буддисты, вы только называете себя ими, в действительности вы такие же люди, как и все остальные в этом мире, с их тяжелым трудом, смятением, несчастьем, печалью, болью и всем остальным. Итак, вы — это мир, а мир — это вы. Это совершенно бесспорно. Психологически, вы — это мир, а мир — это вы. Когда человек осознает этот факт, он становится поразительно ответственным за то, что он думает, что делает, как себя ведет. И наши умы, как мы уже говорили, становятся тем, что мы есть, мы являемся нашими умами, мы есть наше сознание. Наше сознание — это его содержание: страх, боль, удовольствие, вера, «я хочу», «я не хочу». Вы знаете это. Сознание с его содержанием — это то, чем мы является.

Теперь, медитация — это успокоение этого содержания. Медитация — это опустошение нашего сознания от всего его содержания. Движемся ли мы вместе, выступающий и вы? Хотя бы интеллектуально, хотя бы на словах? Возможно, что кто-то из вас, следует за мной не просто интеллектуально, не просто на словах, а глубоко погружается в это. Слово «медитация» означает «подумать над чем-то, поразмышлять»; это значение слова, указанное в словаре. И ум, глубоко исследующий то, что есть медитация, не то, как медитировать, намного более важен, чем то, как медитировать. Это не тибетская медитация, не буддистская, не индуистская, не китайская, дзен или какая бы то ни было. У каждой из них есть своя особая система, со своими практиками, дыханием, сидением в особенной позе, со всеми теми, созданными мыслью вещами, по поводу того, какой должна быть медитация.

Мы исследуем не только то, что такое религия, — не организованная религия, со всей этой бессмыслицей — а что это за ум, являющийся религиозным. Мы также пытаемся выяснить то, что такое медитация. Если вы, как многие другие, практиковали дзен, индуистскую или другую форму медитации, изобретенную или традиционно объясненную различными гуру, то вы знаете, что все они основаны на контроле, дисциплине, практике и вере в то, что говорит какая-то организация, авторитет или гуру. Для выступающего все это — не медитация. Вы можете медитировать двадцать минут в день, а остальное время по-прежнему быть злым. Это не медитация. Вы можете принадлежать к какой-то группе, практикующей какую-то свою медитацию. В мире во имя медитации происходит множество самых разнообразных вещей, особенно в последнее время; индийские гуру привезли всю эту бессмыслицу в Европу, и люди там практикуют ее, одному Богу известно зачем. Возможно, из-за денег или для здоровья, или для того, чтобы лучше контролировать свою память и т. п.

Пожалуйста, внимательно прислушайтесь к вопросу. что есть медитация? Вы, возможно, помните одну, часто повторяемую и, наверное, придуманную мной историю о том, как два человека, шли по улице, глядя на деревья, дома, тени, хорошо сложенные стены и т. п. Так они гуляли, и вдруг один из них поднимает что-то, и его лицо сразу засветилось, стало удивительно прекрасным, с ясными глазами, с определенным достоинством, с чувством благословения. Тогда его друг спрашивает: «Что с тобой, что ты подобрал?» А первый отвечает: «Я думаю, что это истина, и я буду хранить ее». Итак, он кладет ее в свой карман, а его друг говорит: «Я думаю, что могу помочь тебе, мы можем организовать ее». Вы понимаете, о чем я? Мы зависим от организаций, от таких организаций как почта и т. п. Эти организации необходимы.

Мы зависим от организаций в психологическом понимании себя. Мы зависим от групп, от учителей, от лидеров и т. д. Ни политики, ни ученые, ни признанные религиозные лидеры

никогда не смогут решить проблемы человечества. Никогда. То, что вы создали: политиков, религиозные организации — все это создано человеком, создано вами в вашем стремлении получить утешение, из-за желаний безопасности, защищенности и т. д. Человек, который хочет проникнуть в глубину религиозного ума и понять его смысл, не принадлежит к какой-либо группе или организации, ни к одной из так называемых религиозных организаций. Теперь, можете ли вы оставить все это сейчас, не завтра, не говоря, что вы подумаете об этом? Ведь в этом случае вы никогда не сделаете этого.

Сэр, просветление не относится к времени, просветление не приходит через годы практики, через годы самоотречения, через годы аскетизма. Времени нет места в религиозном уме. Мне интересно, понимаете ли вы это? А мы, каждый человек на земле, говорим: «Дайте мне время достичь этого райского состояния, испить этого райского молока».

Итак, если мы исследуем, то действие — это восприятие; виденье и действие одновременны. Я объясню это заявление. Что мы обычно делаем? Вы делаете заявление, такое как, например, «привязанность ведет к разложению». Это сказал выступающий. Вы слышите это, вы привязаны и вы говорите, что, конечно, в этом есть некоторое разложение, но привязанность необходима; вы говорите, что привязаны, потому что вы одиноки, потому что хотите утешения и всего прочего. Теперь, когда вы слышите, если вы чувствительны, бдительны, наблюдательны, то сам этот момент восприятия, являющийся истиной, есть действие. Это означает немедленное оставление привязанности.

Это — разумность, не тот хитрый ум, который может спорить, выдвигать разнообразные мнения, доктрины, рассматривать что-то с точки зрения диалектики. Все это — не разумность. Разумность — это видение. Например, видение того, что национализм — это яд для мира, видение истины этого означает немедленную свободу от национализма. Эта свобода в действии означает разумность. Эта разумность не ваша или моя, это — разумность истины, проявляющаяся в действии.

Итак, медитация — это свобода от всяческого измерения. Вы понимаете это утверждение? Свобода от всяческого измерения. Наши умы постоянно измеряют — больше, меньше, более могущественный, менее могущественный, жадный, а я не буду жадным. Ум и слово «медитация» также означают измерение. Может ли ум быть свободным от измерения, которое есть сравнение, подражание, следование? Это — измерение. Без измерения технологический мир не может существовать. Весь западный мир основан на древнегреческом подходе к интеллекту. Согласно им, измерение было единственным способом исследования.

Способны ли ваши умы сейчас быть свободными от измерения, от «больше», «меньше», от того, то должно быть, и то того, что быть не должно, свободными настолько, чтобы не было никакого движения, которое есть измерение? Мне интересно, насколько вы следите за всем этим? Или уже слишком много для одной встречи? И, так как это последняя встреча, я должен подвести итог, сжать все в один час двадцать минут или около того. Но если вы отдадите этому свой ум, то есть ваше слушание, видение и обучение, тогда вы увидите, что наша жизнь основана на измерении.

Честолюбие — это измерение. Привязанность стала измерением. У любви отсутствует измерение. Но мы не знаем, что есть любовь. Мы знакомы с удовольствием, с желанием, но желание и удовольствие — это не любовь. Сейчас вы слышите это утверждение и начинаете сомневаться, ведь вы живете удовольствием, желанием, у вас есть сексуальные образы, и вы не можете оставить все это. Итак, вы спрашиваете: «Так ли это? Как возможно человеку оставить это?»; что означает, что вы, на самом деле, не слушаете. Вы не хотите оставлять или хотите найти причины для этого.

Вы уходите от слушания как такового. А выступающий говорит, что медитация — это

движение без измерения. Вы понимаете красоту этого? Нет? Безмолвие ума неизмеримо. Оно имеет место, только когда ум совершенно тих, без единого движения мысли, оно может прийти только тогда, когда вы поняли содержание своего сознания. Когда это содержание, которое есть ваша повседневная жизнь, ваши реакции, ваши обиды, ваше тщеславие, ваши амбиции, ваше коварство и хитрые обманы, неисследованная часть вашего сознания — когда все это будет охвачено наблюдением, без выделения одного за другим и избавления от этого по очереди. Вы понимаете все это? Мне интересно. Вы знаете сэр, говорящий должен углубиться в нечто, что, я надеюсь, сделает эти вещи более ясными. Возможно, это несколько усложнит это, сделает более туманным, но я должен углубиться в это.

Мы привыкли к контролю и конфликту. Мы привыкли к идее, к представлению о том, что жизнь — это сражение, борьба. Мы говорим, что природа — это постоянная борьба: тигр убивает оленя. То есть мы постоянно сравнивает нашу борьбу, наше тщеславие, наше насилие с природой. В природе есть порядок. Беспорядок возникает только с вмешательством человека. Это совершенно очевидно, мы можем это видеть. Человек убил пятьдесят миллионов китов. Подумайте об этом ужасе. Они убивают детенышей тюленей из-за прибыли и т. д.

Можем ли мы действительно глубоко погрузиться в себя, увидеть содержание одним взглядом, а не кусочек за кусочком.

Это требует внимания. Я хочу углубиться в то, что есть внимание. Когда выступающий говорит «внимание», вы хотите знать, что это. Он должен это объяснить. Однако, если бы ваши умы были бдительны, вы сразу узнали бы, что есть внимание. Вы не можете культивировать внимание. Вы можете культивировать концентрацию. Концентрация — это фокусирование энергии мысли на чем-то определенном, борясь со всеми другими вторжениями, направлениями, удерживание мысли, сфокусированной на чем-то одном. Это то, что обычно называется концентрацией; школьник учится этому. Ему хочется посмотреть в окно, а учитель говорит ему быть внимательным, сосредоточиться на книге. Но, ученику гораздо более интересно смотреть на летящую птицу, на муху, ползущую по стене, и на ящерицу, весящую вниз головой.

Смотрение на все это — внимание, но учитель говорит смотреть в книгу. Вы видите разницу? Ну, давайте! Итак, мы должны отличать внимание от концентрации. Наши умы, в большей или меньшей степени, приучены концентрироваться. Но и в этом мы, пожалуй, тоже не очень сильны. Пока это приносит вам вознаграждение или помогает избежать боли, вы концентрируетесь. То есть, фокусируя свою мысль на чем-то одном, вы должны игнорировать любое другое движение мысли, а мысль постоянно давит. Человек хочет сконцентрироваться на чем-то, но мысль блуждает, и вы должны возвращать ее обратно. Поэтому имеет место постоянная борьба.

Существует контролирующий и контролируемое. Контролирующий постоянно говорит, что мысль должна быть внимательна, должна концентрироваться, должна делать это, должна делать то. Между контролирующим и контролируемым не существует разделения. Вы следите за этим? Пожалуйста, следите, это — ваша жизнь, не засыпайте. Если вы действительно поймете это, то увидите, что конфликт полностью заканчивается. Если вы действительно поймете это, не на словах, не интеллектуально, а увидите истину того, что контролирующий есть контролируемое, то вы увидите, что конфликт полностью прекращается. Мысль разделила себя на контролирующего и то, что она будет контролировать. Однако это, по-прежнему, — мысль. Поймите это.

Человек злится, а затем мысль говорит: «Контролируй, не злись». Отличен ли этот гнев от

мысли или от ума, который в гневе? Вы понимаете? Вы — это гнев, вы не отделены от него. Это ясно, не так ли? Итак, контролирующий создан мыслью, мыслью, которая культивировала традицию того, что он — главный, что он отличен от мысли, от контролируемого. Сейчас, если вы понаблюдаете за этим, то увидите, что контролируемое — это контролирующий. Мысль блуждает и мысль говорит: «Я должен контролировать». Мысль говорит. Итак, мысль есть контролирующий. Вы понимаете? То есть контроля не существует. Это очень опасное заявление, если вы не понимаете его. Выступающий никогда не контролировал свои эмоции, свои мысли — все это, никогда. Потому что с самого начала он видел, что контролирующий есть контролируемое. Конфликт существует лишь тогда, когда есть разделение.

Мне интересно понимаете ли вы все это. Вы видите все это? Пожалуйста, поймите это, ведь медитация — это не конфликт. Она не означает, что вы должны контролировать, она не означает, что вы не должны измерять, она не означает, что вы должны делать то или это. Эта медитация естественно приходит тогда, когда вы навели в своем доме порядок, в своем доме, в себе. Порядок, который означает, что в вас нет конфликта, нет и тени усилия. Это требует от человеческого ума безграничного изменения.

Итак, медитация — это прекращение какого бы то ни было измерения. Измерение существует до тех пор, пока существует «я», «я» со всей моей гордостью, со всеми моими образами, со всеми моими обидами, с моим тщеславием, с моими амбициями, страхами и прочим, «я», созданное мыслью. До тех пор, пока существует это «я», являющееся центром измерения, являющееся самим центром конфликта, медитация ведет лишь к дальнейшим иллюзиям, к продолжению зла. Она не имеет смысла. Итак, окончание «я» — это начало мудрости и медитации.

А ум — совершенно, а не частично, тих. Знаете, вы всегда искали спокойствия ума. Спокойствия ума не существует.

Спокойствие существует лишь тогда, когда есть полное отсутствие насилия. Если вы тщеславны, то насилие есть. Сэр, это — факты. Углубитесь в это. Когда вы принадлежите к какой-либо группе, — религиозной, национальной или нет — в этом присутствует насилие. В ваших отношениях присутствует насилие. Итак, основной ответственностью человека, который действительно серьезен и по-настоящему хочет разобраться в том, что есть медитация, является приведение дома в порядок. Это означает, что он должен иметь здоровое тело, ведь организм влияет на мозг. Если у вас тяжелое нетренированное тело, то ваш ум тоже становится, пожалуй, несобраным. [23 [нажми](#)] Все это — факты. Это общеизвестные факты.

Затем мы начинаем выяснять, что есть религия, так как можем обнаружить, что тот ум, который свободен, в подлинном смысле этого слова, — это религиозный ум. У религиозного ума нет проблем. Вы понимаете? Нет, пожалуйста, это лишь слова, потому что мы наполнены проблемами, не только семейными проблемами, но и проблемами на работе, проблемами, за кого нужно голосовать — всем этим. У вас так много проблем. Проблема означает нерешенный вопрос. То есть, если в детстве вам причинили боль, как большинству из нас, нас обидели, и эту душевную рану мы несем всю оставшуюся жизнь, и это становится огромной проблемой, ведь рядом с этой раной идут страх, изоляция, избегание, бегство и еще больший страх. Это — проблема. Немедленное завершение этой проблемы означает восприятие того, кто обижен, что обижено.

То, что обижено, — это тот образ, который вы построили о себе самом. А когда вы видите это, как должны видеть сейчас, как объясняет говорящий, то вы видите и то, что до тех пор, пока существует образ, — благородный или низкий, скорее поверхностный, глупый, любой — вы

будете продолжать обижаться. Это — факт. Вы создаете образ другого или себя, потому что в этом образе вы находите безопасность. Вы понимаете? Вы находите безопасность в образе, созданном мыслью, что означает полное отсутствие безопасности в этом образе, но вы держитесь за это. Сейчас вы услышали это утверждение и, видя, что образ — это разложение, и слыша это, положите ему конец. Это действие высшей разумности. Видение опасности и одновременно подвергание себя опасности — это невротическое действие. Здоровый человек, разумный человек, разумный в том смысле, в котором мы употребляем это слово, видит яд, видит опасность и действует немедленно.

Итак, мы спрашивает: «Что есть религия?» Человек всегда искал нечто за пределами этой жизни, за пределами времени, за пределами всех измерений; он называл это вечностью, истиной, бессмертием, чем-то неизмеримым, безымянным. И всегда были те, которые говорили, что приведут вас к этому, которые говорили, что они знают, а вы не знаете. Это продолжается с тех древних времен, когда священник пришел к власти; он знал, а мирянин — нет. Древние египтяне создали иерархию священнослужителей, и мы в точности продолжаем это. Мы хотим найти то, что не имеет имени, для чего не существует слов, что не имеет формы, что является всей вселенной, а вы подходите и говорите, что приведете меня к этому, что вы знаете, а я нет.

Поэтому остерегайтесь того, кто говорит, что он знает.

Итак, мы дошли до того, что человек искал что-то священное. Мы говорим о серьезном, а не о поверхностном человеке, поверхностный человек поклоняется образу, созданному руками или умом; поверхностный человек следует определенным ритуалам, принимает догмы, верит в фантастическую и романтическую бессмыслицу. Это называется религией, организованной иерархической властью, всем этим. Итак, вы отмечаете все это в сторону, ведь это не имеет какой-либо ценности, ведь все это продукты мысли. Мысль может сказать, что мы получили это свыше, но это по-прежнему часть мысли. А мысль ограничена, она никогда не бывает полной, потому что всегда является результатом знания, а полного знания о чем-либо не существует. Следовательно, мысль всегда находится в тени невежества.

Итак, если вы можете полностью отвести в сторону все это, то это означает полную внутреннюю свободу. Не свободу не подчиняться закону, что глупо, а отсутствие каких бы то ни было психологических проблем, что означает освобождение вами огромной психологической энергии. Вы понимаете, что я говорю? У нас есть физическая энергия, проявляющаяся в том, что мы ежедневно ходим в офис, потрясающая энергия для того, чтобы построить мост, делать что-то физически. Однако психологически мы — калеки, потому что никогда не погружались в это, никогда не задавались этим вопросом, никогда не наблюдали. Однако должна существовать свобода от всех проблем и, следовательно, полная психологическая свобода, свобода в самой психической структуре. Безмолвие является этой энергией.

Безмолвие является этой пустотой, пустотой всего содержания вашего мозга. Не существует никакого «как», не существует метода; методы, «как», системы являются изобретениями мысли, поэтому они ограничены, и, следовательно, неприемлемы. Но если вы поймете, если увидите, что никакая система не может освободить ум, когда вы видите это, действуете, существует немедленная свобода.

И религия есть раскрытие того, что является самым священным, что не имеет имени, что есть абсолютная истина — источник всего. У нас нет времени на то, чтобы сейчас углубляться во все это.

Итак, затем нам следует погрузиться в то, что есть любовь. Любовь — это не удовольствие, любовь — это не желание. Вы уже слышали об этом; взгляните на это, погрузитесь в это, увидите это. Когда вы видите истину этого, существует бесконечная красота. А когда существует эта любовь, к которой никогда не притрагивалась ревность, зависимость, привязанность — все

это, тогда существует эта любовь и сострадание, которое есть разумность. Тогда ум может выйти за пределы всяческого измерения.

Вы знаете, сэр, что ученые исследуют вселенную; астрофизики с помощью мысли, телескопов, различных измерений, постоянных наблюдений за звездами пытаются открыть источник всего этого, источник вселенной, отправляясь в безграничные просторы космоса и т. д. Но человек очень редко погружается внутрь себя. А там он может обнаружить безграничную неизмеримую вселенную, являющуюся этой вселенной. Для этого в вашем уме должно быть безграничное пространство. Все это есть медитация: сначала наведение порядка в доме, полного порядка, в котором нет конфликта, нет измерения, и там, в этом доме есть любовь; затем содержание ума, которое есть сознание, может быть полностью освобождено от «я», которое есть вы.

Затем, если вы продвинулись настолько далеко, ум становится, является — он не становится, становления не существует, становление — это все еще измерение, — полностью, совершенно тих, не на какое-то время, не на какой-то период, но его состояние является тишиной. А, исходя из этой тишины, он может отвечать мысли и использовать мысль. Вы понимаете? Но он постоянно находится в состоянии полной тишины, опустошенности от всего своего содержания. Если вы продвинетесь так далеко, тогда вы узнаете, тогда там будет то, что вечно, что безымянно.

Примечания

1. В роще Броквуда росло много редких деревьев, включая секвойи. ([обратно к чтению](#))
2. Many rare trees, including redwoods, grow in the grove at Brockwood.
3. To poison — отравлять, заражать; портить, развращать ([обратно к чтению](#))
4. To experience — испытывать, переживать, знать по опыту. ([обратно к чтению](#))
5. Кришнамурти в этой записи говорит в годах своего отрочества, проведенных в Адьяре, близ Мадраса. ([обратно к чтению](#))
6. Krishnamurti is writing here about his own boyhood at Adyar, near Madras
7. Кришнамурти описывает свое детство. ([обратно к чтению](#))
8. Krishnamurti is describing his own childhood.
9. Relationship — отношение, взаимоотношение, взаимосвязь, связь, родство (слово «отношение» здесь употреблено не в смысле отношения к чему-то, а в смысле взаимосвязи с чем-то) ([обратно к чтению](#))
10. Taste — вкус; манера, стиль; склонность, пристрастие. ([обратно к чтению](#))
11. Committed — преданный, приверженный чему-л.; ярый, активно участвующий в чем-то. ([обратно к чтению](#))
12. Experience — опыт, переживание (здесь и далее в зависимости от контекста можно употреблять и то и другое слово). ([обратно к чтению](#))
13. Self — собственная личность, сам, эго, "я". ([обратно к чтению](#))
14. Это дом, где Кришнамурти останавливался в Малибу. ([обратно к чтению](#))
15. This is the house where he was staying at Malibu
16. Skeleton — скелет, костяк; каркас, основа, остов. ([обратно к чтению](#))
17. Contain — сдерживать, удерживать, содержать в себе, включать, вмещать. ([обратно к чтению](#))
18. Vitality — жизнеспособность; жизненность, жизнестойкость; живучесть, живость, энергия, энергичность. ([обратно к чтению](#))

19. Authority — власть, авторитет, вес, влияние. ([обратно к чтению](#))

20. Pleasure — удовольствие, в отличие от enjoyment — наслаждение. ([обратно к чтению](#))

21. Authority — см. стр. ([обратно к чтению](#))

22. Corruption — порча, гниение, распад, разложение, упадок; порочность, развращенность (моральное разложение). ([обратно к чтению](#))

23. Sloppy — мокрый, сырой, водянистый, неряшливый, небрежный, сентиментальный. ([обратно к чтению](#))